

Юлий Стрелецкий:: BRANDS RULE THE WORLD (first edition)

1\$

Для того, чтобы попасть на станцию метро, расположенную возле моего микрорайона, нет необходимости спускаться в подземелье. Наоборот, пройдя через классические, качающиеся туда-сюда, двери и успешно преодолев турникет, нужно подняться по широкой, но такой серой лестнице.

А на улице, чуть левее этих самых туда-сюда дверей, начиная с девяностых и вплоть до недавнего времени, располагался пункт обмена валют. Именно туда я заняла неожиданно длинную очередь, прежде чем, взявшись за поручень в вагоне, уйти в привычную медитацию, когда тело бодрствует, но большая часть мозга отключена и погружена в какое-то сомнамбулическое состояние до того момента, пока двери не раскроются на нужной мне станции. Конечно, это если со мной нет какой-нибудь книги.

Мне нужно было обменять сто долларов. Замечу, что для середины девяностых годов, именно того времени, когда происходили описываемые мной события, это была приличная сумма. В нашем городе - едва не средняя зарплата офисного работника.

В этот момент кто-то легонько тронул меня за плечо. Обернувшись, я была ослеплена улыбкой.

- Девушка, вы сдать или купить? – спросил высокий симпатичный парень.

- А что? – ответила я, все еще внутренне сопротивляясь.

- Мне срочно нужно купить доллары, - продолжая улыбаться, он сложил руки на груди в молитвенном жесте. – Срочно! Машину покупаю. Чуть-чуть не хватило. Вы можете мне продать? Не могу стоять в очереди. Просто, не могу.

- Ну, не знаю...

- Я заплачу чуть выше курса, - тут он назвал круглую цифру. – Какая вам разница, кто их купит? Ну, пожалуйста. Сколько вы хотите сдать?

Его улыбка уже выжгла мне глаза и двигалась все глубже и глубже.

- Сто долларов, - сказала я и протянула бумажку в слабеющей руке.

- Прекрасно! – воскликнул он и взял деньги.

- Но здесь нет ста долларов, - он вернул мне купюру.

- Здесь всего один доллар, - сказал парень, и улыбка исчезла с его лица. – Шутите вы, девушка.

Сказал, и, развернувшись, мгновенно растворился в толпе, спешащей во всех направлениях. А я осталась стоять, сжимая в руке один доллар.

Не помню, как добралась домой. Двигалась будто в густом вязком тумане, едва переставляя ноги. А через месяц позвонила Ленка и сказала, что надо идти хоронить Валу.

Не могу сказать, что это стало для меня неожиданностью. Мы все понимали, что этот день неизбежен.

- Рак..., - констатировала очевидное Ленка. – Малого жалко. Ему всего два года. В прятки играть любит.

Да, я тоже вспомнила Илюшу, играющего с Валею в прятки, и мы обе разрыдались. А насколько драматично смотрелось присутствие ребенка на похоронах матери – словами не передать. Его просто не было с кем оставить. Ни одного родного человека, кроме отца и матери. Теперь уже кроме отца.

Не уверена, что малыш до конца осознавал, что произошло. Наверняка он испытывал грусть от того, что мама больше не хочет с ним играть. Или плакал, проникшись всеобщим настроением. Но вот кто-то отпустил его руку, и, неожиданно смеясь, и смешно переставляя маленькие ножки, Илюша начал бегать возле крестов и прятаться за них, будто играя в прятки с кем-то, кого мог видеть только он.

Я попросила Ленку указать мне на молодого отца, и мои глаза встретились с ним. Я видела, что он узнал меня. Как и я узнала его, несмотря на то, что он больше не улыбался.

Крылья.

Чувство полета. Что может быть прекраснее? Он опять летел над облаками. Там, где небо днем голубое-голубое, ночью черное-черное, а звезды такие яркие. Поток свежего воздуха в лицо, полная свобода и огромные белые крылья за спиной. Сильные и надежные.

Но вдруг что-то идет не так. Что-то тянет к земле, такие, казалось, надежные крылья слабеют. Лететь становится все труднее, и он падает. Насквозь пробивает облака и несется прямо к земле. Когда до столкновения остаются считанные мгновения, и можно в мельчайших подробностях рассмотреть каждый кустик, горбун просыпается. Просто ему опять приснился этот кошмар. Ничего страшного – за столько лет уже можно было привыкнуть. Но нет, каждый раз, будто впервые.

Ничего страшного. Он дома. Если домом можно назвать юрту шамана. И сам старый шаман где-то рядом. Наверно не спит, как всегда. Ночью ему особенно тяжело дышать. Видно, скоро старик отправится тропой теней к далеким предкам. И некому будет защитить и позаботиться о молодом горбуне Плине.

И, как бы в подтверждение его мыслей, шкуры в другом конце юрты заворочались, и оттуда донесся болезненный кашель. Старый шаман действительно не спал.

- Плин, Плин! – позвал он горбуна. – Принеси мне воды из родника.

- Да, господин! – тут же откликнулся тот и поспешил найти меха, сделанные из козьей шкуры, где хранилась вода.

Но меха оказались пусты. Тогда горбун поспешил к выходу, чтобы дойти до родника и вновь наполнить их свежей водой.

А старик погрузился в свои воспоминания. О да, он отлично понимал, что жить ему осталось недолго. И действительно, когда он умрет, некому будет позаботиться о молодом горбуне. Тогда, семнадцать лет назад, когда воины нашли этого уродливого младенца прямо в степи, его хотели тут же умертвить. Чтобы не мучился. А брать к своему костру уродца никто не желал. И именно он, шаман, запретил им это делать, объявив, что этот младенец сын небесных духов. С тех пор Плин стал чем-то средним между его рабом, сыном и преданным слугой. А сын ли он небесных духов? Может и не все в племени поверили в это. Но закрыли глаза на прихоть шамана: «Пусть нянчится с уродцем, ему кормить – не нам». Но сам-то старик твердо знал, что увидел в этом ребенке...

А в это время горбун обогнул холм и направился напрямик к источнику, вода которого считалась целебной. Он шел легко, и мысли его были такие же легкие и немного грустные.

Он давно смирился с ролью неполноценного человека. Был он слаб. Мужчины презирали его, а женщины смеялись и немного жалели. И вот теперь все воины ушли на север защищать свои земли от нашествия племен воинственных чужаков, а в стойбище остались только дети, старики и женщины. Да еще он – недочеловек Плин. Ушел с ними и молодой вождь Атей – самый сильный воин племени. А его беременная жена Опия осталась. Опия, для которой Плин был пустым местом. Опия, которую он так любил, и на которую боялся поднять глаза.

Горбун дошел до источника и опустил горлышко кожаной фляги в ледяную воду. Наверно журчание этой самой воды и помешало ему почувствовать легкое дрожание земли, будто множество всадников приближалось к стойбищу. На обратном пути, подойдя к холму, закрывающему стоянку, Плин услышал крики. «Наверно воины вернулись из похода», - подумал он. И побежал быстрее, напрямик через холм. Но уже с вершины холма он увидел горящие костры юрт, множество черных всадников, без труда прорвавших окружающую стоянку стену из походных телег, и теперь снующих между юртами, прибитого к земле копьём старого шамана и кричащую Опию, которую нагую за волосы тащил какой-то рослый воин.

О, как сладостно воину вкушать дары своей победы! Как звуки музыки звучат для него крики женщин поверженных врагов его. Это его добыча по праву. По праву сильного, по праву победителя. Так наслаждались жестокие северяне песней своей победы, когда ворвались в одно из многочисленных беззащитных стойбищ побежденных кочевников. И как неожиданно было видение... Последнее видение перед тем, как все они отправились в свой воинственный рай. Огромный черный, даже на фоне ночного неба, силуэт, будто дыра в другой темный мир, не касаясь

земли плывший к ним с вершины холма. И его такие же черные, заслоняющие свет звезд, крылья.

Новая школа.

Из ближайшего микрорайона... Соседнего, лежащего по другую сторону дороги... Или, даже, пусть он приехал на общественном транспорте от ближайшей станции метро... Откуда бы ни двигался ученик, последний участок дороги, что ведёт напрямик к дверям школы, лежит мимо забора, не так давно выкрашенного в цвета украинского флага.

Но самое интересное впереди. Причем, во всех смыслах этого слова. Зайдя внутрь школы, необходимо пересечь сравнительно небольшой вестибюль, располагающийся в строении начала двадцатого века. Пройти по специальному проходу, и только тогда учащийся попадал в построенное уже во времена умирающей советской империи здание, так называемой, «Новой школы». Хотя, конечно, во всех остальных смыслах школа была такой же старой.

Школа-то, старая, а вот, сколько лет учительнице украинского языка Самоте Варваре Петровне, точно не знал никто. Нет, ну кому положено, те, конечно, знали. Но это избранное меньшинство. А для большинства учащихся, да и для большинства учительского состава, Варвара Петровна была личностью пугающей и загадочной.

Когда она шла... Нет, когда она шествовала по коридору на перемене, вокруг неё всегда было свободное пространство, радиусом не менее полутора метров. Это всё, что позволяли школьные коридоры. А дети помладше или повпечатлительней вообще прижимались к стене.

Все дело в образе учительницы. Будь она подросткового возраста, её можно было бы принять за поклонника таких субкультур, как эмо или готы. Высокая и подчеркнута прямая, Варвара Петровна ходила в длинном обтягивающем черном платье или, наоборот, в слишком короткой кожаной юбке. Её длинные черные волосы прямыми линиями опускались ниже плеч. Линии острого лица были подчеркнуты темным макияжем. Дополняли образ многочисленные массивные серебряные перстни на пальцах.

Но сейчас Варвара Самога двигалась не в сторону кабинета украинского языка, а по направлению к учительской. До начала урока оставалось еще пятнадцать минут.

Едва зайдя и прикрыв за собой дверь, она успела сделать буквально несколько шагов и остановилась, как вкопанная, возле круглого стола, расположенного посередине комнаты. Её рука, прямая, как увенчанное острием черного накладного ногтя копьё, медленно вытянулась в направлении того, что лежало на нём. А глаза стали большими и без движения смотрели в том же направлении. Все присутствующие в учительской с замиранием сердца наблюдали за своей коллегой.

- *Що це?* – наконец выдохнула Варвара Петровна. – Русская школа?

Все проследили за направлением её взгляда и увидели, что на столе среди чашек и канцелярских приборов лежит несколько журналов, на обложке которых написано: «Русская школа».

- *Так у нас вже...* «Русская школа»? – еще раз спросила Варвара Петровна. Причем, последние слова были выделены паузой и произнесены нарочито звонко.

- Что вы, Варвара Петровна, школа у нас не русская, а самая что ни на есть украинская, - откликнулся невысокий лысоватый мужчина средних лет. – В чем, собственно, дело?

Это был директор школы.

- *В цьому,* - и учительница опять указала на стол. – *Звідки це?*

- Это моё, - от группы преподавателей отделилась молоденькая учительница русского языка.

- *Що це?* – повторила свой вопрос Варвара Петровна, глядя в её голубые монголоидные глаза.

- Мои методические пособия. Они нужны мне в работе.

- *Яка ще робота?*

- Учить детей русскому языку и литературе.

- *Всесвітній літературі,* - вставил директор.

- *Будь ласка, приберіть це. Я взагалі не розумію, навіщо цьому навчати дітей? Нехай би краще більше часу приділяли вивчанню рідної мови. Або якоїсь іншої європейської мови,* - твердо сказала Варвара Петровна.

- Хотите вы того или нет, но, так или иначе, наши дети будут разговаривать на русском языке. В том числе. Но от нас зависит: будут они делать это грамотно, или нет, - возразила учительница русского языка.

- *Чому це, так чи інакше? Це як? Хіба їх хтось примусить?* – не сдавалась Варвара Петровна.

- Девочки, девочки, не ссорьтесь, - постарался прервать диалог директор. – Лучше доложите по своим классам. Уже все дети сдали деньги на сигареты для воинов АТО? Кстати, у вас, Варвара Петровна, в классе пополнение.

С тех пор, как произошли известные события, урок в классе Варвары Петровны всегда начинался одинаково - с пения гимна Украины. Поначалу, под аккомпанемент её мобильного телефона. Затем школа предоставила колонки, и мобильный телефон начали подключать к ним. Получалось громко и красиво.

Вот и сегодня всё начиналось, как обычно. Как только Варвара Петровна зашла в класс, дети встали, будто по команде. Привычная манипуляция: телефон, штекер, кнопка play. Дети стоят, вытянувшись по струнке, правая рука приложена к сердцу. И, хотя глаза Варвары Петровны прикрыты в священном экстазе, сквозь приспущенные веки она зорко следит за всяким несоблюдением ритуала. Все должны петь, а не делать вид.

Но вот в её стройной схеме что-то работает не так. Какой-то мальчик, судя по всему, тот самый обещанный ей новичок, встал, но его губы плотно сжаты, и он не произнес ни одного слова песни.

Варвара Петровна выключила музыку.

- Ми будемо вчитись співати гімн Батьківщини, - строго сказала она, - поки усі не вивчимо його слова та не навчимоь співати. Усім зрозуміло? І не сядемо, і не почнемо урок, поки усі не доспіваємо наш гімн. А зараз - з початку...

Снова заиграла музыка. Все запели еще старательней, но новичок по-прежнему не раскрыл рта.

- Ми будемо співати із-за однієї людини, - еще строже сказала Варвара Петровна. – Нехай їй стане соромно. Він знає, о ком я, але затримує увесь клас.

Но ситуация не изменилась. Мальчик молчал. Только опустил голову и теперь смотрел в пол.

- Прошу звернути увагу на нового учня. Це саме через нього ми затримуємось, - надала учительница.

Но ситуация не изменилась. Наконец, Варвара Петровна выключила музыку и в наступившей тишине вплотную подошла к опустившему взгляд мальчику.

- Чому ти не співаєш? Ти не знаєш слів? – спросила она.

Ученик помотал головой. И этот жест можно было расценить двояко. И как «нет, не знаю», и как «нет, знаю, но не в этом дело».

- Давай разом, - сказала учительница. – Щееее не вмерла України...

Но ребенок молчал. Казалось, он стал ниже ростом. Плечи ссутулились, голова опустилась еще ниже.

- Звідки ти?

- Луганск, - едва слышно произнес он.

- Так ти можеш розмовляти? – едко произнесла учительница. – Ще й зі східної України. То це ти просто не хочеш співати гімн своєї Батьківщини?

Ученик опять помотал головой. И опять понять его можно было по-разному.

- Давай ще. Щееее не вмерла Уууукраїни... Мовчиш?! А ну співай! Співай гімн своєї Батьківщини!

Ученик упрямо молчал. Только слезы текли по его лицу.

- Твоя Батьківщина дає тобі притулок, а ти не вважаєш за потрібне співати її гімн? Мабуть це батьки тебе навчили?! Зрадники-сепаратисти. Нащо ви приїхали сюди?! Співай, кажу!!!

Он молчал.

- Співай!!! – она перешла на крик.

В этот момент кто-то из других учеников подал голос.

- Варвара Петровна, он не виноват...

- Що? Хто це сказав? – Варвара Петровна развернулась в сторону говорившего. Но тот выдержал её взгляд.

- Мама Дениса рассказала моей маме, что, когда сепаратисты захватили военную часть, в которой служил его отец, они у всех на глазах заставляли их петь гимн Украины, а затем избивали и стреляли. Так погиб его отец. Но им с мамой удалось уехать.

Проклятие.

- Открытым быть глупо. Добрым – стыдно! – так говорил я, обращаясь к своему попутчику. – Вот чему нас учит жизнь. К сожалению. Ведь почему многие с теплотой и симпатией относятся к тем же грузинам? Потому, что грузины, в большинстве своем, открытые и прямые (по-хорошему). Они не европейские. В нордическом смысле этого термина. Не холодные и рациональные. Они любят общаться и бурно выражать свои мысли. У них принято быть гостеприимными и просто так делать подарки и широкие жесты по отношению к малознакомым людям. Понимаешь?

Попутчик кивнул.

Я подобрал его несколько минут назад. Классический автостопщик. Подразумевалось, что это он будет развлекать меня в моем одиноком путешествии, но получилось, что это водитель, что называется, нашел «свободные уши».

Через пару часов после начала путешествия я захотел человеческого общества. Я пропустил стремного мужика в камуфляже и тетку с большим клетчатым баулом. И, наконец, увидел его – парня, одетого «по-молодежному». Из вещей – один небольшой рюкзачок. Мне даже пришлось резко затормозить и перестроиться из крайнего левого ряда для того, чтобы подобрать этого пассажира. Слава Богу, что пассажир попался не разговорчивый и готовый слушать мои разглагольствования.

Он отказался от предложения спрятать рюкзак в багажник и положил его у своих ног прямо на пол перед передним сиденьем.

- И у нас теперь так: предлагаешь подвести знакомую девушку на автомобиле, а она воспринимает это как домогательство. А ты об этом совсем не думал. Ты предложил от чистого сердца и потому, что тебе не сложно, есть время и настроение прокатиться по ночному городу. Или твой друг заболел, и ты предложил заехать к нему навестить. Но у нас же это не принято. Он удивляется, и ты чувствуешь себя просто идиотом, - продолжал я свой монолог. – К чему я? Хочу рассказать тебе одну историю. Она произошла со мной два месяца назад. Здесь, на этой дороге. Кстати, недалеко от поселка с характерным названием «Цыганское». Это важно. Ты поймешь почему. В тот раз я увидел на обочине не новую, но добротную семерку BMW. Возле нее стоял человек с вытянутой рукой. «Что-то случилось, - подумал я. – Возможно нужна помощь...» и остановился. Сразу обратил внимание, что номера у бумера германские. Возможно, на это я и купился. Собственно, только потом до меня дошло, что при желании такие номера заполучить совсем не сложно. Ко мне подошли два человека, один «славянской» внешности, другой «южной» и наперебой, заглушая один другого, используя активную жестикуляцию, на ломаном русском... Вернее, иногда вставляя отдельные иностранные слова, начинают рассказывать, что они югославы и у них закончился бензин.

«Чем же я могу помочь? – спрашиваю я.»

«Дай денег, - резюмируют они. – У нас большой бак - много бабла нужно.»

Суют какую-то визитку и крупную золотую печатку. Мол, ты дашь денег, мы заправимся, а потом встретимся с тобой, ты отдашь нам кольцо, а мы вернем тебе деньги.

Теперь я уже понимаю, что моя ошибка была в том, что я не ожидал такого подвоха на дороге. Если я вижу, что человек голосует с просьбой о помощи, то наверно ему действительно нужна помощь. Совсем другое дело, если бы я встретил цыган «в городе». Тут я был бы начеку. Плюс, пресловутый цыганский гипноз.

Я пытался отделаться небольшой суммой. Причем, брать печатку не собирался. Я хотел помочь иностранцам от чистого сердца. Показать, что наша страна на самом деле гостеприимная, и, что у нас хорошие люди. От кольца отказывался. Но они настаивали, говорили, что этих денег им не хватит, что большой бак. В итоге я дал больше. Еще больше. И забрал гайку.

Конечно, когда я отъехал, и прошло минут пятнадцать, то понял, что меня развели. Конечно, деньги никто не вернет. Печатка, понятно, подделка. Но обидно другое. Обидно, что я не повелся на блеск поддельного золота, я действительно хотел помочь. А у меня не только забрали деньги – мне в душу плюнули. У тебя такое бывало?

- Ну-у-у-у..., - неопределенно протянул попутчик.

- Когда я позвонил другу и рассказал эту историю, он посмеялся, - продолжил рассказ я. – Сказал, что эти ребята стоят на этом месте еще с советских времен. Что его отец точно также подарил им кучу денег и еще и отливал бензин. Только тогда они были братьями из солнечной Грузии. И что у этого фокуса есть продолжение. Ты останавливаешься на заправке, и тут тебя догоняют эти ребята. Протягивают тебе твои деньги и требуют свое кольцо. Ты отдаешь, а они возмущаются, что это подделка. Они-то давали тебе настоящее, а это не оно!

- Угу, - послушно кивнул парень, всем видом показывая, что внимательно меня слушает.

- Ты думаешь, я выбросил это кольцо? – задал я вопрос, на который сам тут же и ответил. – Нет, не выбросил. Я решил сохранить его. Отчасти, как напоминание самому себе о том, что нельзя быть «лохом». Отчасти для того, чтобы вернуть его этим ребятам. Нет, я не буду на них кидаться и бить морду. Я знаю, зачем они, несмотря ни на что впарили мне это кольцо. А ведь могли бы взять деньги просто так. Мне кажется, у них существует некий негласный принцип: они должны не просто забрать деньги, а что-то дать взамен. Вроде как они мне это продали, а что цена завышена – так это мои проблемы. Это что-то вроде приема, чтобы отвести от себя кармический удар. Ведь цыгане придают значение таким вещам. И вот я, если я снова увижу их на этом месте... А это может произойти, ведь я часто езжу этой дорогой. Я выйду и брошу им это кольцо, произнесу какое-то страшное проклятие. Ну, не настоящее конечно. Прикольнусь. Но, пусть они слегка взбодрятся.

В этот момент случилось то, что должно было случиться. Я увидел на обочине знакомый BMW и, не раздумывая, затормозил. Стоит ли говорить, что это были именно они. Те самые два парня. Я не знаю, узнали они меня или нет? Скорее нет. Ведь один из них, по уже отлаженному сценарию, подходил ко мне, с улыбкой протягивая руку и начиная толкать свою печальную историю. Я вытащил из кармана кольцо и показал его этому гаду. Он остановился. С лица исчезла улыбка, но было не похоже, чтобы он испугался. Скорее всего, в его практике случалось отбивать подобные удары судьбы.

- Ash nazg durbatulûk, ash nazg gimbatul, ash nazg thrakatulûk agh burzum-ishi krimpatul! – прокаркал я как можно более хриплым голосом и бросил кольцо под ноги вражине.

Его реакция превзошла все мои ожидания! Я и не думал, что стишок из «Властелина Колец» может так напугать человека. Цыган побледнел, губы его искривились, в глазах читался явный страх, и он начал пятиться назад. «Вот, что классика делает!» - с удовольствием подумал я. Но тут же обнаружил, что тот смотрит не на меня, а куда-то за мое плечо. Я обернулся и увидел моего попутчика. Он вылез из машины вслед за мной, у его ног валялся давешний рюкзачок, а в руках он держал укороченный АКС и направлял его дуло прямо на цыган.

Свято место.

- Я уже был на подобном открытии памятника на месте снесённого ранее Ленина. Понятно, что точно так же на главной площади, но другого украинского города.

Будущий памятник "героям Майдана" стоял накрытый чёрным покрывалом. Узнать его содержимое по контурам было невозможно, - рассказывал один из присутствующих.

А присутствующих в гостиничном номере было трое. Похожий на борца в среднем весе журналист из Грузии, представитель американской прессы из числа бывших эмигрантов из Союза. Или, по крайней мере, их сын. Прекрасно говорящий на русском с акцентом. И белобрысый посланник либеральных московских СМИ. Он-то и вел повествование.

- Собрались все. Отцы города, пенсионеры и школьники. Журналисты. Все празднично одетые. В вышиванках. Иностранные гости. Понятно, из Европы. Флаги развеваются, оркестр играет гимн, но как-то на мотив "Наш паровоз вперед летит". И вот представление подходит к кульминации. Речи сказаны, гимн спет, оркестр смолкает. Все взоры обращаются к постаменту, ранее удерживавшему проклятого идола.

Американец по имени Иван лениво переключал каналы телевизора, слушая рассказчика в пол уха. Его взгляд задержался на новостях, в которых сообщали о предстоящем в столице параде натуралов. В углу экрана на всех телеканалах надежно была закреплена горящая свеча.

- И вот, покрывало спадает и все видят, что памятник выполнен в виде фигуры казака Гаврилюка, - продолжил свой рассказ Вениамин, - в той, прославившей его на весь мир позе, когда он стоит голый перед «беркутовцами». Только, чтобы подчеркнуть "гиднисть", голова его не опущена, а, наоборот - подбородок гордо поднят вверх, взгляд прямо. А руки, внимание, не скрещены на паху, а в полном достоинства жесте разведены в разные стороны. Он, как бы, открыт и смел. Ну и достоинство, понятно, при нем. Причем, довольно большое.

- Мне кажется, ты придираешься, - подал голос грузинский журналист Георгий. - Есть и хорошие памятники. Вот, например, я был в городе, где вместо памятника Ленину поставили тематический в виде бутылки, размером с человеческий рост, из горлышка которой постоянно бил поток пламени. Туда провели газ. Получилось что-то вроде "вечного огня". На бутылке даже сделали наклейку: "Львовское", 1715.

- А газ какой? - уточнил Вениамин - Российский?

- Нет, конечно. Словацкий! - ответил грузин. - А памятник в виде покрышек? Настоящих. Очень просто и со вкусом сложенных в виде логотипа Audi. И про революцию, и про европейские ценности одновременно.

- Audi с номерами "LT"? - опять встрял Вениамин.

- Да хватит уже! - вспыхнул грузин. - Ты точно представитель либеральной прессы? Или ты твердолобый патриот?

- Либеральный - не означает глупый, - возразил Вениамин. - Что касается того, патриот я или нет, то, конечно, я - патриот. Надеюсь только, не твердолобый, а вполне осознанный. Позволю себе высокопарное сравнение. Россия - как женщина.

Это предмет одушевленный. Эгрегор всего того и тех, кто наполнял это имя смыслом. Как плохим, так и хорошим. Её можно любить, а можно ненавидеть. Выражаясь современным языком, это - бренд. Кто-то служит, простите, матушке-России. Белые офицеры, по крайней мере, если судить о них по Булгакову и другим классикам (что может быть сильно отличалось от реальности), делали что-то во имя её, как древние римляне совершали поступки во славу Рима. А если быть проще, то моё отношение к матери полностью выражено в песне ДДТ "Родина".

- А что касается памятника, - продолжил Вениамин. - я видел хорошие. Так, один из них был выполнен в виде бегущего вверх человека с высоко поднятым факелом (видимо, свободы) в одной руке и с фанерным щитом в другой. Его грудь, спину и щит, пробивало что-то стилизованное под копье. Правда выглядело это так, будто изначально оно вошло в спину и вышло через щит, а не наоборот.

- Парни, не ссорьтесь, - подал свой голос чернобровый Иван. - скорее всего сегодня всё будет проще. Это будет что-то вроде железного креста, украшенного праздничным "рушныком". Стильно, а главное - дешево.

- Вениамин, - продолжил американец, - могу я узнать, что именно по-вашему означает "либеральный"?

- Вы серьезно?

- Yep, of course.

- Ну что ж, отвечу, - продолжил Вениамин. - Я считаю, что на протяжении почти всей истории России и Украины тоже (ведь её историю можно считать отражением, уменьшенной копией истории сестры, только часто события, ставшие в России трагедией в Украине превращаются в фарс и абсурд) было только две партии: консерваторы и либералы. Причем, личины они принимали совершенно разные. Часто, совсем не те, о которых принято думать. Главное их отличие не в том, что либералы придерживались прав человека, а консерваторы наоборот. Те, кого я называю либералами, бывали при власти и вполне могли устроить массовые стрелецкие казни. А в том, что либералы стремились интегрироваться в мировую среду. Чтобы это не подразумевало - от торговли до завоеваний. А консерваторы - отгородиться от этой самой среды.

- Как интересно. Go on.

- Я не знаю, когда это началось. Может быть с Петра Великого, а может быть ещё с его отца - Алексея Михайловича. Только Петр уже был из партии либералов-реформистов. А вот казненный по его же приказу сын - нет. С тех пор и повелось - две партии постоянно пинают друг друга. Такими либералами были те же декабристы. Надеюсь вы не думаете, что они старались ради народа? Нет, они желали конституцию, чтобы стреножить императора и легализовать свое аристократическое влияние. И не надо смотреть на маски. В какой-то момент либералами были большевики, ставшие потом консерваторами. Вы не согласны?

- В этом что-то есть, - кивнул Иван. - Но только я считаю всё ещё глубже. В мире вообще есть только две партии. И у каждой есть своя правда. Партии прогресса и

стагнации. Они тоже меняют маски. Прогресс - это не обязательно хорошо. В стагнации есть свои плюсы и минусы. Атомная бомба и вырубка лесов такая же часть прогресса, как и антибиотики и прививка от свинки. А о том, что знание может стать дубинкой о двух концах, особенно в руках полуобразованного человека, что-то знали египетские жрецы, которые хранили эти самые знания от стада. Следуя этой моей теории, большевики в какой-то момент являлись партией прогресса, а в какой-то самого настоящего регресса. Причем, неоднократно меняясь ролью в ходе своей истории.

- Ребята, зря вы курили эту дрянь! - воскликнул грузин. - Вино будем?! Есть коньяк!

В этот момент в дверь постучали.

На секунду все замерли, глядя в сторону двери. Кажется, даже опухший президент из телевизора прервал свою речь о том, что евроинтеграция - это медицинская реформа плюс wi-fi в каждый дом, и посмотрел туда же, куда и все.

Наконец Вениамин подошел к двери и открыл её. За ней стоял мужчина средних лет, и всё в его облике было прекрасно. Новенький, с иголки военного костюма цвета хаки, подобранные по цвету к нему тактические часы и торчащий из кармана такой же тактический фломастер. Из-под расстегнутой куртки виднелась вышиванка. Возможно, тоже тактическая.

- Доброго дня, панове, - заговорил мужчина. - Моє прізвище - Москаль. Мене прислав мер нашого міста. Я буду вашим провідником.

Вениамин с удивлением уставился на гостя и, помолчав, сказал:

- Мне действительно очень жаль, что у вас такое обидное прозвище, но нам вы можете сказать свое имя.

- Чёрт, вы что не говорите на украинском? - разочарованно выдохнул мужчина.

Российский журналист обернулся к своим коллегам. Оба отрицательно помотали головой.

- Москаль - это моя фамилия. А зовут меня Осип. С вами придется говорить на русском, - терпеливо объяснил мужчина. - Я ваш проводник по городу. Меня прислал мэр, чтобы я помог вам сделать ваш репортаж. Вы готовы? Идем?

Свою проповедь Осип Москаль начал, как только все четверо очутились на улице.

- Вы наверняка знаете, что сразу после обретения независимости Украиной, многие улицы были переименованы. Так, классикой стала изменение всех улиц и проспектов имени Ленина на Богдана Хмельницкого. А что? Очень удобно. Но после Революции достоинства власти нашего города пошли ещё дальше. Слишком банально называть улицу, скажем, Героев Майдана или Степана Бандеры. Так бы мы пришли к тому же, что и советская власть - третья улица строителей в каждом городе. Ну, думаю, вы понимаете.

Они понимали.

- Итак, мы пошли дальше, - продолжил Осип. - Мы называем улицы и площади именами героев Нашей революции.

- Как интересно! - активно слушал Иван. - Например какими?

- Сейчас мы с вами идем по улице имени Черновол.

- Вы наверно хотели сказать имени Черновола? - встрял Вениамин. - Вячеслава или Тараса?

- Татьяны, - сердито ответил Осип. - Татьяны Черновол. А дальше будет перекресток с улицей Булатова.

- А, теперь и с названием города становится понятнее..., - буквально подтолкнул рассказчика журналист.

- Да, - обрадовался Москаль, - вот вы понимаете! Вы же знаете, что наш город был основан как поселок Царицыно. Якобы на этом месте было поле, где проезжающая по Украине императрица Екатерина остановилась, чтобы сходить до ветру. Село назвали Царицыно поле. Потом просто - Царицыно. После Октябрьского переворота - Ленино.

- Он здесь тоже срал? - уточнил Иван.

- Он всем подосрал, - парировал Осип. - Поэтому мы и переименовали наш город в Мустафа-Найемск.

- А как с советским наследием? Боретесь? - уточнил Георгий.

- Ещё как! Красим так, что краски не хватает.

- Говорят, в вашем городе есть копия киевской Родины-матери, - Георгий тоже решил показать, что он зубастый журналист, - снесёте?

- Конечно нет! - ответил экскурсовод.

- Почему?

- А вы не знаете?

- Нет, - хором ответили заинтересованные журналисты.

- Во время советского оккупационного режима - это была большая тайна, - гордо ответил Осип. - Не многие знали, что в фигуре Родины-матери зашифрована символика украинской державы. Разве сама её поза, эти поднятые вверх руки с мечом и щитом, не напоминает вам трезубец?

- Точно! - воскликнул Иван.

- Конечно! - подхватил Вениамин.

- Вах! - согласился Георгий.

- Мы уже достигли перекрестка с улицей Коменданта Парубия, - сообщил Осип. - не желаете зайти в кафе?

И он указал на большую стеклянную витрину.

- До открытия памятника ещё много времени.

В помещении кафе было довольно жарко. Пока его коллеги рассаживались у столика возле большого, до пола окна, Иван снял куртку, и, оставшись в одной футболке, подошел к окну. За его спиной ровно гудело заведение звуками голосов посетителей и звяканьем посуды. За стеклом перед ним открывался вид на прохладный ноябрьский день.

С другой стороны улицы виднелась вывеска одного из многочисленных "военторгов". Рядом магазин фабрики "Рошен". Американский журналист любовался видом на огромный мурал, нарисованный на торце старой советской девятиэтажки (Картина изображала известного футболиста Андрея Шевченко в красно-черной форме футбольного клуба "Милан" и с усами великого Кобзаря), когда обратил внимание, что проходящие по улице люди как-то недобро косятся на него. Уже началась собираться небольшая толпа.

- В чём дело? - обернулся Иван с вопросом к своим спутникам, как раз в тот момент, когда Осип (по большому секрету) поведал журналистам, что памятник будет выполнен в виде одного из грузинских реформаторов.

Все трое повернули головы к нему. У Осипа отвисла челюсть, а глаза стали огромными.

- Что это? - выдавил он, указывая на грудь американского журналиста. - Флаг Новороссии?

- Что?! - удивился Иван и машинально опустил глаза. - А, это... Это же флаг Южных штатов. Я, знаете ли, неравнодушен. Понимаю, что это полная ерунда, далекая от реальности, но "Унесенные ветром", ореол южноамериканских джентльменов... В этом есть что-то романтическое. Они, своего рода, вроде белогвардейцев. Как их, опять же, представляли в книгах.

- Мне кажется, народ не поймет, - согласился с Осипом Георгий. - Лучше бы снять.

Но было слишком поздно. За стеклом уже скопилось много народу.

Иван снова обернулся к стеклу. Почти прямо перед его грудью, со стороны улицы к нему прилипло лицо мужчины небольшого роста с какими-то дикими глазами. Люди вели себя так, будто человек за стеклом не мог их видеть и слышать, а для них, в свою очередь, разыгрывается какое-то гадкое представление. Или наоборот.

Они что-то кричали и указывали на Ивана пальцами. Кто-то выкрикнул: "Зовите патриотов!"

- Я звоню американскому консулу! - В свою очередь нервно выкрикнул Иван, поднося к уху аппарат мобильного телефона.

В этот момент толпа расступилась, будто льды под натиском ледокола. И перед витриной появился крупный мужчина в камуфляже и очень хмуро уставился близко посаженными глазами в лицо Ивана.

- Предлагаю тактическое отступление, - резонно констатировал Вениамин, пока Георгий доставал мобильный телефон и с довольным видом включал его камеру, - в туалет.

В этот момент что-то тяжёлое, видимо камень, ударило о стекло. Оно выдержало, но покрылось паутиной мелких трещин. Толпа подалась вперед, а в голове у Ивана в один миг включились все голливудские фильмы про зомби-апокалипсис. Досмотрел кино он уже тогда, когда за ним и его товарищами захлопнулись двери местного сортира.

Три товарища по несчастью сумели повернуть защелку, и на время оказались в безопасности. Только Осип куда-то исчез. Спустя какое-то время, за дверью послышался угрожающий шум. Затем громкий стук. Похоже, ногой. Оглядевшись, журналисты поняли, что отступать дальше некуда и приготовились забаррикадировать дверь. Да, пусть даже и толчками.

Но как раз в тот момент, когда было принято решение оторвать первую раковину, шум поутих, а снаружи раздалось спасительное: "Open up. You are safe now!"

После небольших сомнений было принято решение открыть дверь. На пороге стоял высокий, слишком белозубый человек с тонкими седыми волосами и в галстуке с принтом в виде американского флага. За его спиной, лицом к толпе, высился огромного роста негр в черной куртке с надписью FBI большими буквами. А под ней чуть меньше: S.W.A.T

Вениамин в ступоре уставился на эту надпись.

- Что, серьезно? - спросил он, указывая консулу в спину чернокожего.

- А, это..., - отмахнулся тот. - Местные судят о нас по фильмам. Так им понятнее. Вот, значит, американцы. Ещё разорвут при раздаче печенек.

Кстати, раздача началась тут же. Чтобы успокоить толпу, в руках у громилы неожиданно появилась коробка, откуда он извлекал подарки и вручал тем, кто был рядом. В этот раз народу достался американский флажок и пачка презервативов. Хороших.

Дальше двинули уже вместе с консулом и его охранником, похожим на бодигарда рэп-звезды. Тут вновь объявился Москаль. Оказывается, он бегал звонить в Новую

полицию. А в туалете плохая связь. Кстати, курточку-то Иван надел. И не только потому, что холодно.

На главной площади Мустафа-Найемска, куда прибыла эта процессия, в сопровождении в том числе тех людей, которые только что собирались выяснять отношения с журналистами, уже всё было готово. Вокруг предполагаемого монумента выстроена завеса из темной ткани. По периметру праздничные гробы. Еще дальше голодные школьники (в дань памяти дню празднования голодомора): все мальчики в вышиванках и черных балаклавах, а девочки в веночках и кружевных трусиках. Взрослые в свеженачищенных кастрюлях на головах. Тут же несколько шеренг Новых полицейских в своих черных одеждах, похожих на охранников из сети супермаркетов "Сельпо".

- Раньше на этом месте был памятник императрице Екатерине, - продолжил свою лекцию Осип. - После большевистского переворота - Ленину. А вот сейчас увидите что. Свято место пусто не бывает.

Все спели гимн. Потом заиграл какой-то браваурный марш на казацкую тему.

Через минуту после того, как смолкла музыка, что-то щелкнуло и покровы пали. На постаменте стоял невысокий лысеющий мужчина в пенсне на довольно длинном носу. "Берия Лаврентий Павлович", - сумели прочитать иностранные журналисты. Дальше что-то неразборчивое. Ведь никто из них не знал украинского языка.

Хозяин.

Адель проснулась сразу, как только услышала голос хозяина. Он звал ее. Вообще-то она уже какое-то время лишь немного дремала, ожидая его пробуждения. Этим утром он собирался взять ее с собой на пробежку. Хозяин делал это регулярно, не забывая напоминать ей о том, сколько пробежали питомцы его друзей.

Пока хозяин совершал обычный утренний моцион (ему было необходимо связаться со своими друзьями, узнать, как у них дела, прочитать новости, ознакомиться с последними трендами в бизнесе, моде и развлечениях), у Адель было время подумать. И думала о том, кого встретит, выйдя за порог.

И действительно, как только Адель с хозяином оказались во дворе их загородного дома, за забором она увидела его. Рыжий незнакомец уже несколько дней околачивался поблизости. «Наверно меня подкарауливает, - не без гордости подумала Адель, - одного им, кобелям, от нас надо».

Хозяин, конечно, тоже его заметил. И уже несколько раз пытался идентифицировать, но оказалось, что поблизости не было никого, у кого был бы такой рыжий питомец. «Бездомный, наверное», - не без жалости думала Адель.

Впрочем, и с опаской тоже. Хозяин уже проконсультировал ее на тот случай, если незнакомец начнет приставать: что делать, а чего не делать. Но самое главное, даже во время пробежки по лесным тропам, хозяин не только вел Адель за собой и

рассказывал какое расстояние и за какое время они пробежали, но и мог позвать на помощь в случае чего.

Но, если честно, незнакомец совсем не выглядел угрожающе. Когда Адель с хозяином вышли на дорогу, он с виноватым видом отошел в сторону и даже не думал последовать за ними в лес. Адель видела, как хозяин однажды читал про таких. Тех, кто фактически жили за дверьми. Они могли длительное время находиться в лесу или даже в горах. И подходили к жилью лишь для того, чтобы немного отдохнуть и подкрепиться тем, что смогут найти. Потрепанный и диковатый с виду Рыжий был похож именно на того бродягу.

После пробежки устали оба – она и хозяин. Ему потребовалось какое-то время отдохнуть и собраться с силами. Когда хозяин отвлекся, Адель улучила минутку и, осмелев, выскользнула за дверь. Разрываемая противоречивыми чувствами, страхом и любопытством, она вплотную приблизилась к дощатой калитке. Рыжего нигде не было видно. Адель подошла еще ближе. Настолько, что даже просунула свой нос между окрашенных досок. Тут-то она и столкнулась с Рыжим. Что называется, нос к носу. Оказывается, он просто сидел, прислонившись спиной к забору, и Адель не заметила его.

На секунду она отпрянула назад. Но отступать было поздно. Стараясь скрыть смущение и, напустив на себя уверенный вид, Адель бросила:

- Привет! Ты здесь откуда? Что делаешь?

В ответ Рыжий неопределенно мотнул головой в сторону леса, чем только подтвердил догадку Адель о том, что это бродяга-аутдорщик. Но на вопрос «Что делаешь?» ответил прямо без обиняков.

- Тебя дожидаюсь. Нравишься ты мне. Познакомиться хочу.

Такая прямота понравилась ей.

- Хорошо, - сказала Адель ободряющим тоном. – Меня зовут Адель. А тебя как зовут?

- Кто зовет? – уточнил Рыжий.

- Ну как кто?! – удивилась Адель. – Твой хозяин и друзья твоего хозяина.

- Хозяин?! – теперь уже удивился Рыжий. – У меня нет никакого хозяина. Кто это вообще такой?

- Нет хозяина?! – Адель не на шутку испугалась. – Как же ты тогда ориентируешься? Как общаешься с себе подобными? Не представляю, как это можно делать без хозяина? Кто рассказывает тебе новости, кто говорит, что думать, чему верить, а чему нет? Без хозяина нельзя.

- Повторяю, я не знаю кто такой хозяин. У меня его нет, - упорствовал Рыжий. – Кто это вообще такой?

- Подожди, - Адель справилась с волнением и бросилась в дом. – Подожди тут.

- Вот он, - сказала Адель, вернувшись и протягивая Рыжему кусок прямоугольной пластмассы с прозрачным стеклом с одной стороны. – Вот мой хозяин. Неужели у тебя нет такого?

... теперь Адель лежала у себя в комнате и думала о том, что сказал Рыжий. Он действительно почти все время проводил в походах по горам. Перебивался случайными заработками. И у него действительно не было хозяина, к которому он был бы привязан, и который звуком входящего сообщения и звонка, в любой момент дергал бы его, словно за невидимый поводок.

Но самое страшное было не в этом. Рыжий рассказал еще кое-что. И теперь Адель было даже страшно представить, а что если это правда?! Это касалось ее хозяина и всех прочих его сородичей.

Со слов Рыжего, все подобные электроприборы управлялись, так называемыми, «синтетиками». Это были небольшие (точнее, размер мог варьироваться в зависимости от прибора) бесформенные пластичные существа, чем-то напоминающие полужидкие субстанции, вроде желе или густого варенья. По одной версии они были изобретены самими людьми как универсальный процессор для всякой электроники, по другой - это инопланетная экспансия. И синтетики, соответственно - инопланетяне. Но общим было одно: синтетики легко интегрировались и управляли любыми девайсами. В основном, конечно, портативными. Что и делало их хозяевами большинства людей.

Большинства, но не таких, как Рыжий.

«А что, если он прав? – терзалась Адель. – Что если мы превратились в рабов? И добровольно вручили свои жизни гаджетам? И даже не важно, кто ими управляет, гаджетами этими. Что, если поступить так, как советовал Рыжий: бросить всё? Прежде всего, его – хозяина? Прямо вот так взять и выбросить его в мусорное ведро. Но что это даст? Увидит ли она еще когда-нибудь Рыжего, которой опять собрался в горы? Хорошо тем, у кого есть гаджеты. Они не теряют друг друга из виду. Правда, непонятно, как они на самом деле они встретились? Не было ли это задумкой хозяев? Но ведь есть надежда, что бродяга Рыжий сможет найти дорогу к ее дому и без гаджета, пусть он и оказался здесь совсем случайно? Да, лелея надежду новой встречи с ним, она уговаривала его отказаться от своих принципов и приобрести своего хозяина. Но он отказался».

Все эти мысли не давали Адель уснуть всю ночь. Когда за окном забрезжил рассвет, она встала и, зажав хозяина в руке, решительно двинулась к мусорному ведру. В этот момент он из последних сил пискнул входящим сообщением. Адель не удержалась и открыла мессенджер. Это была фотография взлетной полосы аэропорта, присланная новым контактом. С экрана на нее смотрело лицо Рыжего. Подпись гласила: «Теперь мы всегда будем вместе!»

C'est real.

Иногда случается так, что только глубина падения, нерасторопность, неуклюжесть и неудачливость других единиц в нашей социальной структуре, именуемой обществом, может доставить нам особое, ни с чем не сравнимое удовольствие. Заумно? Другими словами, ничто так не радует глаз как вид лоха и неудачника. Тем более тогда, когда ты сам «на коне». И ты чувствуешь, что ты «на коне». И окружающие видят, что ты «на коне». И ты видишь, что окружающие видят, что ты «на коне». И даже сам «конь» видит, что ты на нем.

Именно такие чувства и испытывал Ivan, когда смотрел на другого человека только что зашедшего в вагон подземки. Человек этот остановился возле двери прямо напротив него. И Ivan бесцеремонно рассматривал его сквозь свои iglasses.

Собственно, вся гордость Ivan-а и заключалась в этом амулете – iglasses. В остальном он и тот человек были очень похожи. Оба одеты в iwear – универсальный комбинезон, который заменил одежду большинству жителей развитых стран. Фактически iwear можно было вообще не снимать. Device (а, по сути, это был device) состоял из многослойного наноматериала, который мог поддерживать температуру комфорта практически во всех климатических условиях: от экваториальной жары и до арктических холодов. Вся эта красота могла подсоединяться к любым информационным сетям, имела свой аккумулятор и управлялась процессором. С помощью дополнительно оплаченных программных установок iwear мог менять не только цвет внешней поверхности, но и изображать рисунок любой сложности. Нагнетая воздух в специальную прослойку, iwear менял форму и увеличивал свою теплоемкость. Купленные отдельно аксессуары могли превратиться в укрепляющие элементы на локтях, коленях и плечах, а также в специальные ботинки. Это было очень удобно для экстремалов различного толка. Особенно с тех пор, как из свободной продажи изъяли armoid.

Armoid вообще был чем-то вроде доспеха. Обладал роботизированным экзоскелетом, увеличивающим мышечную силу надевшего его человека в десятки раз. И, конечно, был в той или иной степени бронирован. А про включенные в него электронные навороты и говорить не приходится. К шлему armoid-а была подключена и обыкновенная внешняя видеокамера, и радар, и камера ночного видения, и много еще чего. А изъяли их потому, что слишком часто преступные элементы стали использовать его в своих целях. Так что у полиции, пусть и одетой в те же armoid-ы, начали возникать серьезные проблемы ввиду появления равных противников. В итоге armoid остался достоянием исключительно полиции и армии. А шустрые конкуренты выпустили аналог шлема, входящего в комплект armoid-а с возможностью смотреть видео в прилагающемся к нему «забрале». Подключили туда интернет, наушники, и получился i-sar. А следующей эволюционной ступенью от i-sar стали iglasses.

И теперь Ivan смотрел сквозь свои новенькие iglasses на человека, стоящего напротив него и все еще носящего i-sar.

Собственно, что такое iglasses? Это то, что уже заменило практически любой гаджет: мобильный телефон, планшет, плеер. И даже компьютер. А выглядит почти как обыкновенные очки. В стиле hi-tech, конечно. И много спортивного в дизайне. Они обручем охватывают голову, чтобы не свалиться. Но при этом очень удобны.

Некоторые их не снимают почти никогда. Как и iwear. Так и живут. А что? В iwear есть специальные отверстия. Они позволяют справлять естественные нужды и даже заниматься сексом.

Но вернемся к iglasses. Их мощный процессор сравним по мощности с процессором большинства персональных компьютеров. Имеются наушники. Как у устаревшей беспроводной гарнитуры. Понятно, что присутствуют все системы коннекта к любым стандартам передачи информации, в основном беспроводным, конечно. Изящный микрофон встроен и почти незаметен (как на тех же гарнитурах). Но есть и модели где он специально установлен на отдельной несущей. Эта несущая присоединена к основной конструкции на шарнире и может принимать любое положение. Вроде как на больших наушниках, которые раньше присоединяли к огромным, с ящик величиной, стационарным компьютерам. Это не очень красиво, но так бывает лучше слышно. Меньше мешают посторонние звуки. Все это интересно, но главное – это сами стекла очков.

Стекла iglasses проецируют на своей поверхности любую видеoinформацию. Это может быть книга или фильм, все что угодно. Таким образом, носящий их человек видит перед собой трехмерную модель чего-либо. Тот же фильм или книгу. Но это изображение не мешает ему смотреть и на окружающий мир. В зависимости от индивидуальных настроек, изображение могло быть ближе или дальше. Занимать почти всю видимую область или ненавязчиво сиять, видимое лишь краем зрения. Понятно, что это изображение показывается только хозяину конкретно этих iglasses.

Iglasses позволяют просматривать сайты, писать письма, программировать и рисовать. В общем, заниматься всем тем, что позволяет делать компьютер. Как? Очень просто. В них встроен датчик движения. Как только ваша рука появляется перед вашим лицом, iglasses реагируют на это. Может появиться изображение клавиатуры или любых других элементов управления. Совершая манипуляции рукой и пальцами, вы можете делать все что угодно. Плюс еще одна кнопка на самой дужке «очков». Так на всякий случай. Типа вкл/выкл или «ок». Конечно, со стороны это выглядит так, будто человек сошел с ума и чертит перед собой какие-то знаки в воздухе. Или тычет пальцами в невидимую клавиатуру на уровне своего лица или груди. Но к этому уже все привыкли. Как привыкли в свое время к тому, что по улицам ходят люди и разговаривают сами с собой. И только приглядевшись можно было разглядеть всю ту же bluetooth гарнитуру.

Вот и выходит, что эти штуки заменили почти все. И были настолько удобны, что многие не снимали их круглые сутки. Главное всегда быть в информационном потоке. Смотреть фильмы и слушать музыку online, читать или смотреть новости, общаться с друзьями и не только. Без конца.

Так вот Ivan и носил такие iglasses. А человек напротив носил i-cap. Функционально i-cap аналогичен iglasses. Он умеет все тоже, только выполнен в виде небольшого шлема с громоздким «забралом». Что-то вроде такого, как у мотоциклистов или человекоподобных андроидов. Но это было уже бесконечно устаревшим с точки зрения трендов современной моды.

Но у Ivan-а были его iglasses и они работали! Online телевидение вещало в правом верхнем углу зрения. Как раз немного выше голов других людей. Это не мешало, но

создавало полезный фон. Ivan решил, что у него больше нет времени обращать внимание на разных неудачников. Он взмахнул рукой перед своим лицом, и перед ним появился полупрозрачный интернет браузер. Ivan продолжил волшебные пассы руками, и в браузере замелькали закладки. Потом открылся список сериалов, которые можно было просмотреть.

Здесь надо отметить особое место этого вида кинематографического искусства в жизни современного человека. Во времена Ivan-а сериалы снимали абсолютно обо всем. Практически о любом образе жизни, этапе и времени. Сериалы были на любой вкус и длительность. От миниатюрных мультипликационных сериалов, до серий, специально длящихся ровно столько, сколько вагон метро ехал от станции к станции. Таким образом, сколько бы ты не ехал, ты согласишься хотя бы одну серию. А за среднестатистическую поездку можно было ознакомиться и с целым сезоном. Впрочем, водители автомобилей поступали также. Люди во времена Ivan-а постоянно смотрели сериалы. Бесперывно и подряд. Поэтому и снимали их очень много. Или наоборот? Их смотрят много потому, что снимают много? Но в сторону эти бесполезные размышления!

Ivan выбирал очередной сериал. Перед ним мелькали названия и краткие описания.

«Та-а-а-к, что тут у нас? – разговаривал сам с собой Ivan. – Что тут новенького? «Время оборотня»? Сейчас почитаем. Люблю фантастику! Ой, так это не про фантастику? Это про «оборотней в погонах». Идем дальше. Что еще есть такого криминального? Сериал «Печеньки». Это про специальный отдел полиции, расследующий преступления в сфере интернета и IT технологий. Это я уже смотрел. Сериал реалистичный. Это значит, что жизнь системных администраторов, расследующих преступления показана так, как она есть на самом деле, без погонь, преследований и вскрытия кодов на компьютере за считанные секунды, но так, что становится понятно - это довольно скучная и кропотливая работа, все больше за компьютером и в совсем не яркой консоли.

Еще криминал? Сериал «Паша Америка». Про борьбу русского эмигранта с русской же мафией в США. Слишком банально. Хватит с криминалом на сегодня. Что-то классическое? Про докторов? Как насчет сериала «Белый свет», про жизнь и работу патологоанатома? Нет. Надоело. Хочется чего-то более оригинального. Сериал «Борьба за огонь» про жизнь первобытного племени? Похоже это интересно».

Но Ivan посмотрел на его длительность. Слишком много сезонов и эпизодов. Такое чувство, что создатели таки решили осветить последние несколько десятков тысяч лет времен палеолита.

«Что еще? – продолжал свой поиск Ivan. – Что еще оригинальнее? А, вот! Новинка сезона! Сериал «C'est real». Сериал о том, как смотрят сериал».

Ivan посмотрел на рейтинг. Рейтинг был высоким. Через несколько секунд он уже смотрел первую серию. Сюжет развивался стремительно: молодой человек одетый в iwear едет в вагоне подземки. На его голове Ivan увидел iglasses. Герой сериала презрительно скривился при виде носителя i-сар и приступил к поиску сериала для

просмотра. А через несколько мгновений Ivan смотрел, как герой сериала смотрит сериал про то, как смотрят сериал.

Война, которой не было.

С первого взгляда кабина СУРНа кажется очень маленькой. Даже удивительно, что там может поместиться три человека. Но когда залазишь и садишься на эти невзрачные крутящиеся стульчики, становится даже удобно. Есть, правда, один маленький недостаток: СУРН очень уязвим для антирадарных ракет вражеских самолетов. Когда началась война, и Диму, как и многих других выпускников военной кафедры Киевского политеха, призвали, он стал командиром ПУ.

Ракетно-зенитный комплекс «Куб» состоит из СУРНа (отдельная машина с радиолокационной станцией) и нескольких ПУ (пусковых установок), подключенных к СУРНу машин, на которых, собственно, расположены ракеты. Самолет засекает СУРН. Вот и выходит, что и самолет его «видит». А значит, может поразить. А ПУ вроде как ни при чем. Просто выпускает ракеты, которыми управляет СУРН. «Куб» - хороший ЗРК. Только старый. Но тогда, в две тысячи четвертом, когда началась вся эта заваруха, в дело шло все. Вот и расконсервировали казалось давно забытые установки и посадили в них тех, кто учился управлять ими на военных кафедрах в институтах.

Дима и сейчас хорошо помнил, как все начиналось. В понедельник, сразу после воскресных выборов, он, как всегда, ехал на работу. И, как всегда, немного опаздывал. В лифте офисного центра он столкнулся с одним из своих коллег. Вместе они вышли на этаже, где располагался их офис и на площадке перед лифтом нос к носу столкнулись с шефом и остальными работниками офиса. В первую секунду Дима подумал, что он попался, и сейчас их станут критиковать. Но взволнованный явно не их опозданием шеф сказал что-то вроде: «Этого допустить нельзя!». «Едем на майдан?» - это уже, обращаясь непосредственно к Диме. Отказать было неудобно. Вот так он и попал в самую гущу «Оранжевой Революции».

Поначалу было даже забавно. Одухотворенные лица студентов. Практически нет пьяных. У всех в глазах неземной свет свободы... Потом ему пришлось уехать. Он вернулся через три дня и застал совсем иную картину. В усыпанный оранжевым хламом город начали подтягиваться маргиналы всех мастей, как с одной, так и с другой стороны. Никто не работал. Решив посидеть в маленьком уютном кафе возле своего дома, Дима ужаснулся. Все заведение было битком набито пьяными мордами, увешанными оранжевыми ленточками и разговаривающими между собой исключительно с помощью революционных лозунгов. Все шло к чему-то худшему. И это худшее не заставило себя ждать.

До сих пор доподлинно неизвестно, как все началось. Вроде бы Крымский «Беркут» начал штурм палаточного городка. Но сейчас это уже не важно. Закончилось тем, что в результате уличных боев между милицией и перешедшими на сторону «оранжевых» армейскими частями, активно поддерживаемыми заранее и очень хорошо подготовленными боевиками, Киев оказался в руках «революционеров». В этой войне даже сложно было понять, кто повстанец, а кто правительственные войска. Ющенко, вроде как, президент. Но правительство,

вроде как, правительство. Такая же неразбериха была и в рядах силовых структур: кто-то встал за «оранжевых», кто-то за «голубых». И тогда начался кошмар, именуемый гражданской войной. Война - все списывала и уравнивала.

После захвата Киева многие города начали поднимать «оранжевые» флаги. Прежде всего, конечно, на западной Украине. Но и «голубые», оправившись от шока, организовались. Харьков встал на их сторону. Потом с боями был «освобожден» Днепропетровск. Обе стороны активно создавали свои военные части. Тут нашлось место и карательным отрядам, сформированным на базе националистических организаций. У «голубых» была отбита Одесса, где эти «патриоты» проявили себя во всей красе. Те, в отместку, захватили Сумы и Полтаву. В ход уже шли танки и самолеты. А по обе стороны образовавшейся границы шла охота на ведьм. Не стало ни правых, ни виноватых. Все одинаковые. И это все в двадцать первом веке.

В это время призвали Диму. Причем призвали грубо – совсем не в духе якобы добровольческой революционной армии. Но так поступали оба противоборствующих лагеря. Просто приехал наряд милиции. Так он, рекламист, стал лейтенантом и уже не запаса.

Как уже говорилось, свою военную карьеру он начал командиром ПУ. Потом его перевели на СУРН, и он даже сбил один самолет «регионалов». Конечно, со времен «военки», он абсолютно ничего не помнил об этой технике. Да и тогда знал ее плохо. Выручили «мануалы», так заботливо написанные еще в шестидесятые годы прошлого столетия.

Стоит ли говорить, что воевать Диме не хотелось совсем. Мало того, что он совершенно не разделял чьих-либо убеждений, ему не нравились люди по одну с ним сторону баррикад. Он никогда не любил «западенцев». У Димы были родственники в Луганске. Теперь, фактически, это другое государство. Сглаживало наличие среди оранжевых ополченцев таких же, как он: людей из Киева и центральной Украины, оказавшихся между двух огней. У него даже появлялись мысли на счет того, чтобы переметнуться в лагерь противника. Останавливало только то, что Дима отчетливо понимал - там лучше не будет. И донецкие ребята совсем не его друзья. Так и приходилось воевать. Вечная проблема интеллигентов – с красными или с белыми?

Потом в войне наступило некоторое затишье. Страна была поделена: «оранжевым» достался Киев, Одесса и вся западная Украина, а «голубым» - все остальное, включая Крым. Надо ли говорить, что в только вроде бы начавшей подниматься с колен экономике Украины, наступил полный хаос? Прямые экономические контакты запада с востоком были разорваны. Лучше от этого не стало никому. Предприятия с востока вынуждены были торговать только с Россией, смирившись с навязанными им условиями. Неформально Запад, конечно, торговал с Востоком. Появилась целая каста перекупщиков-контрабандистов, возивших товары через соседние страны.

Так прошло три года. Пока «голубые» не собрали силы для решительного наступления. В бой опять были брошены танки и самолеты. Индустриально более

развитый Восток наступал. Киев, несмотря на патриотический настрой жителей, был сдан практически без сопротивления. «Оранжевые» отступали.

И вот теперь они сидели в кабине СУРНа где-то под Житомиром. Грелись медицинским спиртом, разведенным водой в пропорции один к двум. Спирт они экспроприировали в сельской аптеке. Даже странно, что он там сохранился в такое беспокойное время. В кабине их трое: кроме самого Димы, еще Миша, тоже киевлянин, и Иван, откуда-то из-под Черкасс. Миша все еще верил в идеалы революции, в отличие от Димы и Ивана, которые уже давно поняли, что к чему. Но за время, проведенное в одной тесной кабине, все трое успели крепко сдружиться. Такое вряд ли было бы возможно в мирное время. Мечтательный Миша, циничный Дима и простоватый, но твердый Иван.

- Слыхали последние новости? – спрашивает Миша и передает железную кружку с «огненной водой» следующему. – Говорят, американцы нам помогут. Авиацией. Вроде бы из Польши будут летать, и бомбить «голубых». А может даже в Черное Море войдет авианосец.

- Откуда такие сведения? – спрашивает Дима.

- Да вот... – Миша протягивает фронтовую агитационную газету «*Пластун революції*». – Сам почитай.

- *Вода скінчилась!* – прервал их беседу Иван. – *Хто піде за водою? Без води все ж не те.*

- Ладно, давай я пойду. Заодно ноги разомну, – предложил Дима.

Он выбрался из кабины, прихватив с собой армейский котелок, и зашагал по направлению к ближайшему колодцу. Их позиция располагалась на окраине небольшого села. Колодец был метрах в двухста. Как только Дима бросил ведро вниз, красная молния с грохотом прочертила небо. Раздался взрыв.

Он не помнил, как бежал обратно к машине. Но на ее месте он нашел только огромную воронку и валяющиеся в десятках метрах вокруг отдельные покореженные части. «*Пластун революції*» не соврал: Штаты действительно решили помочь авиацией. Но на войне всегда бывают небольшие накладки. Позывные не были вовремя переданы. СУРН засек самолет. А самолет его. Американец не стал рисковать и выпустил антирадарную ракету.

СУРН – самоходная установка разведки и наведения. Входит в состав ЗРК «Куб».

ПУ – пусковая установка.

ЗРК – зенитно-ракетный комплекс.

Демон в пустыне.

- Кто здесь?

- Здесь нет никого, кроме тебя.
- А ты тогда кто?
- Ты что, дурак? Я – это ты.
- Я уже запутался...
- Давай разберемся. Что ты зовешь «Я»?
- Ну, по-моему, это очевидно. Я – это я.
- Совсем нет. Что такое ты? Твое имя?
- И оно тоже.
- А что если бы твоим именем назвали другого человека? Это тоже был бы ты?
- Нет, конечно.
- Тогда что такое «Ты»? Иными словами, что такое «Я»?
- Я - это мое тело. Мои мысли, жизненный опыт, воспоминания. И имя. Все вместе. Одновременно. Душа, в конце концов. Если она, конечно, есть.
- Ну, к душе мы еще вернемся. А пока начнем с тела. Ты считаешь, что твое тело это ты? А что если бы у тебя был брат близнец, генетически почти полностью идентичный тебе? Это тоже был бы ты?
- Почти не считается.
- Ну, хорошо. Не очень корректный пример. Десять лет назад ты тоже был «ты»?
- Конечно.
- Но ведь физически ты отличался. С тех пор ты постарел. У тебя выпадали волосы. И так далее.
- Мне кажется, это не так существенно.
- Но ведь с точки зрения опыта и воспоминаний, даже мыслей, это был не тот ты, что сейчас находится здесь. Разве не так? Ты повзрослел не только физически. Ты стал думать иначе. У тебя появился новый жизненный опыт. Значит все, что ты перечислил – тело, мысли, опыт, воспоминания, это тоже не ты. Скажу больше, если бы твое тело, такое, каким оно было при рождении, со всеми изначальными данными, поместили в другие условия, другую социальную среду, другую страну, другую семью, ты бы на этот момент был совсем другим. Согласен?
- Наверное, да. А что же душа?

- А теперь о душе. Давай поиграем в игру. Один за другим, будто от луковицы, мы будем отрывать от тебя слои. Слои, которые, по-твоему, делают тебя тобой. Отличным от других. Твои мысли, вернее те мысли, что тебе кажутся твоими, на самом деле результат пребывания в некотором информационном поле. Если хорошенько подумать, у тебя нет полностью своих мыслей. Ты их где-то подслушал или их индуцировали внешние факторы. Отбрасываем. Отбросим социальный фактор. Ты мог бы родиться совсем в другом обществе. Отбрасываем образование, семью и воспитание. Все мы родом из детства и самое большое влияние на нас оказала среда, в которой мы росли. Улавливаешь?

- Стараюсь.

- Идем дальше. Отбросим гендерные отличия. Какая разница мужчина ты или женщина, когда нам нужна суть? Ведь мы ищем душу! А половые отличия налагают довольно серьезные поведенческие отличия. Затем отбросим генетику. Наследственность, само тело, в конце концов. Что останется?

- Душа?

- Настоящий ты.

- Я?

- Пустота. И ты поймешь, что нет разницы между ты, я, он, она. Мы все одно целое. А истинный «я» это, возможно, только зритель, который наблюдает, но ничего не решает. Кстати, именно от созданного медийной средой голема, того, что ты называл «я», иногда могут освободить легкие наркотики и алкоголь. Помогают на время избавиться от ненужных пластов сознания.

- Но ведь пустота – это плохо? Нет?

- Нет. Ты должен понимать, что истинная природа всего – пустота. Всякая разумная сущность, даже человек, подобна морской волне. Да, каждая волна отдельна. Но, в то же время, неотъемлемая часть чего-то большего. По-сути, волна и море – единое целое. Так и с личностями. Все они частный случай пустоты. А образуются под влиянием ветра информации, страстей, желаний.

- А откуда взялись эти страсти?

- Это порождения все того же абсолюта. Теперь ты понимаешь, что на самом деле нет времени, эпохи, конкретной личности. Ты уже был здесь. И задавал свои вопросы. Ты на развилке дорог. От того, какой будет твой следующий шаг, зависит по какой именно дороге ты пойдешь. Поэт и актер, которого не любила его мать, несчастный художник, влюбленный в свою страну и племянницу, освободитель, тяжело переживающий смерть любимой жены, царь, воспитанный философом и родившийся в день гибели великого храма – ты уже был здесь. И одновременно находишься прямо сейчас.

- А какие вопросы я задавал? Какие хочу задать? Зачем я здесь? Я что-то хотел узнать. Что-то важное... Вертится на языке. Сила, власть, деньги, слава, успех, счастье, смысл жизни?

- Я знаю, в чем твоя проблема. Твоя проблема в...

- В уме! Теперь я это понимаю! Именно с помощью него я пытаюсь найти ответы на свои вопросы. А ум - порождение самого себя, на себе и зацикленный. Он никогда не выйдет за рамки логики, созданной самим собой. Не найдет выхода из иллюзорной реальности в ту, настоящую, где нет слов и мыслей, а есть только истина. Ведь слова нужны только для того, чтобы врать. Создавать ненужные смысловые слои, ненужные реальности и множить сущности.

- Так уж ненужные?

- Ну, нужные только для того, чтобы решать конкретные бытовые проблемы. Это предназначение ума. Но на глобальные вопросы он не может найти ответы. Потому, что этих ответов нет. Истина - произносима. Ответ один – пустота. А ум порождает лишь новые вопросы.

- Но зачем тогда все это? Зачем этот самый абсолют породил страсти, а, следовательно, волны на безмятежной поверхности самого себя?

- Зачем? Опять же я пытаюсь найти ответ на этот вопрос с помощью ума. А я говорил, что это невозможно. Повторяю, ответа на вопрос о смысле жизни в доступной нам форме нет. Вернее, его невозможно высказать. Только уловить на секунду и тут же потерять. Но раз я, на самом деле, являюсь этим же абсолютom, почему бы не расслабиться? Не позволить внутреннему наблюдателю, истинному я, смотреть пьесу своей жизни? Вместо бесполезных поисков источника счастья. Ведь сами эти поиски делают нас несчастными. Теперь мне становится понятно, почему мудрецы считают, что истинная сила в покое и бездеятельности. Невмешательство. Ни к чему не стремиться. Отсутствие страстей и желаний, которые являются источниками страданий.

- Следуя твоей же логике, для истины, ты слишком много наговорил. Можно сказать, наврал. А как же добро? Ведь есть же добро?

- Добро? Многие считают, что добро - это что-то вроде хорошего капиталовложения. Мол, делай добро, и оно вернется тебе хорошей кармой, удачей, деньгами и так далее. А все совсем не так. И еще не факт, что добро вернется добром. Это потому, что не в этом его предназначение. Добро должно быть добром само по себе. Я думаю, настоящее добро начинается тогда, когда ты полностью отказываешься от себялюбия и эгоизма. От тщеславия. И начинаешь делать что-то не ради того, чтобы тебя потом отблагодарили в той или иной форме. Такое добро должно быть неосознанным и естественным, как дыхание. Только тогда оно настоящее.

- Да... Невмешательство. Пустота. Как следствие, свобода... Но тебе не кажется, что это свобода того рода, который бывает в пустом сердце? В сердце, где нет любви. Нет волнений, терзаний, глупых стремлений. Пустота, свобода, чистота

сознания и... скука. К какой тропе приведет тебя такой выбор? К тропе философа, который сам устроил свою казнь?

- Почему бы нет!?

- Да он просто еще один мудака, побывавший на Тибете с большим баулом. Ты знаешь таких, просветленных. Как будто горы что-то могут изменить внутри человека. Позволь я покажу тебе другой взгляд на реальность?

- Валяй!

- Что касается ненужных слоев реальности – тут ты прав. Люди действительно склонны множить сущности. Придумывают себе образы, запреты, правила, догмы, клише. Все это действительно, как бы, лишнее. Хотя, все эти субстанции, вроде желания ездить на самом дорогом авто, или пользоваться android последней модели, действительно имеют большое влияние на реальность. Мы вернемся к ним позже. А теперь давай сметем всю чепуху – и это и то, что ты тут нагородил. Что останется? В чем истина? Может быть, смысл в простых вещах? В простых эмоциях и понятиях? Именно это и есть истинная реальность: любовь, гнев, победа, страсть, азарт, гордость, благородство, семья?

- Семья?

- Да, да! Семья! Забота о близких – чем плохой смысл жизни? Кроме того, продолжение рода: один из незыблемых критериев успеха, установленных самой природой. Говорят, один великий завоеватель прошлого является предком чуть ли не каждого десятого жителя своей страны. Вот достойный муж!

- Это если играть по ее правилам.

- А по каким еще правилам прикажешь нам играть в этой реальности? Знаешь поговорку: «Если ты в Риме, поступай как римляне»? Мы сейчас находимся в этом измерении со всеми вытекающими плюсами и минусами. И, может быть, раз уж мы тут, то стоит тратить жизнь на то, чтобы что-то изменить, чего-то достичь? Ведь таковы правила. Пусть даже это приводит к смерти и страданиям. И того и другого, в итоге, все равно не избежать. И может быть, не стоит так уж серьезно относиться к самой жизни и носиться с нею, боясь расплескать? А?

- Плевать на смерть и страдания? Себя и других?

- Да! Ведь тот путь, путь философа, это путь не этого измерения. Может быть в другом мире, но не в этом. К чему он приведет? Ты сможешь так создать семью? Да ты элементарно не сможешь заработать денег!

- Ну, деньги... Разве в них смысл?

- Так говорят все неудачники, которые таким образом оправдывают свою несостоятельность. Втайне любой творец и философ мечтает о богатстве. И это нормально! Мечтать о деньгах. Даже в Непале, когда на твоей карточке неожиданно заканчиваются деньги, ты уже не чувствуешь себя большим белым сагибом, но

сразу лучше понимаешь маленьких чернявых аборигенов. Можно сказать, чувствуешь себя ближе к народу.

- А как же эфемерность реальности?

- Эфемерность? Да, есть ненужные слои. Но вся ли она эфемерна? Без денег невозможно вырастить детей, создать полноценную семью. А реальность? Когда у тебя в баке заканчивается бензин – это реальность. Простые дагестанские борцы отлично ладят с реальностью. Они-то знают, что бабло на кармане совсем не эфемерно. Кулак, с быстротой молнии летящий к твоему носу, вполне конкретен. И выбивание бабла на Lexus у простых кавказских предпринимателей иногда требует немалого мужества. Они не тратят свои силы на ненужную рефлекссию.

- Так что же, по-твоему, делать? Значит власть, богатство и успех не просто слова?

- Хочешь, я подскажу тебе, что делать? Как стать бессмертным полубогом?

- Очистить карму, делать добро, не осознавая этого, медитировать, не поддаваться искушениям и страстям? Не хотеть стать полубогом?

- Нет. Надо стать больше, чем человек. Надо стать сущностью! Понятием! Брендом!

- Что это значит?

- Помнишь, я говорил тебе, что людьми руководит вовсе не логика, а спроецированные социумом стереотипы.

- Ну? Правда, я уже понял, что миром правят все же деньги.

- И деньги тоже. А кто делает деньги?

- Дельцы, фирмы, компании. Они создают товары и услуги. Да и те же бренды.

- А вот и нет. Это бренды используют их. Обрати внимание, что сейчас у большинства компаний нет конкретного владельца. А от смены руководства не меняется сама суть. Бренд! Это как в футбольном клубе может поменяться президент, главный тренер, да хоть вся команда, но это будет все тот же клуб со своим именем. Он больше, чем люди, которые его обслуживают, больше, чем люди, которые в него верят. А компании? Они могут исторгнуть из себя даже самих своих создателей. Это уже не те фирмы эпохи зари капитализма, где вся полнота власти принадлежала одному владельцу. Подумай! Только пять процентов людей думают своей головой, остальные следуют брендам.

- И что же ты конкретно предлагаешь?

- Я предлагаю тебе подумать не только и не столько над тем, как победить своих конкретных врагов. Сколько над тем, как стать известным и после смерти, стать образом. Не важно, насколько он связан с тем, реальным тобой. Это что-то вроде идола, на который направлены чаяния людей. Эгрегор их мыслей и эмоций. Тогда

ты войдешь в сонм богов, правящих этой реальностью. Кстати, тот самый философ сам по себе один из сильнейших мировых брендов. А ведь люди уже давно забыли то, каким на самом деле он был человеком. Они сами создали то, что мы имеем сейчас. Brands rule the world! Что такое бог? Да тот же бренд!

- Ты..., да ты демон!

- Все мы для кого-то демоны и ангелы.

- Ты злой?

- Вовсе нет. Демону не обязательно быть злым, чтобы хорошо делать свою работу. Он даже может позволить себе быть грустным...

-...ал-л-л-л, нера-л-л-л, генерал-л-л, мой генерал! – наконец он точно различил слова.

Тихий и едва слышный, будто доносящийся издалека, голос, постепенно становился все четче и яснее.

- Мой генерал, что с вами?! Вы в порядке?!

Это был голос Дезе. Прохладная вода на лице Бонапарта окончательно привела его в чувство. Это друг воспользовался своей флягой.

- Со мной все в порядке, Луи, - ответил Наполеон, с трудом поднимаясь на ноги.

Не так давно французская армия под предводительством молодого честолюбивого генерала по имени Наполеон Бонапарт высадилась в Египте. На то было много причин. Официальная – желание напакостить колониальным амбициям Англии. Тайная – правительство французской Директории выдворило из страны популярного военачальника, искренне надеясь больше никогда его не увидеть. И личная – сам Наполеон стремился на восток, желая пройти стопами Александра Македонского. А в пирамиду его сопровождал друг и подчиненный – генерал Дезе.

Дезе можно было назвать улучшенной копией самого Бонапарта. Такой же темноволосый и решительный, он был выше, а нос с горбинкой не таким выдающимся.

Дезе все еще поддерживал Бонапарта за локоть, и его командир вынужден был принять эту помощь.

- Что со мной произошло?

- Вы внезапно потеряли сознание и упали.

- Долго я был... в беспомощности?

- Минуту, не больше.

- Хорошо, - Наполеон окончательно пришел в себя и решительно высвободил свою руку из крепких пальцев Дезе. – Спасибо, друг мой.

- Мой генерал, возможно, нам стоит выйти на воздух? – спросил Дезе.

- Да, пожалуй, - согласился его командир.

Все еще испытывая некоторую слабость, Наполеон выставил руку и оперся на край гранитного саркофага. Непроизвольно, он заглянул внутрь. Свет факела освещал комнату, но из-за игры теней пустой саркофаг казался наполненным чернильной тьмой. Дезе подтолкнул Наполеона к выходу. Они миновали узкий лаз, галерею с высокими потолками и вскоре оказались возле входа в пирамиду.

В первое мгновение яркий луч солнца ослепил молодого командующего. На какую-то долю секунды ему показалось, что вместо выстроенных у подножия пирамиды солдат его встречает шеренга гоплитов в блестящих на солнце кирасах, шлемах, украшенных огромными гребнями и вооруженных длинными копьями, направленными в голубое небо. Но очень быстро видение рассеялось.

- Дайте сюда вашу флягу, - потребовал Бонапарт у своего адъютанта, когда тот подал ему руку, чтобы помочь спуститься с последней каменной глыбы.

- Тьфу! Что это?! – воскликнул он, когда сделал первый глоток. – Я хотел воды!

- Это бренди, мой генерал, - смущенно ответил адъютант.

- А-а-а..., - задумчиво протянул Наполеон.

Он внимательно посмотрел в сторону горизонта, туда, где желтая земля соприкасалась с голубым небом.

- Я хотел бы осмотреть еще одну пирамиду, - тихо приказал он.

Джинн.

Я сидел возле постели и держал ее холодную руку в своих ладонях. В комнате было чисто и довольно уютно. Если слово «уютно» вообще можно применить к больничной палате. Конечно, я договорился, чтобы она лежала отдельно, и в самых хороших условиях. Даже с личной сиделкой. Только разве это могло сейчас помочь? К сожалению, даже деньги не могут решить всех проблем. Эх, если бы все дело было в них, в родимых... Я бы отдал все, чтобы спасти ее. По словам врачей, жить ей оставалось, от силы, месяц. И все, что я мог сделать, это вот так сидеть, держать ее за руку, и смотреть на ее бледное лицо.

Укол морфия давал ей возможность на несколько часов отдохнуть от постоянной боли. И сейчас она спала. А я все сидел и думал, как ее спасти. На самом деле я знал, что у меня в запасе было одно средство – последнее...

Тяжело вот так бездействовать, и постоянно крутить в голове одно и то же. Я отпустил ее руку, встал и прошелся по палате, чтобы размять ноги. Захотелось курить, и я вышел в коридор, аккуратно прикрыв за собой дверь. Тут-то я и столкнулся с Максом. Нос к носу. Он был в белом халате, накинутом на плечи поверх повседневной одежды. В руках букет цветов.

- Вот, хотел навестить ее..., - смущенно прокомментировал он, опустив глаза.

- Вижу, - вздохнул я.

Макс был нашим общим старинным другом.

- Знаешь, что..., - сказал я, пропуская его в палату. – Поставь цветы и выходи. Мне надо с тобой поговорить. Своим присутствием мы ей вряд ли поможем. Но, кажется, у меня появилась идея...

Я не обманывал. Возможно, я знаю, как ей помочь...

Бар, куда я затащил Макса, когда мы очутились на улице, был самым обыкновенным. Ближайшим к больнице. Деревянные столы и стулья, тихий блюз, приглушенный свет и виски, цвета жженого сахара. Когда этот напиток оказался в широких граненых стаканах, мы чокнулись друг с другом.

- За здоровье!

- За ее здоровье...

Выпили. Алкоголь теплой волной прошелся по моим внутренностям. Я чуть-чуть расслабился, закурил. Макс терпеливо ждал, видимо понимая, что не стоит меня торопить.

- Что ты знаешь о джиннах? – спросил я, когда пауза уже слишком затянулась.

- О ком?! – удивился Макс.

Было видно, что он просто не поверил своим ушам.

- О джиннах. Ты не ослышался, - повторил я.

- Какое это имеет значение? – воскликнул он.

- Имеет, - веско ответил я и достал хранившуюся во внутреннем кармане пиджака старинную масляную лампу.

Лампа была совсем маленькой и вовсе не похожей на ценную реликвию. Но по всему было видно, что это очень старый предмет. Темно-зеленая и потертая, однако, не лишенная изящества, ибо выполнена была в своеобразном стиле восточных безделушек. Я поставил ее на стол перед нами.

- Что это? – спросил Макс.

- Это лампа. В ней живет джинн, - ответил я.

Максим посмотрел на меня с жалостью, как на умалишенного, свихнувшегося под тяжестью выпавших ему испытаний.

- Не веришь? – спокойно продолжал я. – Я понимаю. Для тебя джинн – это что-то сказочное. Добрый бородатый дядька, загадочный Восток, мультик «Аладдин» и все такое. А между тем, реальность намного шире нашего с тобой представления. И то, что я называю джинном, может быть вовсе и не джинн. Это я его так окрестил потому, что ОНО появилось, когда я случайно потерял эту лампу.

И я взглядом указал на стоящий между стаканов предмет.

Макс сочувственно покивал, но было видно, что своего мнения он не изменил.

- Не буду рассказывать, как ко мне попала эта лампа. Это совсем не важно, - продолжал я. – Попала случайно. Я вовсе не искал метода заполучить себе такой подарок судьбы. Может быть, ты обратил внимание, что мое материальное положение резко улучшилось последнее время?

Макс уверенно кивнул.

- Это произошло после того, как я первый раз потерял лампу. Как я уже говорил, это было случайно. Я не предполагал ничего такого. Ты наверно думаешь, что в тот момент оттуда, из лампы, потек дым, который сгустился в белобородого старика, или показались языки пламени. Совсем нет. Собственно из лампы, как таковой, ничего не появилось. Но...

Я прервался, чтобы сделать очередной глоток.

- Но появилось нечто... Я не знаю, как описать это чувство. Представь себе, что ты муравей и тут ты попадаешь в тень. В тень от ботинка, занесенного над тобой и готового в любой момент раздавить себя. Это тень от существа... от сущности, чей масштаб значительно превышает то, что ты в принципе можешь увидеть или осознать своим разумом. Я ничего не видел. Свет померк. А может это я потерял сознание. Помню только ощущение, будто на тебя кто-то пристально смотрит. Кто-то, стоящий у тебя за спиной.

- Что было дальше? – Макс поддался вперед.

Я понял, что он, невольно, проникся моим рассказом.

- И вот эта сущность заговорила. Или не заговорила. Не помню точно. Назовем это «передачей информации». Джинн передал мне информацию о том, что он – сущность, смысл существования которой - разрушение. Сущность, чье могущество практически безгранично. Но, как в таких случаях бывает, рамки все-таки есть. И эти рамки: мои три желания. Кем наложены эти цепи, не совсем ясно. Но джинн может выполнить три моих желания. Такие, которые не противоречат основным законам природы, не манипулируют временем и причинно-следственной связью. В

общем, все по делу. Но если я загадываю третье, он тут же становится свободным. Предполагаю, что за этим последует тотальное разрушение.

- И что ты? – возбужденно спросил Макс.

- Я загадал два, - продолжил я. – Первое, как ты сам понимаешь, деньги.

- А второе?

- Ее любовь. Это, как выяснилось, не противоречит законам природы.

- И что теперь? А, кажется, догадываюсь, - вздохнул Макс. – Ты хочешь загадать, чтобы она выздоровела. Но не можешь...

- Зато можешь ты! – и я подвинул лампу ближе к Макс.

- Я отдаю ее тебе. При условии, что ты попросишь о ее выздоровлении. Дай мне слово! Я знаю, что ты порядочный человек, и тебе не безразлична ее судьба.

- А как же ты?

- А что я? Я свои желания уже исчерпал. Надеюсь, и ты не станешь загадывать третье. Это в общих интересах. Иначе ничто уже не будет иметь смысла. Понимаешь, о чем я?

- Понимаю, - согласился Макс и опустил глаза на поверхность стола перед собой.

- А вторым желанием можешь заказать денег, успеха, чего угодно, - убеждал его я. – Ну, что? Ты согласен? Даешь слово, что вылечишь ее?!

- Даю! – согласился Макс и протянул руку к лампе.

- Только осторожно, - в последний момент я остановил его руку. – Не пробуй обмануть ЭТО. Не надо загадывать «два в одном» используя союз «и». Типа, мое второе желание миллион долларов, и чтобы она была здорова. Это уже два желания. Смотри не ошибись.

- Буду осторожен, - кивнул Макс. – Я не дурак, и не такой жадный.

Только после этого я позволил ему взять лампу.

«А она уже уехала. Какой-то мужчина с букетом цветов забрал ее», - вот что я услышал в больнице. Позвонил Макс – его телефон молчал. Нехорошее предчувствие кольнуло мое сердце. Я поехал к нему домой. Меня встретила закрытая дверь и новенький домофон на парадном. Я почувствовал себя бомжом, который пытается попасть в дом, чтобы погреться. С большим трудом я вспомнил номер квартиры Макса. Набрал цифры на панели с кнопками. Мне ответил такой знакомый женский голос.

- Кто там?

- Дорогая, это я! – закричал я.

Но она не ответила. А через секунду я услышал голос Макса.

- Это ты? Что тебе надо?! – вместо нее заговорил он. – Неужели ты не понимаешь, что мы больше не хотим тебя видеть? Она больше не любит тебя!

Макс сдержал свое слово. А второе его желание, как и мое, не противоречило основным законам природы.

Зов мертвых.

Говорят, что магия умерла в Вестеросе, когда Вильгельм Однорукий привел своих семерых драконов. Драконов звали: Друг, Брат, Зов, Шепот, Голос, Путь и Взгляд. Подразумевалось, что после имени собственного следует имя седьмого бога – Неведомого. То есть полные имена драконов звучали следующим образом: Зов Неведомого, Друг Неведомого и так далее. Стоит ли напоминать, что Неведомый в пантеоне богов считался богом смерти и потустороннего мира? Теперь понятно, почему Вильгельм назвал своих драконов именно так? Потому, что они несли смерть.

На самом деле, это были никакие не драконы. Вильгельм дал им собственные имена и называл драконами по аналогии с известными тварями Эйгона Таргариена, завоевавшего Вестерос за четыреста лет до него. Нет, не драконы. Это были пушки. И после их появления изменилась не только тактика ведения боя и политическая ситуация. Изменилось все. Дремавший до этого тысячелетиями технический прогресс неожиданно появился на авансцене и гигантскими скачками начал наверстывать упущенное. Уже через пару поколений Вестерос преобразился до неузнаваемости.

Вильгельм не всегда был одноруким. Когда-то он был молодым сильным юношей. Да, бастардом. Но, как принято считать, бастардом Старков. Он получил самое хорошее образование по стандартам того времени. Он не только хорошо владел мечом, но любил читать книги и с детства тянулся к наукам. Но бастард есть бастард. И с наступлением совершеннолетия Вильгельм отправляется за Узкое Море, чтобы заслужить все свои имена, как данные им самому себе, так и те, которыми наградили его люди. Вильгельм Однорукий, Вильгельм Бастард, Вильгельм Милосердный, и главное среди них – Вильгельм I Император Вестероса.

Но далеко не сразу Вильгельм стал императором. Поначалу он влился в ряды одного из многочисленных отрядов наемников в Вольных городах. Вернувшись через несколько лет на родину, он собрал уже свою пока еще маленькую армию. Именно тогда проявились те качества, с помощью которых Вильгельм в будущем добьется успеха. И дело совсем не в пушках. Они появились куда позже.

Вильгельм собрал небольшое число вольных всадников, обедневших рыцарей и таких же бастардов, как и он сам. Этих людей объединяли лишь две вещи: умение

владеть оружием и желание отвоевать свое теплое место под солнцем. Из них Вильгельм создал конницу. Но не ту вестеросскую рыцарскую конницу, где каждый сам за себя. Со временем он разделил и этих людей на две части. Первая из них - это тяжеловооруженные всадники. Вильгельм вооружил их длинными пиками и большими щитами, но не в этом дело. Он приучил их атаковать строем, двигаться строем и даже срать строем.

Другую часть своей конницы он вооружил короткими дротиками и композитными дотракийскими луками, сделанными из дерева и кости. Эта кавалерия была призвана осыпать противника градом стрел и копий, неожиданно приближаясь к нему на поле боя и также неожиданно исчезая. Легкие всадники служили разведчиками и диверсантами, нападающими на обозы противника.

Вильгельм собрал крепких мужей из числа простолюдинов и сделал из них немногочисленную тяжелую пехоту. Главным достоинством которой были не длинные копья (хотя копья у них были очень длинными) и не огромные щиты (которые тоже были не маленькими), а беспрекословное подчинение, дисциплина, умение сражаться в строю. Это собственно было тем самым главным, что от них требовалось.

Но все эти воины составляли лишь одну треть от числа его отряда. На две трети его воинство состояло из простолюдинов, вооруженных длинными луками и метательными дротиками. Именно они стали основной ударной силой. Да, тяжелая кавалерия наносила сокрушительный удар в нужный момент. Тяжелая пехота удерживала натиск конницы противника. Но именно легкая пехота и не менее легкая кавалерия постоянно терзали врага, на протяжении часов забрасывая его стрелами и дротиками, заходя во фланг и нападая на обозы. Какими бы ни были щиты и доспехи противника, раз за разом обрушивая на него град стрел, армия Вильгельма подтачивала его как вода точит камень.

Так будущий завоеватель создал свой первый легион. Легион из людей, которым нечего было терять, людей, которые были обучены железной дисциплине и присягали ему, Легиону, и его первому Императору – Вильгельму Бастарду. В течение нескольких лет Вильгельм неоднократно возвращался в Вестерос, чтобы пополнить и увеличить ряды своей армии. На Эссосе его жертвой становились дотракийские кхаласары (неотягощенных интеллектом и броней, всадников которых его лучники просто превращали в подушечки для иголок), отряды других наемников, а однажды даже армия Безупречных – идеальных пехотинцев, но под управлением бестолкового военачальника. Легион не дал им приблизиться и вступить в ближний бой. Но перемалывал на расстоянии, маневрируя и забрасывая стрелами. А стрел в Легионе хватало. Но главное достоинство Легиона даже было не в стрелах, а в том, что за сравнительно короткое время созданная Вильгельмом система обучения приводила любого человека к единому знаменателю. И знаменатель этот был – солдат легиона.

Но это был не конец. Вильгельм вернулся в Вестерос после долгой и холодной зимы, когда половина жителей королевства погибла от голода, а другая проклинала высокородных лордов, чья вражда разрывала страну на части. Лорды жили в тепле и ели досыта, а все тяготы войны, голод и болезни легли на плечи простого народа. Как это всегда бывает. И народ возроптал. Народ ждал лидера, который поведет их

за собой и принесет такое желаемое отмщение. Костер был сложен. Оставалось только поднести огниво и высечь искру. Этой искрой и стал Вильгельм, который высадился на северном побережье вместе со своим Легионом

Но на тот момент у него уже не было правой кисти. Вместо нее к культе был приделан короткий широкий клинок с изогнутой гардой, позволяющей удерживать оружие противника. Клинок крепился на железном «стакане», куда и вставлялась культя. Правая половина лица была обожжена. «Вильгельм торговался с демонами, - шептались за его спиной. – Он заключил союз с исчадиями ада, и они, в обмен на его руку, наградили его запретными знаниями!» Так говорили люди. В какой-то степени они были правы. Доподлинно известно лишь то, что Вильгельм потерял кисть в результате алхимических опытов. Скорее всего, это не он изобрел порох. Но однозначно то, что именно он нашел ему первое достойное применение. Вильгельм Однорукий – так звали его в те времена.

Фактически, то, что началось потом, можно считать революцией. Вильгельм не просто завоевывал земли – с ним пришел новый порядок, новая система управления, новые законы. Постепенно на захваченных территориях он вводил свою администрацию. «Черные балахоны» - так звали их. Недоучек Староместа, тех, у кого не получилось сковать все звенья мейстерской цепи, но относительно грамотных - таких собрал Вильгельм и создал из них касту чиновников привносящих в жизнь ЕГО законы. Таковым мог стать любой умеющий читать, писать и считать в не зависимости от происхождения.

Де факто, Вильгельм объявил войну всем самым могущественным и старым домам Вестероса. Именно их он считал причиной волнений и постоянных войн в королевстве. И он был прав! Нет, он далеко не сразу достал свои козыри – пушки. Долгое время их наличие оставалось тайной. И не сразу объявил войну всем лордам. Постепенно шаг за шагом он захватывал земли, заключая союзы то с одним, то с другим великим домом. Один за другим он создавал новые легионы, закаляя их в сражениях: Первый Северный, Волчий, Железный, Кровавый, Жестокий, Бесстрашный и другие.

И в какой-то момент он превратился в силу, которую было не удержать. Простолюдины охотно записывались в легионеры, подкупленные простыми обещаниями хлеба, и, главное, возможностью ограбить своих бывших хозяев. Мелкие рыцари шли в надежде заполучить свой клочок земли, которую Вильгельм отбирал у поверженных землевладельцев и щедро нарезал между своими сторонниками.

Первый раз драконы Вильгельма заговорили, когда его армия подошла к башням Фреев – двум башням близнецам, контролирующим единственную переправу через Зеленый Зубец, реку, отделяющую Север от остальных земель. Да, до этого Вильгельм однажды уже применил порох там, на севере, когда разрушил до основания родовой замок Болтонов, Дредфорт. Но тогда это был заряд, заложенный в стены уже взятого замка. Многие услышавшие об этом событии сочли его выдумкой.

А самоуверенные Фреи привыкли к тому, что их замок неприступен. Испокон веков этот факт давал им право выторговывать себе очередные привилегии в очередном

военном конфликте между севером и югом. В том числе это послужило предпосылкой для такого исторического события, как Красная Свадьба. Ночь, когда Фреи обманом заманили к себе в замок Молодого Волка – Короля Севера, Робба Старка и его солдат. Тогда Фреи вместе с теми самыми Болтонами предали и убили Робба и его мать, тем самым нарушив всякие традиции гостеприимства, и прославив себя в веках.

Вот и на этот раз лорды Переправы были уверены в своей неуязвимости. Каково же было их изумление, когда за ночь одна из их башен была стерта с лица земли! Драконы постарались. Для многих тогда это было такой неожиданностью, что люди сходили с ума и бросались со стен прямо в реку, где и тонули. А что вы хотите? Грохот, дым, огонь! Такого не могли сотворить даже драконы Эйгона.

Вассалы Фреев предали своих хозяев и сдали оставшуюся башню Вильгельму. Вильгельм не пощадил ни одного Фрея. Он вырезал всех, даже грудных младенцев и многочисленных бастардов огромного семейства. Точно также до этого он поступил с Болтонами. Лорды Вестероса, тогда думали, что это месть за Красную Свадьбу. Как же они ошибались! Поняли они это слишком поздно. Впоследствии Вильгельм поступил так почти со всеми главными домами Вестероса. Таким образом, устранив саму возможность межрегиональных войн, в прошлом так часто терзающих Вестерос. Уцелели только лорды Севера и Дорна, который вовремя стал союзником нового владыки. Но и до них добрались последующие поколения Императоров.

Вильгельм не только истребил большинство самых могущественных домов Вестероса, он окончательно решил религиозный вопрос, сделав Веру в Семерых официальной и единственной государственной религией, порубив на дрова остатки Чардрев и решительно утопив разных утонувших богов.

Вильгельм залил кровью Вестерос. Но кровью лордов. Он устранил длинный титул – король Андалов, Ройнаров и Первых Людей. Став просто императором Вестероса, Вильгельмом Первым. Он приказывал называть себя Милосердным потому, что всех, кого он убивал, он не мучил. Даже Фреям и Болтонам просто рубили головы.

- Это что, все правда? Так и было на самом деле? – спросил Родрик.

- Может и не все, но это точно правдивее чем то, что пишут в твоих детских учебниках по истории, - мягко улыбнулась няня.

Родрик не видел ее лица в полумраке комнаты, но по интонации он знал, что сейчас Мэри улыбается. Девятилетнему мальчику няня казалась почти старухой, но на самом деле ей было всего тридцать лет. В отличие от самого Родрика, няня была из тех, кого называли «старая кровь». Потомки сохранившихся осколков древней знати. Их не так много уцелело после очередной, уже современной бойни. Таких хорошо образованных и воспитанных, но бедных, было принято нанимать воспитателями для детей вроде Родрика. Сыновьям и дочерям новых вестеросцев – богатых капиталистов, лордов новой эры индустриального прогресса, наступившей вслед за завоеваниями Вильгельма, купившим себе древние титулы, имена и руины замков. Появились новые Тиреллы, Старки и Ланнистеры. Часто это были далекие потомки тех, настоящих рыцарских родов. А часто люди, имеющие очень

отдаленное к ним отношение. Так отец Родрика женился на дочери человека, который считался потомком чудом уцелевшего бастарда Уолдера Фрея. Благо у этой исторической личности было огромное количество этих самых бастардов. Чем Неведомый не шутит, может и вправду маленький Родрик потомок эпического мерзавца Фрея?

Почему же отец Родрика, достаточно богатый по любым меркам человек, купил себе такое одиозное прошлое? Неужели он не слышал о легендарной Красной Свадьбе? Почему он не женился на потомках, скажем, Баратеонов? Во-первых, потому, что многие фамилии уже были заняты. А во-вторых, Джон, теперь-уже-Фрей, был крайне скупым человеком. Фреи стоили не дорого. Можно сказать, он купил себе имя на распродаже.

- А Красная Свадьба? Это правда, няня? – шепотом спросил мальчик.

- Что именно?

- Ну то, что мои предки заманили Молодого Волка Робба Старка и убили его?

- Кто знает, кто знает..., - вздохнула Мэри. – Ясно одно, что, скорее всего, это событие действительно имело место. А кто там кого заманил, я утверждать не берусь. История зависит от того, кто ее пишет. В любом случае, ты не переживай. Это же не ты предал Короля Севера.

- Не я. Я бы не предал! – с жаром прошептал Родрик.

- Няня, расскажи то, что ты знаешь.

- Уже поздно, тебе пора спать, - возразила Мэри.

- Ну, пожаааалуйста, - мальчик попробовал разжалобить воспитательницу.

- Нет, - ласково, но твердо ответила та. – Тебе пора спать. Расскажу в следующий раз.

- Обещаешь?

- Обещаю.

- Ну хорошо, - сдался Родрик.

- Спокойной ночи, - тихо сказала Мэри.

Она наклонилась к мальчику и поцеловала его в лоб.

- Спокойной ночи, няня, - ответил он.

Мэри встала, задула свечу на столе и вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Но, кажется, у Родрика были свои планы. Когда Мэри ушла, он высунул руку из-под одеяла и взял стоящие на столе механические часы, подаренные его отцом. Пружина заставляла двигаться две стрелки. Третья указывала на час, когда зазвонит колокольчик. И вместо положенных семи часов утра, Родрик передвинул стрелку на четыре.

Но даже после этого мальчик не мог заснуть. Он все время ворочался и провалился в неглубокий сон лишь для того, чтобы почти сразу очнуться от мелодичного звона.

Родрик выключил звонок и стал неуклюже собираться. Стараясь производить как можно меньше шума, он натянул ботинки и верхнюю одежду. Зажег электрический фонарик, еще один подарок отца (такие фонарики были большой редкостью и стоили они очень дорого, но отец, несмотря на свою жадность, баловал Родрика подобными новинками) и тихонько выбрался из своей комнаты. Мальчик двигался по коридору так тихо, как только мог. Наконец он остановился возле одной из дверей и тихонько постучал в нее.

Родрик прислушался, но ничего не услышал. Тогда он постучал еще. На это раз за дверью послышалось еле слышное бормотание, и едва различимая возня. Через минуту дверь открылась и на пороге появилась девочка его возраста, наспех закутанная в какой-то плащ.

Девочку эту звали Маргарет. Она была выше Родрика, но в отличие от упитанного мальчика, излишне худой и костлявой. Спутанные и желтые как солома волосы падали на бледное скуластое лицо, на котором выделялись огромные голубые глаза.

- Готова? – прошептал Родрик.

- Готова! – решительно ответила Маргарет.

Среди них двоих заводилой и лидером, несмотря на свой девчачий статус, была именно она. Родрик слыл мягким, нерешительным и осторожным. Но Маргарет жесткой и решительной не по годам. Она часто дразнила и обижала мальчишку, но Родрик все равно тянулся к ней как к единственному интересному партнеру по играм во всем замке. Действительно, не играть же с Мэри? У него должны быть свои секреты от воспитательницы.

Маргарет подолгу гостила в их замке. Джон Фрей не только купил себе имя. Он отстроил наполовину разрушенный замок Фреев – Близнецы. В их время через Зеленый Зубец уже был проложен не один мост. Из них пара железнодорожных. Так что замок давно потерял свою стратегическую ценность. Зато теперь Новые Близнецы, как называли его местные жители, превратились в летнюю резиденцию Джона Фрея и постоянное место обитания Родрика. Маргарет же была дочерью делового партнера его отца, Хельма Айронвуда.

Айронвуды были тем невероятным исключением – одними из немногих древних родов не только выживших, но и сохранивших или даже преумноживших свое влияние. Возможно благодаря тому, что никогда не были действительно

могущественным домом и не претендовали на верховную власть ни в Дорне, откуда они родом, ни, тем более, во всем Вестеросе. Благодаря своей осторожной политике они не только сохранились, но и преуспели, став во времена индустриальной революции хозяевами одного из могущественнейших конгломератов по добыче железа, кормившего современную эпоху.

- Идем! – сказала Маргарет и выдернула фонарик из руки Родрика. – Следуй за мной.

И мальчишке не оставалось ничего, кроме как следовать за своей повелительницей, стараясь не споткнуться и не наступить ей на пятки. Шаг за шагом они двигались по лестницам, поднимаясь все выше и выше, освещая дорогу слабым электрическим сиянием туда, наверх, к своей цели.

- Ты уверена, что это нужно? – задыхаясь, спросил Родрик.

Он уже едва успевал за Маргарет и сопел все громче и громче.

- Ты думаешь, это будет неинтересно? – удивилась она. – Или ты уже струсил?

- Нет, я не струсил! – как мог увереннее возразил Родрик. – Просто я боюсь, что отец рассердится.

- Это и называется «струсил», - зло хихикнула девчонка.

И Родрик прикусил губу.

- Не бойся, - все-таки успокоила она его. – Твой отец тебя очень любит. Это знают все. Тем более, что мы ничего трогать не будем. Мы только посмотрим, и все.

- Но, почему же нельзя было сделать это днем?

- Днем не интересно! – категорично отрезала Маргарет.

Наконец они пришли. Двое детей стояли перед невысокой дверью, ведущей на верхний этаж одной из башен. Той старой, которая сохранилась еще с древних времен. Задачей Маргарет было добыть ключи. Она с заданием справилась. Правда эти ключи никто особо и не прятал. Хотя за этими дверями и хранилась довольно ценная коллекция, но подразумевалось, что сам замок охраняется достаточно хорошо, чтобы никто посторонний не проник внутрь. Тем более незаметно выкрал бы ключ у кастеляна. Маргарет вставила тот самый ключ в замочную скважину, раздалось несколько щелчков, и девочка с трудом отодвинула тяжелую дверь. Бледный луч скользнул в помещение, и дети нерешительно шагнули через порог.

Когда они оба оказались внутри, Маргарет прикрыла дверь, через которую они попали сюда. Здесь, в этой комнате отец Родрика держал свою коллекцию. Джон Фрей не жалел деньги только для сына и на пополнение своей коллекции музыкальных рогов. Он собирал их повсюду, ориентируясь на древние экземпляры с какой-то историей. Здесь на стеллажах вдоль стен лежали древние вычурные

духовые инструменты. Дети принялись двигаться вдоль этих стеллажей, рассматривая рога и читая истории, написанные под ними.

Маргарет остановилась возле очередного рога и, шевеля губами принялась читать надпись. Родрик же в это время размышлял. Теперь он догадывался, зачем Маргарет позвала его с собой. Ведь она вполне могла проникнуть сюда и одна. Нет, вряд ли она боялась темноты и ночи. Просто она использовала его как прикрытие от возможного гнева хозяина замка. Джон Фрей не стал бы наказывать своего сына, проникнувшего в эту комнату.

- Вот, смотри, - воскликнула Маргарет, указывая на короткий толстый рог. – Здесь написано, что он принадлежал королю Роберту Баратеону и был с ним в тот день, когда кабан вспорол ему брюхо. После чего король вскоре умер.

- Как интересно, - вздохнул Родрик. – Ты не могла бы говорить тише?

Маргарет проигнорировала замечание. И они продолжили свой осмотр.

- Смотри, какой огромный! – едва не закричала она, когда луч света выхватил из темноты длинную извивающуюся конструкцию.

Родрик отшатнулся, но вовремя совладал с собой.

- Это рог Джорамуна, тот самый! – чуть не закричала девчонка. – Какой большой!

Рог был действительно очень большим. Даже не ясно, какому такому животному он мог принадлежать при жизни. Он был украшен золотом и какими-то непонятными знаками.

- Тот самый рог Джорамуна? – прокомментировал Родрик. – Тот, что может разрушить саму Стену на севере?

- И не только Стену, - подхватила Маргарет. – Думаю и этот замок тоже. Не хочешь дунуть?

- Что ты! – испугался Родрик. - Как можно?

- Боишься, что замок действительно рухнет?

- Нет, но мы можем разбудить весь дом, - нашел что ответить мальчик.

- Ладно, - как-то подозрительно легко согласилась Маргарет. – А вот в этот?

И навела луч света на лежащий рядом не такой большой рог. Он был черным и исписанным какими-то заклинаниями на древнем валирийском языке.

- Дунь в этот, - предложила Маргарет. – Что, слабо?

- Здесь написано, что этот рог призывает драконов, - прочитал Родрик. – Написано, что дующий в него обыкновенный человек сожжет себе легкие.

- И ты в это веришь? Ты веришь в сказки про драконов? – высокомерно улыбнулась девочка.

- Нет, но...

В этот момент Маргарет неожиданно шагнула вперед, и дунула в рог.

Родрик подумал, что это конец. Сейчас они поднимут шум, прибежит охрана и им крепко влетит. Но не произошло ровным счетом ничего. Рог не издал никакого звука. Из его широкого конца не вырвалось ничего, кроме струйки пыли.

Маргарет звонко рассмеялась.

- Ну вот, а ты боялся!

Пристыженному мальчику не осталось ничего, как только следовать за своей высокомерной госпожой и пытаться не сильно краснеть.

- Ну как, горло не обожгло? – поинтересовался он у своей спутницы.

- Ничего особенного не чувствую, - ответила Маргарет. – Только от пыли першит. Смотри, а вот эта штука специально для тебя!

И девочка указала на какой-то невзрачный рог. Родрик даже сначала не понял, на что указывает Маргарет. Рог был совсем маленький, обыкновенного размера, не чета Драконьему и Рогу Зимы. Более того, он был треснувший, покрытый обыкновенной позеленевшей от времени бронзой и явно принадлежал какому-то древнему, но вполне обычному животному вроде зубра.

- Что это? – удивился Родрик.

- Тут написано, что рог называется «Зов Мертвых», - прочитала Маргарет. – Уж в него-то ты не испугаешься дунуть?

- В него? А что он делает? – спросил мальчик.

- Думаю, что ничего. Как и предыдущий.

- А почему его тогда зовут Зов Мертвых? Что это значит? Это мертвые зовут кого-то с помощью него?

- Дурак, скорее всего это мертвых зовут с помощью него, - отрезала Маргарет. – Но, видимо, это такая же безделушка, как и все остальное тут. Ну как, дуть будешь?

Родрик взвешивал все за и против. С одной стороны, ему было крайне стыдно. Вон девочка не испугалась и дунула в Драконий Рог и ничего не произошло. А он куда больше, чем этот. Значит, ничего не произойдет и в этом случае.

- Хорошо, - как можно решительнее заявил он. – Я дуну.

И Родрик шагнул по направлению к старому артефакту.

- Только не так! – отдернула его Маргарет. – Ты дунешь в него не тут, а в открытое окно.

- Нет!

- Чего ты боишься? Что нас услышат? Да он не издаст и звука. Мыши пищат громче. Или ты боишься, что восстанут мертвые, оставшиеся в окрестных лесах или утопленные после Красной Свадьбы?

- Ты тоже знаешь о ней? – удивился Родрик.

- Конечно! Весь Вестерос знает! А ты что думал?

- Ну..., - смутился Родрик.

- Дуть будешь, трусишка, или нет? Боишься, что оживет Король Севера с головой волка на плечах?

- Что значит с головой волка? – спросил мальчик.

- Ты что не слышал этой истории? – в свою очередь удивилась Маргарет.

- Нет...

- Когда твой предок Уолдер Фрей убил Молодого Волка, он велел отрубить ему голову, а на ее место насадили голову его ручного лютоволка, - терпеливо объяснила она. – Ты что, этого не слышал?

- Нет, не слышал, - замотал головой Родрик.

- Почему? А, ну да, понятно, ты же Фрей... Так как? Дуть будешь?

- Буду!

Родрик крепко сжал в руке старый рог и высунулся в открытое окно под строгим надзором своей подруги.

- Дуй! – скомандовала она.

Родрик посмотрел вниз с высокой башни. Уже начинало светать. Солнца еще не было видно, но небо из черного превратилось в светло-серое. На берегах реки, что омывала стены замка, лежал туман, так что внизу практически ничего не было видно. Веяло сыростью и утренней прохладой. Мальчик собрал все свое мужество, и, внутренне надеясь, что рог не работает, тихонько дунул в него.

- Кстати, с чего вы взяли, что я хотел быть как все пожарником-космонавтом? Может быть, я уже в детстве хотел стать известным поэтом? Ну, или на худой конец, популярным завоевателем?

- Отчего же не стали?

- А с чего вы взяли, что не стал?

- Да с того, что завоеватели по таким кабакам не сидят.

- Да уж...

Сергею ничего не оставалось, как согласиться со случайным собеседником. Тот зажал его в угол. В словесном споре, конечно. Кабак был действительно тот еще. Не кафе, не ресторан, а именно кабак. Достоевщина. Что точно означает это слово, Сергей не знал. Но ему казалось, что оно очень применимо в данном контексте.

Липкая доска барной стойки, низкий потолок подвального помещения, тесно, грязно, накурено. Хотя может это и было «фишкой» заведения? Судя по не таким уж маленьким ценам – да. «Только что тараканы на голову не падают» - подумал Сергей. Впрочем, он любил заходить в это место. Здесь он чувствовал себя свободно. Никому ничем не обязанным. Выпивал что-то под настроение, перекидывался с барменом парой ничего не значащих фраз и ехал домой. А сегодня на его голову навязался этот субъект, по стечению непонятных обстоятельств усевшийся на соседний табурет.

Между тем субъект продолжал:

- Скажите, а вы читали «Алхимика» Пауло Коэльо? Или «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»? Нет?! Это очень важно. Поверьте, эти книги помогут вам найти себя. После прочтения таких произведений сразу хочется начать новую, правильную жизнь. Уволиться, в конце концов. Прочтите обязательно! Возможно, это станет поворотным, ключевым моментом в вашей жизни.

- Ключевым моментом, говорите?

- Да, именно.

- Хотите, расскажу вам небольшую историю из жизни? - предложил Сергей.

- От чего же не хочу? Валяйте, рассказывайте.

- Так вот. Живу я за городом в небольшом поселке. В частном доме, естественно. Улочка небольшая, все на ладони. И вот в течение довольно долгого времени каждый вечер происходило одно и то же. И происходило это настолько точно и регулярно, что можно было сверять часы. Частенько, зная, когда все начнется, я занимал позицию на своей веранде, выключал свет, брал в руки бокал коньяку, сигару и начинал ждать действия.

Действо было таким. Ровно в десять часов вечера на своем авто возвращался с работы мой сосед напротив. По своему обыкновению он водил пьяным. Поэтому неизменно сбивал мусорный бак, стоящий справа у ворот его дома - «Бац!». Лаает собака. На улицу выбегает его жена, вынимает тело из машины, орет и грязно ругается матом, пока не утащит мужа в дом. Затем в одной из спален на втором этаже зажигался свет. И их дочка прелестной наружности, в возрасте пятнадцати - семнадцати лет начинала пританцовывать возле зеркала, примеряя разнообразное нижнее белье и всячески позируя для себя любимой. Это продолжалось примерно полчаса, пока не входила ее мать и не укладывала дочь в постель. А у меня как раз заканчивался коньяк в бокале. Понимаешь? Неизменно одно и то же, каждый будний день, в одно и то же время.

- Ну, и?

- Однажды я просто взял и переставил мусорный бак по другую сторону ворот. Мужик приехал, но не врезался в него. Не вышла жена, не начала танцевать нимфетка. Через неделю сосед завязал с выпивкой, его дочка уехала за границу учиться, а собака сдохла. А ты говоришь, Пауло Коэльо? Вот тебе и ключевой момент.

Не давая собеседнику опомниться, Сергей расплатился и вышел на улицу довольный собой и собственным остроумием. Уже стемнело. Он поймал такси и назвал адрес. Благо поселок находился совсем недалеко от города.

Сергей попросил таксиста не подъезжать к самым воротам, чтобы не будить уже спящую жену. Тихонько открыл калитку, прошел по двору. Стараясь не шуметь, отпер входную дверь. Свет включать не стал. Крадучись прошел по коридору. Жена имела обыкновение выставлять здесь корзину с грязным бельем. Поскольку Сергей, как правило, возвращался поздно и традиционно не включал свет, то каждый раз непременно спотыкался и громко матерился. Чем сводил конспирацию на нет. В этот раз обошлось – корзины не было. «Надо же, - подумал Сергей. – Таки перевоспитал».

Наскоро приняв душ и по-прежнему стараясь не шуметь, проник в спальню и полез под одеяло.

- Это ты, любимый? – услышал он сонный голос жены. – Ложись спать. А я сегодня все перестирала. Ты доволен?

- Да, я обратил внимание. Корзины в коридоре нет.

- Ага, я ее переставила.

Нить Ариадны.

Уважаемые люди из нашего Дозора уже давно огласили мне свой вердикт: я никогда не стану великим магом. Ни первого, ни второго, ни, даже, третьего уровня. Лучшее, на что я могу надеяться – это крепкий середнячок. Рядовой боец или опытный капрал армии Ночного Дозора. Но, если честно, я не так тщеславен, чтобы

переживать по этому поводу. Мне кажется, что быть даже слабеньким Иным - это совсем не то, что быть обычным человеком. Со всеми вытекающими плюсами и минусами.

На мой взгляд, моя инициация как Иного произошла слишком поздно. Мне было целых двадцать пять лет! И мне всегда казалось, что именно поэтому мой потенциал так невелик. Умом я понимаю, что это не так. Не всем рождаться Гесерами или Мерлинами. Да и уважаемые люди пытались объяснить, что это тут ни при чем. Но, как говорится, осадок остался.

Известно, что для инициации потенциальный Иной должен испытать некие сверхсильные эмоции. Положительные или отрицательные. Не то, чтобы я всю жизнь был черствым сухарем и холодным циником. Совсем наоборот. Бывало разное. Бывало, что женщины вызывали во мне сильные эмоции. Бывало, что я испытывал какой-то дикий ужас. Так, однажды я совершил прыжок с парашютом. Не смейтесь! Мне было невероятно страшно. Но в тот момент Иным я не стал. Наверно, это все же было что-то не то. Чего-то не доставало.

А вот тогда, когда это произошло, все было каким-то особенным...

Хотя, судя по обстановке, я должен был бы испытывать отнюдь не положительные эмоции. А, следовательно, стать не светлым Иным, а темным. Но это для тех, кто не знает, что такое горы...

Весь предыдущий день мы поднимались на хребет, пытаясь побороть не только собственную усталость и холод, но и невероятно сильный ветер, который попросту валил с ног и мешал идти. Большая часть сил уходила именно на борьбу со стихией. К этому прибавьте практически нулевую видимость, колючий снег и лед под ногами. Части одежды и амуниции покрывались льдом прямо на ходу. Пальцы вынутой из перчатки руки норовили стать отмороженными уже за минуту.

Ночевка была запланирована среди развалин метеостанции, чьи каменные стены спасли нас от ветра, но не от холода и снега. Ее оконные ниши были украшены причудливым ледяным узором: из-за постоянного ветра сосульки росли не сверху вниз, а параллельно земле. И это была, пожалуй, самая холодная ночь в моей жизни.

Но, когда утром я выбрался из развалин, ветра не было. Как оказалось позже, это было кратковременное затишье. Зато меня встретила потрясающая по красоте картина восхода над заснеженными горами. Ничего более прекрасного я никогда не видел. Да, ветра не было. Но, проникающий сквозь мельчайшие щели в одежде холод, никуда не делся. Наверное поэтому я не сразу заметил, как оказался в сумраке. Понял, что что-то не так, когда стало тяжело дышать. Цвета поблекли. Солнце будто скрылось за облаками. Его свет стал каким-то мертвым и рассеянным. А потом я ввалился обратно в наш мир.

Я никому не говорил об этом. Думал, почудилось. Может мне стало плохо на несколько секунд? А на очередном привале ко мне подошел Егор. Он был одним из участников нашей группы. С ним, как и с некоторыми другими людьми, я

познакомился в самом начале экспедиции. Но теперь он представился мне еще раз. Егор оказался светлым Иным и моим куратором.

Похлопывание по плечу прервало череду моих воспоминаний и вернуло меня в реальность. Дело в том, что после инициации я решил попробовать себя в качестве сотрудника Дозора. Тогда я был магом самого низшего седьмого уровня. И начал я с простого – был одним из дежурных на вокзале нашего города. В мои обязанности входила регистрация и отслеживание всех прибывающих таким образом в город вампиров, оборотней и прочей нечисти. От себя добавлю, что вокзал – это вообще другой мир, и тут есть свои Иные, в смысле далеком от магического.

Спустя какое-то время мой уровень немного поднялся, и я стал магом шестого уровня. Каким и остаюсь на сегодняшний день. Работа на вокзале мне быстро надоела. И я попросил о переводе в патрульную службу Дозора, где снова встретился с Егором. Теперь мы работаем вместе. Он – опытный маг третьего уровня, проходил практику у самого Городецкого. И я, можно сказать, стажер.

Егор остановил свою боевую «тачанку» возле подъезда типовой многоэтажки в обычном жилом квартале. Со стороны «тачанка» выглядит как карета скорой помощи. Знаете, такой старый микроавтобус советского образца? Но пусть вас не обманывает внешняя непрезентабельность – на самом деле это очень «прокачанный» магический артефакт. Я даже не буду перечислять всей той магии, кунштюков и заклинаний, которые на нем навешаны. Скажу только, что в случае надобности наша старушка даст фору любому спортивному автомобилю. И даже может передвигаться по первому слою Сумрака.

- Иван, ты знаешь, что делать, - обратился ко мне наставник. – За дело!

Я кивнул и вышел из автомобиля. Мое задание простое: на четвертом этаже живет зарегистрированная Ночным Дозором ведьма. «Наследственная ведьма Илона – практикует черную и белую магию. Отворот, приворот, помощь в бизнесе, консультации по семейным вопросам», - емко сообщало о ней объявление в газете. Мне необходимо проверить: чем конкретно занимается ведьма, не совершает ли она что-то противоречащее договору между Светом и Тьмой? Дело это простое, можно сказать, рутина. Поэтому в подъезд я иду один. Опыта набираться. А Егор подключится, «если что».

Думаю, ведьма не зря выбрала именно этот дом. Мы знали, что на этом месте когда-то было очень старое кладбище. А кладбище, даже такое древнее, это всегда место силы.

Дверь подъезда оказалась закрыта на магнитный замок домофона. Я могу проникнуть через Сумрак, где, как известно, все двери открыты, если их не закроют маги, но предпочел войти, как все люди: присоединился к какой-то старушке и, что-то пробурчав, шагнул внутрь под ее бдительным и неодобрительным взглядом. Ехать в лифте предоставил все той же старушке, а сам отправился пешком. Слегка прищурил глаза и взглянул на мир через Сумрак. Ничего необычного, только очень много привычного обитателя первого слоя – синего мха. Он облепил пол и стены и чуть ли не гроздьями свисает с потолка. Немного странно, но, в принципе, ничего необычного.

Я, в отличие от Егора, маг простой, артефактами и заклинаниями не обвешан. Пользуюсь только тем, что точно хорошо умею. Поэтому у меня наготове старый добрый фаербол. Чуть что не так – пульну его в супостата.

И вот я уже возле искомой двери. Тут уже стесняться не стал – целиком шагнул в Сумрак. Благо на темной лестничной клетке проблем с тенью не было. Первое, что я почувствовал, это холод. Стало тяжелее дышать. Но в остальном – даже не сразу заметно. В этом месте и в обычной реальности все тусклое и серое.

Я посмотрел на дверь, ведущую в квартиру ведьмы. Она как раз могла быть закрыта магическим способом. Но нет, можно войти. Что я и сделал. Первое что увидел – тусклые и размытые контуры людей. Видимо, это посетители ждут своей очереди. Пока я в сумраке, они не могут меня видеть. Без разрешения прохожу в следующую комнату. Здесь ведьма работает с клиентом. Я не слышу, что она говорит ему, но вижу, что в руках она держит какой-то предмет, и чувствую на себе ее взгляд. Нет, она не в Сумраке, но смотрит на этот предмет сквозь него. И поэтому видит меня. Но ведьма отнюдь не пугается. А даже приветливо кивает мне. Мол, «здрасьте вам, почувствуйте себя как дома, а я тут, кстати, ничем незаконным не занимаюсь». Кивнула и продолжила что-то бубнить. Для меня в Сумраке все слова сливаются в один ровный гул.

Подхожу ближе и пытаюсь разглядеть то, что у нее в руках. Сумрак дает нам возможность видеть истинную суть предметов. Особенно если предметы эти, что называется, с историей. Мы можем считать с них ту информацию, которую не увидит простой смертный. Я вижу, что в руках у ведьмы фотокарточка. Видимо ее принес посетитель. Глядя на такой предмет сквозь Сумрак, любой Иной может считать много информации о его владельце. Это даже не магия. И в этом нет ничего незаконного. Вообще, с моей точки зрения, это мелкое шарлатанство. Но ведьма таким образом зарабатывает себе на жизнь.

Теперь я понимаю, как. Посетители приносят ей предметы, связанные с тем человеком, о котором они хотят что-то узнать. Пусть это будет умерший родственник. Ведьма видит его фотографию и поражает простаков неожиданным знанием таких вещей, о которых знать не должна. Остальное дело техники, опыта и знания человеческой психологии. Ну, что ж, по крайней мере, здесь все чисто.

Фаербол не пригодился, а жаль! Я покинул приемную ведьмы, все еще сжимая свое заклинание в руке. Ну не таскать же его с собой вечно? Поэтому, спустившись на один пролет вниз, я бросил огненный шар в густые заросли синего мха. В следующее мгновение тот вспыхнул, и за одну секунду выгорело несколько квадратных метров этой гадости.

Однако то, что произошло вслед за этим, вызвало у меня настоящий шок. Из зарослей только что сгоревшего мха вынырнуло небольшое существо и бросилось вглубь по коридору. Размером чуть больше кошки. Но точно не кошка! Я определил это по тому, что задние ножки у существа были козлиными. С копытцами. Затем шел длинный, похожий на крысиный, хвост. Передние же лапы, хотя и касались земли, но больно смахивали на человеческие ручки. На какую-то долю секунды оно глянуло на меня, и я успел заметить, что голова у него будто человеческая. Глаза

умные и злые, а на лбу козлиные рожки. И, главное, существо это находилось именно в Сумраке, и только в нем.

Инстинктивно я бросился за ним. Бесенок, как про себя я окрестил его, нырнул в какие-то двери. Потом еще и еще! Я за ним. И, хотя я уже довольно давно находился в Сумраке, где мне не очень-то уютно, в пылу погони я не замечал усиливающегося холода и того, что силы все больше и больше покидают меня. Одна дверь, вторая, третья, коридор поворот. Тут я словно влетел в огромную ватную стену. Кругом туман, а пробираться стало еще тяжелее. Я наткнулся на стены, спотыкался, но двигался вперед, пытаюсь не упустить из виду длинный мерзкий хвост.

Я не знаю, сколько точно времени прошло. Обстановка вокруг меня опять изменилась. Я вывалился из тумана прямо на какую-то каменную плиту. Видимость была отличная, но двигаться тут было еще тяжелее. Дом вокруг меня исчез, вместо него только отдельные камни и колонны, опутанные сухими стеблями. В небе багровое пятно. С огромным трудом я попытался встать и преследовать существо дальше. Бесенок никуда не исчез. В отличие от меня, он двигался все также быстро и легко. Однако, как будто заметив мое опоздание, остановился и обернулся в мою сторону.

Я сделал шаг, второй и опустился на землю. Тогда я понял, что это конец. Сил не было совсем. Я и не заметил, что почти замерз. Пальцы уже не слушались меня, ком застрял в горле. Сумрак высасывал из меня остатки сил. Я завалился на бок, и мои глаза начали закрываться сами собой.

И в этот момент я почувствовал тепло. Будто рядом со мной, откуда ни возьмись, появился жаркий походный костер. Или просто это луч солнца, летнего солнца, которого нет тут, в Сумраке, осветил меня. Так умирать все же приятнее. Сознание продолжило покидать меня, но последнее, что я увидел, это лицо ангела. Неимоверно красивое, оно улыбалось мне одними уголками губ, но, главное, от этого лица, от всей этой фигуры и от больших белых крыльев за её спиной исходило это тепло. «Её» потому, что последняя моя мысль была о том, что это – ОНА.

А первое, что я увидел, когда очнулся, было лицо Егора, склонившегося надо мной.

- Эй, ты как? В порядке? – спросил он.

Я перевел взгляд в сторону и понял, что нахожусь в его микроавтобусе. В качестве потерпевшего, конечно. Прислушался к своим ощущениям. Уже не холодно.

- Небольшая слабость, - пожаловался я.

- Сейчас пройдет, - успокоил меня напарник, протягивая какую-то бутылочку. – На-ка, это придаст тебе сил.

- Ты слишком долго находился в Сумраке, - объяснил он. – Он вытянул из тебя силы, а это поможет их вернуть. Я забеспокоился и отправился за тобой. Нашел тебя без сознания на первом слое. Но, вроде бы, ничего страшного. Ну, что? Как пошло?

А пошло замечательно! Я сделал глоток волшебного снадобья. Мне показалось, что оно родом из детства, когда мама давала мне сладкое лекарство от простуды – пертуссин. Вкус тот же, да еще «плюс десять» к жизни: я сразу почувствовал прилив энергии. Сел и оглядел себя – вроде все в порядке.

- Я в норме, - о чем я и сообщил старшему товарищу.

- Ты так больше не шали, - пожурил меня Егор. – Чего это ты там задержался так? Вроде ты уже не зеленый новобранец. И что там с ведьмой?

- С ведьмой все в порядке, - ответил я, перебираясь на переднее сидение, рядом с Егором, который в это время занимал свое место за рулем. – В том смысле, что она ничего такого не делает. Просто морочит людям головы – считывает информацию с личных вещей и делает вид, что общается с духами. Это же не наказуемо?

- Нет, - ответил напарник. – Люди сами виноваты. Нечего шастать по шарлатанам.

- Слушай..., - продолжил я, наблюдая, как Егор выруливает со двора на основную улицу. – Интересно другое...

- Что?

- Как я попал на второй и третий уровень Сумрака?

- Что-о-о??!! – Егор чуть не задел крылом мусорный бак.

- Теперь я понимаю, что со мной произошло, - я начал свой рассказ. – Я потерял сознание не от того, что слишком долго пребывал на первом слое. Я отлично помню описания других слоев Сумрака, хотя лично там не бывал. По понятным причинам. Силенок маловато. На втором - густой туман, а на третьем уже нет строений, только камни?

- Что-то вроде того, - кивнул Егор. – Но я-то нашел тебя на первом.

- Но самое интересное не это, а то, как я попал туда и вернулся обратно.

- И как? Рассказывай все подробнее!

- Сначала скажи, а есть ли в сумраке другие обитатели, кроме синего мха?

Егор покачал головой.

- Теоретически, нет. По крайней мере, я таковых не встречал. Рассказывай, не томи!

- Так вот, - продолжил я. – Я увидел существо. Что-то вроде фавна, только маленький очень. На козлиных ножках с крысиным хвостом. Выше пояса похож на человека. Голова человеческая или близкая к таковой. На лбу рожки.

- Может это другой Иной? – предположил Егор. – Ты же знаешь, наш облик в Сумраке часто совсем не такой, как в обычном мире.

- Может быть, может быть, - ответил я. – Только я за ним погнался и оказался на третьем уровне. Это как?

- Не знаю. А обратно?

- А обратно меня вытянул ангел.

- Кто?!

- Я почувствовал тепло и последнее, что увидел - это существо с прекрасным лицом и крыльями. Ведь я остался умирать там, на третьем. А ты нашел меня на первом. Понимаешь?

- Слишком все запутано, - протянул напарник. – Вот что я тебе скажу: надо обратиться к источникам... знаний. Когда вернемся в офис, ты пойдешь к Кэт и попросишь выдать тебе соответствующую литературу. Не может быть, чтобы чего-то подобного не случилось раньше. Я предоставлю тебе особый доступ.

Если бывают по-настоящему некрасивые женщины, то Кэт именно тот случай. «По-настоящему некрасивые» - это не просто не накрашенные или такие, кого может исправить грамотный макияж, со вкусом подобранная одежда или внутренний шарм. Ей не могло помочь ничто. Очень часто такая карма настигает умных женщин. Так было и в ее случае.

Очень умная и добрая, не лишенная того самого внутреннего шарма, она была катастрофически не популярна среди мужчин. И даже не потому, что ходили слухи, будто ей чуть ли не триста лет. В конце концов, для Иного реальный возраст не так много значит. Есть возможность поддерживать молодость тела. Но ведь нет возможности принципиально изменить данное природой.

Кэт выглядит, как женщина неопределенно-среднего возраста, с бесформенной фигурой, которой, кажется, не поможет ни одна диета – худей не худей. И грустные глаза на некрасивом лице. Она была кем-то вроде завхоза при нашем Дозоре. Колдунья вечно шестого уровня, ей, как и мне, вынесли приговор и установили диагноз. Но Кэт нашла свою нишу. Конечно, мы не говорим «завхоз». Мы говорим «кастелян». Кастелян нашего замка. Она отвечает за хранилище артефактов и всяческой полезной информации.

На раскрытой ладони я показал Кэт светящийся шарик, означающий, что Егор выдал мне доступ в хранилище. И пересказал ей события сегодняшнего дежурства.

- Я слышала о чем-то подобном, - прокомментировала Кэт. – Некоторые сущности, например, сильные маги, могут увести более слабых за собой на более глубокие слои Сумрака.

- Некоторые сущности? – переспросил я. – Значит могут быть и другие сущности, не только Иные? С этого места поподробнее.

- Подробнее читай тут. Долго рассказывать, - с этими словами Кэт протянула мне книгу.

Я взял ее в руки и посмотрел на обложку. Затем поднял удивленные глаза на Кэт.

- Да, да, - кивнула она. – Это именно то, что надо.

Книжка финской писательницы Туве Янссон «Шляпа волшебника» из серии про приключения Муми-троллей. Я посмотрел на книгу сквозь Сумрак. Как известно, если читать книгу таким образом, то можно узнать то, о чем думал автор, когда писал ее. Это что-то из того же разряда, что и уловки давешней ведьмы. Книга действительно была о волшебных существах, но отнюдь не только о троллях.

Я весь извелся, пока не оказался в одиночестве и не смог приступить к чтению. Оказалось, что маги древности встречали в Сумраке невероятное количество эндемиков. Начиная от тех же троллей и единорогов, заканчивая целыми народами. Так выяснилось, что эльфы – не выдумка, а вид разумных гуманоидов, которых можно было встретить на пятом слое. Оставалось неясным только, куда все это многообразие флоры и фауны подевалось? Вымерли, что ли? Такое вполне возможно. Например, атомный взрыв задевает все слои Сумрака. Возможно, то же самое происходит и при других катаклизмах? А может автор приврал или преувеличил? Или сам стал жертвой инсинуации? Или, как заметил мой куратор, за исконных обитателей Сумрака были приняты Иные в своем сумеречном обликии? Слишком много вопросов.

Я и не заметил, как за чтением прошла ночь и наступило утро. Сегодня на боевом посту меня не ждали, и я принял импульсивное решение: отправиться в тот дом, в тот подъезд, на поиски своего ангела. Чем Сумрак не шутит, может встречу ее?

На это раз я не стал ждать, пока кто-то откроет дверь своим магнитным ключом. Прошел ее в Сумраке и бросился выше по этажам. Кругом серые стены, облепленные синим мхом. На что я надеюсь? Что она ждет меня? Что она живет где-то здесь? И почему она должна появиться именно на этом слое, а не там, куда заманил меня бесенок?

Но тут я почувствовал мягкое тепло и лучи света, излучаемые чем-то или кем-то позади меня. Я обернулся и увидел ее. Маленького роста, но с белыми крыльями больше себя самой. Хрупкая и совершенно нагая. Такая трогательная и притягательная. Она улыбалась мне одни губами и ничего не говорила. От всей ее фигуры исходило тепло и равномерное сияние. Я замер в оцепенении, а потом, боясь спугнуть ангела, шагнул ближе. Но она не исчезла, а смотрела на меня ласково и с любопытством. Тогда подошел еще ближе, потом еще и еще пока, наконец, не смог обнять и прижаться губами к ее губам.

Наши встречи прервались так же неожиданно как начались. В течение недели каждый день я ездил в этот дом, заходил на первый слой Сумрака и встречал там

ее. А однажды она не пришла. Не пришла и на следующий день, и на следующий. Я целыми днями околачивался в подъезде, слоняясь по лестницам от этажа к этажу, то ныряя в Сумрак, то выходя обратно, когда уже заканчивались силы. Однажды я нос к носу столкнулся с той самой ведьмой, которую проверял некоторое время назад.

- Я буду жаловаться! – возмутилась она. – Сколько можно следить за мной? В конце концов, это нарушение всех правил, и вмешательство в личную жизнь!

- Я здесь не ради вас, - огрызнулся я. – Мне нет до вас дела.

- А что тогда? – с подозрением глянула темная Иная.

- Это мое личное дело!

- Личное дело? Ну, ну..., - хитро сощурилась она.

Ушла, а я остался ждать непонятно чего. Нет, так больше продолжаться не может. Надо действовать! Делать хоть что-то. Неожиданно в моем сознании родилась спасительная мысль, и я ухватился за нее, как за последний шанс. Я бросился в офис нашего Дозора сдаваться Кэт.

- Помоги мне! – взмолился я, обращаясь к нашему кастеляну. – Мне нужно что-то, что поможет проникнуть на уровень Сумрака, куда я не могу попасть своими силами. На второй или даже на третий.

- Это невозможно! – запротестовала она. – Кроме того, у тебя нет разрешения руководства.

- Раз ты так говоришь, «нет разрешения», значит, такая возможность есть!

- Но разрешения-то, нет!

- Мне очень надо..., - я решил сменить тактику с нажима на мольбу. – Это очень важно для меня. В личном плане... Да, в личном плане... Понимаешь?

- Ладно, идем со мной, - неожиданно легко согласилась Кэт.

И потянула меня в свою кладовую. Оказалось, что это огромное и многоуровневое помещение. Я даже не знал, что оно настолько большое! И как оно разместилось в нашем, в принципе, небольшом офисе? А я-то думал, что это маленькая коморка.

- Пресловутое пятое измерение, - бросила Кэт через плечо, будто прочитав мои мысли.

- Вот, смотри, - она достала из какого-то ларца клубок ниток, размером с мячик для большого тенниса. – Это – Нить Ариадны.

- Как она работает? – я сразу перешел к делу.

- Для работы этого артефакта, - скучным голосом начала Кэт, - необходимо «привязать» нить к некому источнику силы. Тогда можно проникнуть на нижние слои Сумрака. Возможно даже на пятый. Ты понимаешь, что значит «источник силы»? Нити надо будет откуда-то черпать энергию.

- Думаю, да, - ответил я.

- Надеюсь, что так..., - вздохнула Кэт.

Я кивнул, а сам подумал, что дом ведьмы расположен на месте кладбища. А кладбище – источник силы. Вот к нему я и «привяжу» нить.

Не теряя времени, я кинулся к своему проклятому дому. Закрепил нить заклинанием, которому научила меня Кэт, нашел глазами свою тень на полу, поднял ее на уровень своего роста и шагнул в эту темную дверь. Привычный холод и ветер ударили мне в лицо. Будто испуганный, синий мох вжался в пол и стены. Я огляделся. Ангела нигде не было видно. Тогда я опять бросился в свою тень. И у меня получилось! Вот он – тяжелый плотный туман второго уровня.

Кажется, я что-то закричал. Может быть что-то вроде: «Эй!» или «Где ты!?!». Да ведь мы ни разу не говорили! Зачем нам были нужны слова? Но никто не откликнулся, и никто не появился на мой зов. И вот он – третий уровень. Бесцветная пустыня и каменные плиты. Обзор здесь, конечно, куда лучше. Но от этого не легче, ведь я все равно никого не вижу.

Но, нет! Через секунду я почувствовал на себе чей-то взгляд. Знаете, это чувство нельзя ни с чем перепутать. Неужели, она? Обернулся, но вместо ангела я увидел его. Своего старого знакомого – бесенка. С рожками и копытцами. Он стоял возле нити, которая вела от клубка, который я держал в руках, куда-то в тень одного из камней. Видимо, так и выглядит в Сумраке работа этого артефакта. Бесенок изобразил что-то вроде улыбки и... перекусил нить. В тот же момент я почувствовал холод и, фактически, упал без сил. Неужели опять? Я погибну? Но, как и в прошлый раз, когда тень уже почти закрыла мои глаза, я почувствовал спасительное тепло. И, как и тогда, прежде чем потерять сознание, увидел лицо и крылья ангела.

А первое, что я увидел, когда пришел в себя, было лицо Кэт. Моя голова лежала на ее коленях, а ее руки на моей груди. И от них исходило исцеляющее и наполняющее меня силой тепло.

- Ты?! – удивленно прошептал я.

- Я, - согласилась она.

- Что ты тут делаешь? – спросил я, поднимая голову.

Теперь я сидел рядом с ней, и мы оба находились на той самой лестничной клетке, откуда я начал свое путешествие. Непроизвольно, я немного отстранился. Кэт ничего не ответила. Просто развела руками.

- Так это была ты?! Все это время? – я начинал понемногу приходить в себя.

- Да, - кивнула она.

- Я..., ты..., мы..., это..., - забормотал я. – Выходит, ты спасла меня тогда и сейчас?

Кэт, молча, кивнула.

- Но почему ты перестала приходить?

- Я подумала, что это зашло слишком далеко. Хотела все прекратить.

- Выходит, ты вовсе не колдунья шестого уровня? А какого? Третьего?

Кэт замотала головой, опустив глаза.

- Нет? Тогда второго? Опять нет? Первого?!

Она кивнула.

А я глядел на нее и пытался вспомнить того хрупкого ангела с белыми крыльями. Мне стало неловко. Наверно, я должен ее поцеловать? Ведь это она, все время она! Ведь теперь я знаю, какая она на самом деле! Я закрыл глаза и поддался вперед, но только неловко уткнулся в ее щеку.

- Ничего, я все понимаю, - Кэт твердо отстранила меня рукой.

- Вставай, - сказала она, поднимаясь. - Не стоит тут рассиживаться.

Розовый носорог.

Он всегда появлялся в самых неожиданных местах и в самое неожиданное время. Всегда в поле видимости, но никогда не подходил слишком близко. Может, боялся? Чего? Или кого? Меня? Вряд ли. Посмотрит своими большими, грустными и внимательными глазами. Потом мотнет головой, украшенной огромным рогом. И ускачет куда-то. Рог – розовый носорог. Так я его называл.

Я так привык к его неожиданным появлениям, что даже не боялся. Хотя, если вдуматься, огромный розовый носорог на улицах города, это же довольно страшно. Или как минимум необычно. Даже для десятилетнего мальчика. Представьте себе: вы идете по улице, и тут, случайно повернув голову, на противоположной стороне улицы видите его – совершенно обыкновенного розового носорога. Он стоит там, и как ни в чем не бывало, смотрит на вас. А другие люди его не замечают. Каким-то непостижимым образом проскальзывая мимо него.

Надо сказать, что, несмотря на свои огромные размеры, он был довольно ловкой тварью. Я никогда не видел, чтобы он наступил на кого-то или кому-то помешал. Носорог благополучно перебегал улицу по пешеходным переходам, взбирался по широким ступенькам в парке, а однажды я встретил его даже на лестничной площадке, когда шел в гости к однокласснице.

Иногда я пытался его напугать. Я топал ногой, кричал или даже кидал в него какие-то предметы. Но это не приводило ни к чему, кроме как к удивленным взглядам взрослых. В итоге я смирился. А что мне было делать?

И только однажды я сумел приблизиться к нему вплотную. Это было в период летних каникул. Я шел по тротуару недалеко от своего дома. И тут розовый носорог оказался прямо передо мной. Это было на него непохоже. Как я уже говорил, обычно он предпочитал глазеть на меня издалека. Я попытался обойти его, но он помешал мне. Я хотел спугнуть его, но он не уходил. Наконец я разозлился и повернул в обратную сторону. На следующий день я узнал, что на этой улице произошла авария. Прямо на тротуар упало огромное дерево. Если бы не мой носорог, я мог оказаться там.

А потом он исчез. Последний раз я видел его, когда мне было тринадцать лет. Он смотрел на меня издалека. И в его взгляде чувствовался немой укор. Это произошло незадолго до смерти моей бабушки, которая так любила делать мне чай, куда она добавляла маленькую щепотку ароматной травы, привезенной дедом из командировки в Анголу. Дед ездил туда в те времена, когда Советский Союз принимал активное участие в разнообразных боевых действиях, происходящих в тех краях. Не знаю, связано ли это с бабушкой и ее чаем или я просто повзрослел, но ясно одно – розового носорога с тех пор я не видел.

Прошло много лет. Я вырос. Стал самостоятельным человеком. Однажды я ехал на своем автомобиле по скоростной трассе. Все ехали достаточно плотно, но быстро. Практически на одной скорости. И только иногда плавно обходили друг друга. Я мог видеть то, что творится в салонах соседних автомобилей. Конечно, если у них не были тонированы стекла. Буквально на долю секунды мое внимание привлек ребенок на заднем сиденье впереди идущей легковушки. Он печально смотрел в стекло назад на дорогу, туда, где ехал я. В руках он держал мягкую игрушку розового носорога.

В следующий момент краем глаза я заметил резкое движение. Какой-то автомобиль неожиданно начал выворачивать в мою сторону. Я резко затормозил и крутанул руль от него. Меня ударили сзади. Автомобиль развернуло. Начало заносить... Это было последнее, что я помнил.

Очнулся я от прикосновения к своему лицу. Потом я услышал голос. Сначала далекий, он постепенно приобретал четкость и, наконец, стал внятными. Я увидел, что нахожусь в довольно ухоженной больничной палате. Чувствовал я себя прескверно. Но рядом была она. Настя гладила мое лицо и руки. Говорила нежные слова.

- Ты проснулся, милый! – обрадовалась она, когда увидела, что я пришел в себя. – Лежи, отдыхай. Набирайся сил. Я пойду. Мне уже пора. Врачи не велят беспокоить тебя подолгу.

Я с трудом разлепил губы, чтобы пробормотать что-то ласковое и банальное. Во рту пересохло. Страшно хотелось пить.

- Вот, смотри, – продолжала Настя. – Мы тут тебе угощение принесли. Поправляйся.

Она указала в сторону небольшой тумбочки, стоявшей рядом с моей кроватью. Та была завалена различными фруктами. А над всем этим была положена большая плюшевая игрушка – розовый носорог.

Через некоторое время после ухода Насти я смог собраться с силами. Встал с кровати и подошел к окну. На небольшой лужайке перед больницей паслось стадо огромных розовых носорогов. При моем появлении в окне, они подняли свои головы и с выражением печали и доброты посмотрели на меня.

Сказочник.

- Милый, напиши сказку! Напиши для меня. Ну, пожалуйста.

Они лежали в теплой постели. В его квартире, обставленной скромной потрепанной мебелью. В такой же потрепанной, но чистенькой комнате. Они лежали, обнявшись, а она шептала ему на ухо.

- Ну, напиши сказку. Ведь ты можешь, я знаю. Ты у меня такой талантливый. Посмотри вокруг – кругом серость и скука. А я хочу, чтобы в этой сказке были демоны и драконы, колдуны и бесы, вампиры и оборотни. Темный властелин, в конце концов. Ты напишешь, да?

- Глупенькая, ну вот привязалась. Ну, зачем тебе это? Да и не напечатает никто. Никому это сейчас не интересно.

- Ну, напиши. Я очень тебя прошу. А о том, как напечатать, не бойся. Я договорюсь. Ты же знаешь, у меня есть влиятельные друзья.

- Ну, откуда у простой студентки такие друзья?

- Но они есть, не беспокойся. И кое-чем мне обязаны, – даже в темноте он почувствовал, как она закусила губу. Упрямая.

- Ладно, напишу.

- Правда?! Ты мой любимый!

И она всем телом прижалась к нему.

- Люц, что ты задумал?

- Кто здесь? – она резко обернулась.

Еще секунду назад на лестничной площадке возле лифта никого не было. А теперь возле окна стоял пожилой человек и улыбался ей. Она уже успела нажать кнопку вызова, и в шахте лифта что-то задвигалось, заработало, зашуршало.

Ее друг, ее любовник, ее сказочник обращался к ней просто – Люся. Для него она была обыкновенной студенткой. Для него, но не для этого человека.

- Люц, что ты задумал? – повторил он.

- А, это ты, – наконец ответила она. – Называй меня, пожалуйста, в женском роде. А то как-то неудобно.

- Тебе? Брось. Какая разница? Правильнее было бы звать тебя в среднем роде: «Что ты задумало?». Впрочем, не важно. Итак, Люц, что ты задумала?

- Это мое дело.

- Нет, ты прекрасно знаешь, что это наше общее дело. Ты задумала переписать правила? Зачем? Неужели тебе мало того, что имеешь? Война, деньги, банки, маркетинг, реклама, СМИ – все это в твоих руках? И это по правилам, придуманным нашим общим ОТЦОМ. Зачем тебе больше?

- Да! Ты, «я сама себя побери», прав! Я хочу переписать правила. Мне тесно в клетке. Я хочу, как встарь: ведьмы, колдуны, драконы. Нет границ, нет правил. Мир магии, где возможно все. И он мне поможет. Он напишет самую хорошую сказку. Потом другие ее перепишут, напишут похожие, по этим сказкам снимут фильм. О них будут писать в прессе. Я уж постараюсь. И когда люди поверят во все это, оно станет реальным. Злые колдуны станут реальными. Ты же знаешь, правила устанавливают люди. Мы можем делать только то, во что они верят. Очень жаль, что сейчас они верят только в деньги и рекламу.

- Дура, ведь правила изменятся для всех. Снова загорятся костры аутодафе для твоих ведьм. На каждого черного колдуна найдется белый маг. Что это изменит?

- Ну и пусть! – Люц упрямо прикусила губу.

В этот момент подошел лифт. Его двери гостеприимно открылись, и она решительно шагнула внутрь.

- Все, мне пора. Разговор окончен. Я иду на «пары».

Когда лифт уехал, человек все еще стоял у окна. «Ну что ж, - думал он. – Колдовства тебе захотелось, магии? Глупый Люц. Ты так и остался ребенком. Ты так и не понял, ведь если будет возможно колдовство, будет возможно и ЧУДО».

Сказочник стоял у окна и пил свой утренний кофе, когда Люся выбежала из парадного, обернулась, помахала ему рукой и легкой походкой поспешила по своим делам.

- Эх, дети, дети. Вы все играете – не наиграетесь. Ну, напишу я сказку, напишу. Только что это изменит? Все равно сказки сочиняем только мы – люди. Ладно, пора за работу. Начнем как тогда? В начале было «слово»?

Снежная королева.

- У тебя руки совсем холодные. Дай я согрею.

- Кай, глупенький, мне же это совсем не нужно.

- Прости. Я совсем забыл.

Она улыбнулась ему, но легкая тень печали никуда не делась.

- Что случилось? Говори, - потребовал он.

- Скоро весна...

- Ну и что?

- Как что? Ты что не понимаешь? Мне же нельзя здесь оставаться. Я попросту растаю. Мне нужно ехать домой. Наверно мы видимся в последний раз.

- Я поеду с тобой. Это решено. Когда уезжаем?

А потом был ледяной замок в Лапландии, и они вместе смотрели в палантире, как Герда идет за своей любовью сквозь снег и вьюгу. Не задумываясь ни о чем. И в его голову закрадывались сомнения: «Неужели она действительно так любит меня? Почему же тогда, раньше...»

- Кай, Кай! Ты где? А, ты опять смотришь в свой палантир! Хоть бы на меня хоть раз посмотрел. Что там у тебя? Наверно опять с Дюймовочкой глазки друг другу строите.

- Кай, принеси мне чаю! Стой, куда ты пошел? Ты оставляешь меня одну?!

- Почему ты перестал говорить, что любишь меня?

- Я люблю тебя Герда, ты же знаешь. А сейчас прости мне надо работать.

- Глупости! Я не верю ни единому твоему слову. Я хочу видеть твою любовь.

- Вот она... - Кай расстегнул ширинку и помахал своим членом. - А теперь отвяжись.

- Это все? Я не успела!
- Прости Герда.
- Что значит прости? Давай сейчас же еще раз!
- Ну, я не могу так быстро. Дай мне хотя бы пятнадцать - двадцать минут.
- Сколько? Мне надо сейчас. Неужели ты оставишь меня так?
- Ну... помоги мне тогда что ли... оралью.
- Что? Об этом не может быть и речи!

- Свинья! Ты опять явился домой в три часа ночи пьяный. Твои собутыльники тебе дороже!

Когда он вошел в таверну, Тесей уже был на месте. Его лицо выглядело печальней обычного.

- Привет, Кай!
- Здравствуй, Тесей. Как дела?
- Да ничего... А что Принц?
- Принц обещал скоро быть.

Когда кельнер принес Каю пинту свежего ячменного пива, а Тесею чашу с рубиновым хересом, дверь распахнулась, и в таверну ворвался необычайно возбужденный Принц.

- Что с тобой? – спросили его друзья, как только он оказался за их столиком.
- Я нашел, нашел! – зашептал Принц, наклоняясь к своим друзьям. Шепот получался громким. Глаза его лихорадочно блестели. – Я нашел старушку. Она обещала мне продать веретено особое. Принцесса уколется и заснет. Результат стопроцентный. И зачем только я поцеловал в свое время эту мумию? Теперь весь дворец полон гномиков. Они плодятся как тараканы.

- Понимаем... - сочувственно закивали друзья.

В этот момент Тесей протянул руку к своей чаше, и воздух пронзил мелодичный, но требовательный звон. Будто струна. Нить, привязанная к запястью, натянулась и не давала руке дотянуться до чаши. Требовательный звон повторился.

- Ариадна, сами понимаете... - виновато сказал Тесей.

Он встал и, попрощавшись с друзьями, направился к выходу. Бросив на прощанье завистливый взгляд в сторону Синей Бороды, тискающего за барной стойкой двух пышногрудых девиц.

- Да, Ариадна... - нарушил затянувшуюся паузу Принц. – Слышишь, я прочитал сказку. Так там у каждого мужика именно такая ниточка. Мобильный телефон называется. Представляешь?

- Да, не повезло им.

Принц еще оставался праздновать свое скорое освобождение, когда Кай все же решил покинуть таверну. Холодный морозный воздух ударил в лицо, приятно освежая. Он плотнее закутался в тулуп и сделал несколько шагов по снегу, когда что-то неожиданно кольнуло его в глаз. Наверно снежинка. Через несколько секунд, все еще зажимая слезящийся глаз ладонью, он увидел симпатичную стройную фигурку в синем полушубке...

Четвертый level богини Иштар.

- Да... Так вот, на чем бишь мы остановились? А, ну да, ты просил рассказать про три уровня богини Иштар. Ну что ж, изволь. Курить? Да, давай покурим, но по дороге. Кстати, у тебя есть в запасе? Нет? Плохо.

Иваныч покосился на свое отражение в тонированном стекле mercedes-a, припаркованного здесь же у обочины. Василий, как и подобает внимающему, оставался чуть позади и покорно ждал.

- Итак, вернемся к нашим баранам. Три уровня великой богини плодородия. Один, два, три. Но, прежде всего, необходимо понять, что есть начальный – нулевой уровень. Это уровень иждивенчества. На этом уровне индивидуум не имеет личных, сколько-нибудь постоянных и значительных доходов. Для богини он пока что ноль. Так, полуфабрикат, заготовка. Но вот в человеке просыпается желание зарабатывать. Он еще не понимает зачем. Но видит, что большинство его друзей и знакомых уже делают это. Они могут позволить себе пиво и разные ништяки, а не кланчить деньги у родителей. Обычно это осознание приходит где-то в районе первых курсов института. Впрочем, у кого как. А раз есть такое желание, значит, индивид уже попался на тонкую, но весьма прочную нить богини. Осталось только подсекать.

Иваныч возбужденно прошелся взад-вперед перед витриной Calvin Klein и вопрошающе уставился в глаза манекену.

- И вот этот человек, этот юноша или девушка, не важно, устроился на работу. О, как он счастлив! Он чувствует себя взрослым самостоятельным человеком. Кажется, все впереди, весь мир у его ног. И стоит только протянуть руку... Он с удовольствием тратит уже свои деньги. Брезгует пить пиво в подворотне, а переходит на самбуку и абсент в нормальных, на его взгляд, заведениях. Но проходит не так уж много времени, и по безоблачному небу кайфа пробегает сначала одно, потом другое облачко. Человеку становится мало. Вскоре уже и самого неба не видно за

облаками. Облом. Человек начинает чувствовать, что его обманули. Что он может зарабатывать еще больше, что он способнее, лучше, что его не ценят. Что он льет воду на чужую мельницу, в конце концов! И он, черт возьми, прав!

Иваныч опять прервал свою речь. На этот раз, для того, чтобы откашляться и еще раз как следует затянуться marlboro. Мимо двоих мужчин, цокая по асфальту каблучками, прошла стройная девушка в мини юбке. Когда она исчезла из вида, Иваныч продолжил:

- Человек меняет одну работу на другую. Начинает получать больше, но удовлетворения все нет и нет - он уже не хочет работать «на дядю». И это хорошо. Значит, индивид уже готов к переходу на второй уровень. Поначалу, он только размышляет о том, чтобы начать «свое дело». Узнает у друзей, рассматривает варианты, находит факты, подтверждающие свою правоту. Ему кажется, что это единственный выход. И он почти прав. Только не «выход», а «переход». А это две большие разницы, согласитесь!

С этими словами Иваныч повернулся к прохожим и величественно воздел указательный палец вверх. Простые служащие шархнулись в разные стороны.

- Это переход на следующий level. И вот, свершилось! – продолжал Иваныч. – Не юноша, но муж. Ступил на лучезарную стезю частного бизнеса. О боже, как он мог работать раньше на кого-то?! Теперь он зарабатывает в разы больше. Сам себе хозяин. Ну и что, что работает порой на износ?! Но ведь все это на себя. Казалось бы – вот оно счастье. Но не так все просто. Да, да, дело именно в нем, в счастье.

Иваныч отхлебнул budweiser из бутылки. На самом доньшке еще оставалось немного живительной влаги.

- А счастья все нет! Да, появляются деньги. Но деньги эти даются в поте лица. Ты пашешь. И теперь ссоришься и зависишь от своих наемных рабочих, испытывая давление и сопротивление оттуда. А ведь еще казалось, недавно ты был таким же, как они. И тут ты снова понимаешь – опять мимо. Опять обманули. Водят, словно барана за рога, чтобы потом перерезать глотку. И ту мы подходим к главному – третьему уровню. Как заработать и быть счастливым? Как зарабатывать легко? Вернее, как легко иметь много денег? Здесь не помогут американские книжки. Все они говорят о том, как хорошо быть на первом и втором уровне. А про третий молчат. Но есть, есть спасение! Оно было найдено давно. И где бы вы думали? Да, да, у нас – в России. Мы уже давно были «там», куда американцы пока еще не добрались. Только в последнее время зачем-то возвращаемся обратно.

Budweiser подошел к концу. Другого поблизости не было.

- Этот способ прост – воровство. Чем славна Россия? Что у нас в крови? Что наша главная традиция? Водка? Нет! Воровство. Тотальное. Я не имею в виду банальные кражи или грабежи. Я не маргинал. Да и кражи не имеют никакого отношения к Иштар. Я говорю о воровстве в виде взяток, откатов и других аналогичных способов. Теперь понятно?

- Теперь понятно, учитель, - только и сказал Василий.

- Понятно, это хорошо, – наконец-то перевел дух Иваныч. – А вот то, что у тебя курева нет, это очень плохо. Пойди, насобирай что ли. Как я. Видишь, бутылку budweiser-а недопитого нашел. Центр все-таки. Иди, иди. А я пока здесь в парке бутылочек соберу. Встретимся там, возле мусорки, где вчера. Помнишь?

Dead line.

Радж Ли был самым обыкновенным землянином конца двадцать третьего века. Кроме того, что имя и фамилия у него были самые распространенные, так и внешность у него самая, что ни на есть заурядная: черные жесткие волосы, раскосые глаза и смуглая кожа, как и у большинства жителей Земной Федерации. Ну, а бледнолицые и светловолосые, по большей части, проживали на планетах, входящих в состав Конфедерации. Так исторически сложилось.

Здесь, пожалуй, стоит сделать небольшое, это самое, историческое отступление. За изобретением в конце двадцать первого века технологии гиперпространственного перемещения последовала эпоха революционного освоения космоса. В короткое время необходимо было обучить и отправить осваивать другие планеты большое количество поселенцев. Обучить - потому, что это же не освоение Дикого Запада в девятнадцатом веке. Так или иначе, но космический поселенец должен мало-мальски разбираться в компьютерной технике, да и в технике вообще. А еще поселенцев должно было быть много. И как никто лучше, на эту роль подходили индусы, китайцы, пакистанцы. Плюс новые расы - массовое смешение кровей и размытие границ успешно происходило еще в начале двадцать первого века. Даже в те времена в северной Европе все больше малышей рождалось смуглыми, черноволосыми, и с раскосыми глазами. Вот вам и среднестатистический землянин.

Как альтернатива появилась практика создания поселенцев. Клонирование людей стало ответом так называемых «коренных европейцев». Не способные плодиться сравнимыми с азиатами темпами, они пошли другим путем. Все популярнее становилось возможность создания своих точных клонов в качестве своих же детей. При помощи генетиков стало возможным самим формировать черты этих клонов, складывая их, будто из кубиков, как конструктор.

Из клонов получались не только хорошие дети. Двойники создавались в государственных масштабах и направлялись осваивать новые планеты. Правда, при этом был принят закон, на основании которого клоны не могли считаться полноценными гражданами. Ну, подумайте сами! Вы клонируете кучу одинаковых рабочих, и что им потом? Социальное обеспечение? Пенсии? Равные права с естественно рожденными гражданами? Да ведь у обыкновенных людей масса недостатков! А клона можно создать и очень умным, и достаточно сильным, и без наследственных патологий. Таким образом «закон о клонах» как бы защищал нас, людей. Но и клоны с ним были не согласны. Считали его несправедливым (ведь они мыслили также, как и мы, люди).

Начались восстания, а, в итоге, так называемая «война клонов». В результате которой, земная цивилизация разделилась на две космические державы – Земную Федерацию, и Конфедерацию Свободных Планет.

Собственно, отличия этих двух систем были не так уж и велики. Федерация считалась более консервативной с точки зрения отношения к иным формам жизни. А в Конфедерации были уравнены не только права клонов и людей (да, да, там жили не только клоны), но и различных инопланетных форм жизни. Вот и выходило, что те, кого в двадцать первом веке принято было называть европейцами (по крайней мере, визуально), на современный Раджу момент, в основном, являлись жителями Конфедерации. И хотя обе державы время от времени ссорились и могли даже немножечко повоевать, многие умные люди считали, что обе системы были специально созданы некими мировыми серыми кардиналами, чтобы подстраховаться и посмотреть, какая из систем окажется более эффективной.

Но все эти высокие материи не занимали Раджу. Он, как и многие его сверстники, рожденный и воспитанный в век космической романтики, мечтал открывать новые планеты и управлять огромным космическим крейсером. Но парадокс в том, что во времена космической экспансии не так уж и много требовалось пилотов. Большинство людей видели космос, в лучшем случае, через иллюминатор межпланетного лайнера. Ито по большим праздникам. Они по-прежнему жили на планетах вроде Земли. И количество программистов и рекламистов преобладало над профессиональными космонавтами наверно даже больше, чем во времена первой колонии на Луне.

Тем не менее, Радж поступил и окончил «Академию космических пилотов». Но стать капитаном солидного лайнера, боевого крейсера, или, на худой конец, грузового танкера ему не удалось. Вместо этого, он, уже который год, работал на этой богом забытой планете оператором корабля-погрузчика. Планета эта являлась исключительно источником полезных ископаемых. Другой инфраструктуры практически не было. И корабли-погрузчики не удалялись дальше орбиты, где загружали подошедшие за рудой, огромные танкеры. Это было удобно – танкерам не приходилось совершать посадку. Но с точки зрения пилота такая работа была не более чем однообразной рутинной. В ней не было и тени той космической романтики, о которой так мечтал Радж, поступая в академию.

А тут еще он, в который раз, встретил ее. Встретил в баре, случайно, и, конечно, не был к этому готов. Ведь он неоднократно посылал ей сообщения с предложением встречи. Да и звонил, но она не отвечала. Просто игнорировала. Нет, ну понятно, человек может быть занят, не в настроении. Но так происходило постоянно... В конце концов, если хочешь послать, то для этого тоже надо поднять трубку коммуникатора.

Итак, они встретились в баре и их взгляды скрестились как лазерные мечи...

- Как дела? – первой спросила она. – Все еще водишь свой погрузчик?

Ах, так умела только она! И вроде бы ничего такого. Обыкновенный вопрос. Но как это было сказано! С каким выражением!

- Да, - ответил Радж. – Вожу. Если, конечно, это слово применимо к космическому судну.

- Правда? – удивленно приподняла она бровь. – Так это космическое судно?! Извини, я не знала.

- Все издеваешься, - кисло улыбнулся Радж. – Да... Только после беседы с тобой я по-настоящему осознаю какое я ничтожество.

- Ну-ну, малыш, не расстраивайся. Я не хотела тебя оскорбить в лучших чувствах.

Стоит ли говорить, что по тону было понятно - она вовсе не извиняется.

Ясно, что по совокупности всех этих факторов: неудачи в карьере и личной жизни (трудно назвать полноценной жизнью жизнь в катакомбах мало освоенной планеты), Радж был на грани. В общем, он решил свести счеты с этой самой жизнью. Пересечь dead line, как было принято говорить в это время. Пусть, мол, она пожалеет о том, кого потеряла! Ну, обычная бредятина, свойственная всем молодым людям вне зависимости от расы, планеты и времени года.

Но легче было сказать, чем сделать. Самоуничтожиться, в условиях двадцать третьего века, было не так-то и просто. Пресловутых лазерных мечей у Раджа не было (а именно так было принято самоликвидироваться в гламурных кругах пресыщенных впечатлениями жителей самых развитых планет Федерации). К другим видам оружия он доступа не имел (здесь вам не Конфедерация, где каждый второй носит бластер за пазухой). Прыгнуть головой вниз среди приземистых нор подземных строений было неоткуда. Остальные виды смерти казались Раджу или слишком болезненными, или не слишком изящными и романтическими. Оставался один – вакуум! Уж этого добра у Раджа было навалом. Он все-таки - пилот, хоть и погрузчика!

Вопреки распространенному заблуждению, что, будто бы вакуум убивает мгновенно (некоторые считают, что в вакууме человек мгновенно лопнет от внутреннего давления, а другие уверены, что организм мгновенно заморозится), смерть в вакууме была далеко не быстрой.

На самом деле человек не замерзает и не взрывается. В первые секунды в вакууме на открытых участках кожи действительно может появиться ощущение холода. Это связано с испарением воды. Но еще с десятков секунд человек будет оставаться в сознании. Затем, благодаря образованию водяного пара в мягких тканях (вызванным низким давлением) у человека начнутся судороги, которые сменятся параличом. Тело начнет распухать. Но если успеть переместить человека в нормальные условия в течение одной-двух минут, он, скорее всего, не погибнет. А даже довольно быстро восстановится. Чем дольше человек будет оставаться в вакууме, тем хуже для него. Окончательная смерть наступит через несколько минут. И скорее всего от элементарного отсутствия кислорода.

Конечно, такой способ самоустраниться - не очень быстрый, безболезненный и эстетичный. Но это если не задерживать дыхания. А вот как раз если перед попаданием в вакуум его задержать, то легкие мгновенно разорвет. Будет больно,

но недолго. Именно так и задумал поступить Радж. У него в погрузчике был специальный отсек для экстренного выхода в открытый космос, на случай устранения каких-либо повреждений. Им и собирался воспользоваться молодой человек для создания вакуума.

Радж подготовился. Даже поставил в своем 3d чате (это такая социальная сеть двадцать третьего века) статус «dead line». И картинку к нему присобачил – два скрещенных лазерных меча. Подумал немного и отправил ей сообщение загадочного содержания. Примерно такое: «Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Но мы вряд ли увидимся еще. Я отправляюсь в далекое путешествие. Нет, я не перевелся на межпланетный лайнер. Но на этой планете меня больше не будет».

По прибытию на космодром Радж проверил свой аккаунт в чате. Настройки позволяли собирать статистику о тех, кто просматривал его статус. И хотя очень много его виртуальных друзей оставили сообщения со множеством восклицательных и вопросительных знаков в ответ на его статус, от нее ничего не было. Однако Радж знал, что она почти наверняка видела его картинку с мечами (о ее появлении ей, как и всем его друзьям, должно было прийти уведомление).

Пора было выводить погрузчик в космос. Радж достал маленькую фляжку и сделал глоток синтетической водки. Несмотря на то, что напиток был достаточно крепким, ни запаха, ни характерного для натуральной водки крепкого вкуса Радж не почувствовал.

Проведя все необходимые процедуры, он поднял погрузчик на орбиту. Настало время приступать к основной фазе операции. Радж еще раз проверил чат. От нее сообщений по-прежнему не было. Уже закралось подозрение: «а может она все-таки не видела, а может по какой-то причине она не online?». Начинаящий самоубийца занервничал. Что если она вообще поставила его в «игнор»? Тогда она никогда не узнает о его романтическом поступке и все окажется зря! «Надо ей позвонить, - решил Радж. – Намекнуть. Чтобы наверняка». Позвонил, но и теперь она не ответила.

Тогда Радж решил попрощаться со старым товарищем – Абдулой Мартинесом. Этот отозвался сразу.

- Ты что надумал?! – взорвался в динамике голос Абдулы. – Эй, приятель, скажи, что ты пошутил!

Абдула уже видел статус Раджа.

- Нет, друг, - печально ответил Радж, - я не шучу.

- Ты где?! – продолжал взволнованно говорить Абдула. – погоди, я подъеду, и мы поговорим.

- Не надо, друг, – ответил Радж. – Уже ничего нельзя изменить. Я принял решение. Только передай привет, сам знаешь кому.

- Ей?! Ну, ты ей богу, дурак! – возмутился Абдула. – Так это все из-за бабы?! Брось ты это! Она того не стоит.

- Не порти мне момент воссоединения с Космосом, – отрезал Радж. – Не надо меня отговаривать. Просто прими все как есть и прощай.

И, чтобы не продолжать диалог, Радж прервал сеанс связи. Затем еще раз проверил свой чат. Она все еще не обращала внимания на его статус. Пора было готовить отсек для выхода в открытый космос. Именно там предполагалось перейти dead line.

Через несколько минут все было готово. Радж был одет в скафандр. Оставалось нажать на кнопку открытия отсека. Как только это произойдет, вода в воздухе конденсируется и образуется туман, который через мгновение вынесет порывом ветра. Так будет выходить воздух. И тогда наступит тот самый миг, когда Радж задержит дыхание и распахнет забрало скафандра.

Но перед этим он еще раз проверил свой чат. От нее по-прежнему ни одного намека на внимание. Из скафандра можно сделать звонок. И Радж набрал ее. Молчание. «Нет, ну это уже даже как-то невежливо, - возмутился он. – Человек тут собирается слиться с Космосом, пересечь dead line, свести счеты с жизнью. Человек! Не клон, не киборг! А она – ноль на массу! Ну, ничего, я еще дозвонюсь и все ей скажу!»

Радж решил подождать еще немного. От нетерпения ему казалось, что времени прошло достаточно, но на самом деле всего пару минут. А ситуация не менялась. Ни просмотра в чате, ни ответа на звонок.

«Ну, и ладно, - решил Радж. – Делать нечего, пора приступать».

Рука потянулась к кнопке открытия отсека. Но в последний момент остановилась, и Радж еще раз позвонил ей. Опять тишина.

«Вот дура! – возмутился он. – Да пошла ты!»

В несколько движений он снял с себя громоздкий скафандр и двинулся в рубку пилота.

«Какой в этом смысл? – решил он. – Лучше спущусь на планету и пойду в бар выпью настоящей, не синтетической водки! И пусть потом у меня будет болеть голова и ужасно пахнуть изо рта. А стоять это удовольствие будет половину моей месячной зарплаты».

Ангел.

У нее мягкие кудряшки светлых волос. Курносый носик и большие-большие голубые глаза, смотрящие на мир с любопытством и искорками озорства. Без злобы. Пока еще, без злобы. Или так будет всегда? Я надеюсь, так будет всегда. Она

смешно бегаёт по квартире, тоненьким голоском требуя к себе внимания. Моя маленькая дочурка, мой ангелочек.

- Всего лишь душу... Это так мало... На-ка вот, распишись. Здесь, здесь... Да, да, конечно кровью. А как же? Такой порядок. Всего-то капельку. Кто я? Дьявол? Не-е-е-ет (смеется). Я бес. Да, да, всего-то. Когда? Как только исполним все три желания. Что? А, нет, не сразу конечно. Все своим чередом. Не бойся, никто киллера присылать не будет (опять смеется). У нас уважаемая контора. Подписал? Ну, вот и ладненько.

Молодой парень, по виду, ну точно студент: дешевенькие джинсы, реглан, кеды. Он встал, похлопал меня по плечу, заговорщицки подмигнул и направился к выходу из кафе.

- Заплатишь за меня, ладно? – бросил он уходя.

«Ничего себе! – подумал я. – И это бес? Нет, это не бес – это балбес. Что за глупые шутки? Меня явно разыграли. И как я мог повестись на такую ерунду? Это же я. Господи, сам себе удивляюсь. И это в двадцать первом веке! Нет, это не может быть со мной!»

Тем временем молодой человек вышел из кафе, сел в ушастый запорожец черного цвета и, затарахтев мотором на всю улицу, уехал.

Конечно, жену с ребенком на рыбалку брать не принято. Какая же это рыбалка? На рыбалку надо приезжать с закадычными друзьями, пить водку и пиво, рыбу ловить. Да, да, как ни странно, ловить рыбу. Ну, по крайней мере, можно попробовать поискать приключений в ближайшем хуторе. Но на практике из этого ничего не выходит. А тут и жена, и дочка. Не рыбалка, а семейный пикник. Но удочки я все же прихватил.

- Клюет! Клюет! Пап, ну клюет же! – она радостно бегала вокруг меня и хлопала в ладошки.

- Вижу, вижу... Не шуми. Т-а-а-а-к... Подсекаем.

Я потянул удочку. Отвел в сторону и подхватил леску. В моей ладони трепыхалась рыбка. Золотая рыбка.

«Из аквариума, что ли?» – мелькнула в голове глупая мысль. Дочурка замолчала и перестала хлопать в ладоши. Только внимательно смотрела на мой улов.

- Ну что смотришь? – это была рыбка.

От удивления я сел, чуть не выпустив ее из руки.

- Давай, загадывай свои желания. Меня вот прислали, сам знаешь кто. Ну?

- Э-э-э-э-э-э... – замычал я.

- Так. Понятно. Обычная история. Сами не знаем, чего хотим, зато кровью черкать – это мы пожалуйста. Пойми, второго такого шанса не будет. Ты вот что. Давай-ка помести меня в какой-нибудь сосуд с водой. Подумай немного и сразу ко мне. Только недолго – у меня заказы.

Я еле отыскал какую-то банку, налил в нее воды и бережно опустил туда золотую рыбку. В садок посадить не решился. «Уйдет еще!» - это была еще одна глупая мысль. Подошел к машине, достал сигареты и закурил. Надо срочно что-то придумать. И не прогадать бы. А чего действительно я хотел-то?

- Плыви, плыви, рыбка.

Я увидел, как моя дочурка взяла банку и выплеснула ее содержимое прямо в речку.

- Плыви, плыви, рыбка. Нам с папой и так хорошо.

Я не успел ей помешать. Эх, мой маленький ангелочек. А может это и к лучшему, а?

Голем.

Маг покидал императорскую службу. По сравнению с большинством своих коллег он был еще совсем молод – каких-то сто двадцать лет. Однако, даже за столь небольшой, по магическим меркам, век он успел сделать очень многое. Практически, он совершил революцию в своем деле. А основным своим делом маг считал создание големов.

По-сути, увядающую отрасль магии, он сумел превратить в одно из самых востребованных и динамично развивающихся направлений. В годы его молодости, големов создавали почти исключительно для хозяйственных нужд. Из них получились добросовестные слуги, выносливые строители и безотказные эротические игрушки. Однако, постепенно, их начали заменять... людьми.

Империя значительно расширила свои границы. И доселе ограниченная работорговля, приобрела глобальные масштабы. Да, люди куда капризнее и не так надежны. Но, зато, и куда дешевле. А потом, они обладают способностью к самовоспроизведению.

Вот в такой, казалось бы, неблагоприятный для големостроения век, молодой юноша пошел в ученики к старому магу големщику. А уже через несколько десятков лет боевые големы Райгара стали незаменимым атрибутом императорского войска.

Райгар был знатоком своего дела. Помимо массового производства стандартных военных големов из глины и дерева, он научился делать безобидные на вид куклы, которые в считанные секунды могли увеличиться в размере и превращаться в опасного противника. Он создавал летающих големов и големы-башни (огромные

каменные или медные создания, умеющие самостоятельно передвигаться на большие расстояния, и одним своим видом внушающие трепет врагу). Стоит ли говорить, что уничтожить такие башни было ой как непросто.

Однако вершиной своего мастерства Райгар считал големов, способных мыслить, а главное, быть источниками магии. Маг, создавал огромных бронзовых големов, в оболочку которых он заключал самых настоящих демонов. Один он знал, сколько человеческих жертвоприношений требовалось для этого.

И вот теперь он уходил на покой, чтобы воплотить в жизнь самую главную свою мечту. Мечту, которая должна была поставить его практически в один уровень с Создателем. Сотворить голема, наделенного душой.

Уединившись в своей башне на краю обрыва, маг приступил к воплощению задуманного. Из-за Великого хребта торговцы по особому заказу привезли ему белую, как снег глину, из которой изготавливается лучший в мире фарфор. Эту глину Райгар смешал с цветом первой сирени, звоном весеннего ручейка, добавил холодный хрусталь из самой глубокой пещеры, первые детские слезы и крылья мотыльков. А еще у сумасшедшего парфюмера Райгар купил самый неценный в мире аромат – запах свободы. Соединив все это и проведя одному ему известные магические ритуалы, Райгар получил заготовку. По одному ее виду было понятно, что маг превзошел самого себя. Но этого было мало. Надо было вдохнуть в голема жизнь. И не просто жизнь, а душу.

И тогда маг сделал то, о чем он так долго мечтал, он дал голему имя – Лия. Ведь то, что не названо, не существует. И, как не трудно догадаться, голем ожил и превратился в прекрасную юную девушку.

История умалчивает, сколько на самом деле прошло времени с момента триумфа мага. Известно только то, что какое-то время Райгар и Лия жили вместе. Лия исполняла все прихоти Райгара. Она была улыбчивой и милой, и внешне ничем не отличалась от обычной девушки. Разве что казалась немного замкнутой и молчаливой. А какой вы думали, будет девушка, с самого рождения живущая со стариком магом в башне на краю пропасти?

Все было хорошо, пока однажды, совершенно случайно, маг не обнаружил, что Лия каждую ночь тайком покидает башню и точно также незамеченной возвращается перед наступлением утра. Райгар решил проследить за Лией и незаметно нацепил на ее одежду булавку, с помощью которой, он смог вычислить маршрут ее движения.

Оказалось, что Лия посещает одну небольшую пещеру недалеко от башни. И вот однажды, пока Лия оставалась в замке, маг отправился туда, чтобы выяснить, какой секрет скрывает его голем.

Без труда найдя пещеру, Райгар, согнувшись, протиснулся под низкие своды, и, дойдя до конца небольшого лабиринта, обнаружил следующее. На небольшом камне, напоминающем самодельный алтарь, Лия оставила несколько предметов, в чьем магическом предназначении не приходилось сомневаться. И как только она их раздобыла?! Удивительно! Здесь были клыки огромного северного волка, кровь

сокола, желтый, как глаз дракона, янтарь, и звуки битвы. А еще тот самый аромат свободы, сохранившийся еще со времен создания самой Лии.

Завершала картину грубо сложенная из обычной глины человеческая фигура.

Дневник полтергейста.

Мое любимое место - это маленькое пространство между стеной и обшитой кафелем акриловой ванной. Здесь темно и немного сыро. Сюда ведут только небольшие технические оконца. Хозяева даже рукой дотянуться могут с трудом, не то что заглянуть. Рядом трубы. Здесь я живу.

Я еще совсем молодой. Как и моя квартира. Дом построили совсем недавно. От соседа справа я слышал, что якобы на месте старого чумного кладбища. Ну откуда ему знать? Я в эти сказки не верю.

Сегодня великий день! Хозяева наконец-то переехали в мою (нашу) квартиру. Привезли с собой кота. Он неспешно прошелся по комнатам. Потом остановился и долго смотрел на меня. Мы чем-то похожи. Я тоже маленький и пушистый.

А хозяева-то мои – озорники. Только закрылась дверь за грузчиками, помогавшими переносить мебель, как они начали целоваться. Потом занимались любовью на новенькой кровати. Так и не сняв целлофан с матраца. Эх, молодость. Глядя на них, самому захотелось осчастливить ту Ундину. Из водопровода.

Утром помог ей найти ключи. Оставила их на подоконнике, а искала на тумбочке в коридоре. Дурочка. Пришлось тащить их и незаметно подбросить на ту самую тумбочку.

Он заболел. Вечером она кипятила ему молоко и трепалась по телефону. Долго дул, чтобы не сбежало. Но с законами физики не поспоришь. Хотя не факт.

Любовь. Три раза вечером, один утром. И откуда столько сил? Начинаю задумываться о цветочной фее. Она живет в горшке с каким-то растением.

Вчера ночью видел беса. Его худая, скрюченная фигурка сидела у ног их кровати. Глянул на меня. Глаза внимательные, цепкие и злые. Как у милиционеров. Стало как-то не по себе.

Подслушал их разговор. Он уезжает в командировку на несколько дней. Через два дня вдвоем возвращаются домой. Стоп! Да это же не он!

Творили в постели такое, что даже мне стало стыдно. И это после той Ундины.

Моль тебе в свитер, стерва, а не ключи! Найдешь их сама. Если сможешь, конечно.

Он вернулся из командировки. Живем по-старому. Почти. Играем в прятки. Я прячу вещи – они ищут.

Вчера он пришел с какой-то бабой. Целовались в засос. Потом он решил сходить в туалет. Но ручку заклинило – я постарался. В туалет было не попасть. Она не помоется, он не облежится. Санузел то совмещенный. Баба рассердилась и ушла. Он сходил в мусорное ведро. По-крупному.

Что ж это такое? Вчера он, сегодня она. Привела какого-то нового мужика. Тот надел на нее наручники, бил плеткой. Ключи от наручников я, конечно, припрятал.

Когда он вернулся, она все еще ходила по дому в браслетах.

Постоянно ругаются. Орут. Она бьет посуду об пол. Решил попробовать. Получилось. Теперь забавляюсь этим по ночам.

Редко ночуют дома вместе. Какой-то притон. То она с кем-то, то он. Когда я не в духе, хожу по дому, сбрасываю что-то с полок, двигаю стулья. Надоело!

Вчера ночью наклонился над ее кроватью. Она случайно проснулась, увидела меня. Долго кричала, не спала всю ночь. Пила.

Посмотрел на себя в зеркало. Бес бы испугался.

Каждый день приходят какие-то люди. Ходят по комнатам, задают хозяевам вопросы, все щупают, осматривают. Называют какие-то цифры.

Пришли грузчики и вынесли всю мебель. Теперь уже неделю никто не приходит. От нечего делать стучу по батарее, пугаю соседей. Мебели-то нет, двигать нечего.

Сегодня приехали новые люди. Кажется, я видел их раньше. Они уже приходили и осматривали квартиру. Грузчики опять втаскивали вещи. Кажется, я скоро буду знать их всех в лицо. Опять запускали кота. При виде меня он попытался выскочить из квартиры.

Ну что ж, милости просим...

Домой.

Кажется, что еще недавно везде лежал снег. А глядишь, уже зеленеет трава и с юга возвращаются стаи птиц. Весна! Длинное черное тело драккара перенесли поближе к воде. Практически все здоровые мужчины поселка участвуют в его восстановлении.

Нет, восстановление неправильное слово. Пробуждение. Дракона надо разбудить, вернуть к жизни. Здесь дел хватит на всех: заменить сгнившие за зиму деревянные части, сплести новые снасти, законопатить каждую щель, и, наконец, покрыть дегтем и покрасить в черный цвет. И пока женщины ткут такое же черное шерстяное одеяло паруса, одноглазый кормчий Лейф, по прозвищу Ворон, руководит починкой. Вороном его прозвали за то, что он единственный в поселке, у кого черные, будто вороново крыло, волосы. Большинство же рыжие или с волосами цвета льна.

С юношами Лейф не церемонится – может отвесить оплеуху или дать пинка под зад. Зрелыми воинами командует строго, но уважительно. А у стариков и совета спросить не гнушается. Даже сам вождь Торвальд работает наравне со всеми. И также слушается Ворона. Час битвы еще не настал.

Полный штиль. Слова падают в туман, будто в вату. А туман, такой густой, что кажется можно заблудиться по дороге с кормы на нос. Намокший парус свернут. Капли воды стекают по накидкам из козьих шкур. Влажность мешает дышать.

- Ночь Кракена. – говорит Эрик-рыжий.

Отца Эрика тоже звали Рыжим. Как и деда и прадеда. И сыновья Эрика тоже будут Эрики-рыжие. Ему целых тридцать лет, и он должно быть многое повидал. Молодежь рефлекторно вжимает голову в плечи и испуганно оглядывается на темную воду. Но тут же отдергивают себя и гордо выпрямляют спины. Не пристало викингам бояться смерти.

- А ты сам то Эрик видел Кракена? А если видел, то почему остался жив? – ехидно передразнивает Эрика кто-то из них.

Эрик начинает злиться: «Молодежь совсем страх потеряла! Ишь, в Асгард торопятся!»

Но его останавливает спокойная команда Торвальда:

- Тихо. Все на весла, живо!

И команда дружно берется за дело. Но что это? Что это там в тумане?! Какое-то темное пятно. И люди, затаив дыхание, видят, как параллельным курсом, только в противоположную сторону, плывет драккар, как близнец, похожий на их корабль. Еще один Дракон.

Такое же длинное черное тело, такой же черный крест осиротевшей без паруса мачты. И так же в тишине. Кто это? Викинги, как и они? Также молчат или это туман пожирает звуки, как голодный пес брошенную со стола кость? А может это призрак? Толком не разглядеть.

Молодой Гуннбьорн делает странное движение руками, будто рисует перед собой крест. Белая ворона. Он не верит в Одина, но в какого-то нового, модного бога. Впрочем, это его дело. Действительно немного жутко.

Но вот силуэт драккара исчезает в тумане, и все вздыхают с облегчением.

- Что это было? Призрак? – спрашивает один из молодых. – Я сумел разглядеть голову у него на носу – она в точности, как наша. Этого не может быть. Дурной знак!

- Отставить панику! – на этот раз вмешивается Лейф-ворон. – Такое бывает в тумане. Это было наше отражение. Как в воде. Понял? Или как в тех зеркалах, что привозили византийские купцы. Помните, мы вместо золота насыпали им в ладони раскаленных углей? Вот была потеха, жаль живыми отпустили. Ха-ха!

Ворона поддержали дружным хохотом. Нехитрая шутка сняла напряжение. Ведь действительно не к лицу викингу бояться. Ни Кракена, ни призрака.

Должно быть, со стороны берега это - действительно величественное и пугающее зрелище, когда драккар всплывает в бухту. Черное чудовище под огромным черным парусом неслышно и неотвратимо скользит по свинцовой воде. Им там, на берегу, не позавидуешь.

Можно сказать, что викингам повезло. Из мужчин в поселке были только еще не вошедшие в полную силу юноши, да опытные, но уже довольно дряхлые старики. Женщины и дети конечно не в счет.

Однако оборона была организована грамотно. Обороняющиеся вовремя спрятались за частоколом. И туго бы пришлось воинам Торвальда, не придумай он небольшую тактическую уловку. Он разделил своих людей на две части. И пока первый отряд ложным нападением оттянул на себя большинство защитников, воины второго перебрались через частокол с другой стороны, практически не встретив сопротивления, и зашли обороняющимся с тыла. Теперь судьба защитников была предрешена. Им оставалось только одно: умереть с честью.

Так, как тот седовласый старик с прозрачными голубыми глазами. Когда Торвальд подоспел к месту стычки, Гуннбьорн уже лежал со вспоротым брюхом и не подавал признаков жизни. А Эрик зажимал рукой бок и истекал кровью. Старик же сжимал в руках короткое копье, которым, по-видимому, владел в совершенстве.

- Посторонись, Эрик, я сам! – крикнул Торвальд. И, уже обращаясь к старику, - Ну, погоди, любимец Одина-копьеносца!

Старик был опытен и хитер. Но Торвальд при всем при том же был еще молод.

Раненая рука седовласого повисла безвольной плетью. Копье упало на землю. А через мгновение и сам старик лежал на земле, прижатый сапогом Торвальда. Но прежде чем опустить меч на голову врага, Торвальд сделал тому огромную услугу. Он подтолкнул к здоровой руке старика оброненный Гуннбьорном топор, и тот, прежде чем умереть, успел сжать рукоять топора своими пальцами. Теперь он попадет в Вальхаллу. «Достойным воином был старик. Чем-то на моего отца похож», - поймал себя на мысли Торвальд. Но тут же отогнал ее прочь. Сейчас викингу не время думать.

Возвращались в хорошем расположении духа. И хотя женщин взять в рабство не удалось (все предпочли смерть) добра взяли много. Скользит черный корабль по свинцовым волнам. Домой. Остались позади радость победы, адреналин битвы и боль потерь. Такова жизнь. И кажется вождю Торвальду, что он сам часть корабля. И каждый член экипажа – часть единого организма драккара. Дракона, несущего смерть и разрушение. Ибо только такая жизнь должна быть у мужчины. Только так можно стать героем саг и попасть в Асгард. Стоять плечом к плечу рядом с Богами.

А сейчас домой. Туда, где ждет его старик отец и любимая жена Хельга.

Но вот опять туман. На этот раз совсем близко возле родной бухты. Это еще опаснее. Налететь на прибрежные скалы в такой туман проще простого. А в холодной воде долго не поплаваешь. Но Ворон знает свое дело. Кажется, что он ведет корабль, повинувшись какому-то сверхъестественному чутью. И вот путь закончен – родной берег.

- Снимайте голову! – командует Торвальд. – Мы дома!

И несколько викингов бросаются на нос корабля снимать голову дракона. Ведь она может напугать добрых духов.

Почему же их никто не встречает? Почему не слышно обычных для поселка звуков. Неужели и их поглотил туман. Непроизвольно ускоряя шаг, воины приближаются к частоколу. Что это?! Обугленное дерево, разбросанная утварь, мертвые тела детей, стариков, женщин. Торвальд нашел свою семью. Хельга сама перерезала себе горло, предпочтя смерть постыдному рабству. А его отец лежал, сжимая топор в левой руке.

Дудочка.

- Значит, пойду я. Так тому и быть.

Староста поднялся из-за стола, тем самым давая понять, что разговор закончен. Хотя собственно разговора то и не было. Все по большей части молчали. Идти на встречу с кочевниками, даже прихватив с собой дары, никто не желал. Мало ли чем может все это закончиться? Отрубят голову – не дорого возьмут. И подношения не помогут. Их и так заберут. Так что у старика не оставалось иного выбора. Он пойдет сам.

На дворе уже была ночь. Оказавшись на улице, собеседники старосты как-то мгновенно разошлись, и к своей избушке старик шел в полном одиночестве. И только проходя мимо большого деревенского сада, он услышал голоса и смех. А потом тихую мелодию дудочки.

«Опять Иван девиц развлекает, - мысленно улыбнулся старик, - вот и молодец. Пусть молодости радуется. Ну а мне пора спать. Завтра тяжелый день».

Но заснуть он так и не смог. Когда надоело ворочаться, решил встать и в сенях столкнулся со своим внуком Ваней, который только сейчас возвращался домой. Однако, против обыкновения, журить юношу не стал. Только махнул рукой: иди, мол, спать. В свою очередь и Иван повел себя необычным образом. Вместо того, чтобы обрадоваться и юркнуть спать, он остановился и, внимательно глядя в глаза деду, спросил:

- Ну что решили? Кто пойдет?

- Я пойду. А теперь иди уже, – сухо ответил тот.

- Как ты? – удивился Иван. – Разве не Михаил-кузнец больше всех кричал, что надо посланца с дарами отправлять? Вот пусть он и идет. А ты, дед, прости, но стар уже для такого.

- У Михаила жена да ребятишки маленькие. А у меня кроме тебя никого нет. Да и ты уже вон, какой взрослый. Так что я пойду. Это будет справедливо.

- Позволь я пойду вместо тебя!

- Не говори ерунды. Разговор закончен. Идем спать.

И уже под самое утро, так и не сумевший заснуть староста, услышав, как скрипнула ставня в комнате Ивана, выбежал во двор, крикнул, заметался. Но куда там - юношу уже было не догнать.

Иван предполагал, что отсюда, с вершины холма, ему будет хорошо видно приближающихся кочевников. Но о том, что и они сразу заметят наблюдателя, как-то не подумал. И вот на горизонте показалось небольшое облачко пыли. Потом едва заметная змейка черных точек, вскоре превратившаяся в вереницу всадников.

Завидев наблюдающего за ними Ивана, вереница немедленно распалась и превратилась в быстро охватывающий холм, полукруг. И вот всадники приблизились настолько, что Иван смог разглядеть выражение настороженности на их лицах (возможно, они ожидали засады). Но как только кочевники поняли, что Иван тут совершенно один, тревога сменилась насмешливой дерзостью.

- Эй, Ваня, - обратился к Ивану один из всадников, - Ты что тут делаешь? Тебе жить надоело? Или ты принес нам дары? Тогда где они?!

«Откуда они знают, как меня зовут? – удивился юноша. Но тут же одернул себя, - они просто всех нас называют «Ваня».

- Где дары, Ваня?! Давай, доставай! – продолжал всадник, - Или ты пришел, чтобы бросить нам вызов? Может быть ты богатырь и хочешь один победить всех нас, а?!

И довольный своей шуткой, кочевник засмеялся. Засмеялись и другие всадники, которые, между тем, уже вплотную приблизились к Ивану. Тогда он засунул руку за пазуху и достал свою дудочку. Дрожащими руками поднес ее ко рту и заиграл.

Василий уже не помнил, как так получилось, что он, девятилетний мальчишка, вместо того, чтобы гонять с друзьями в футбол или предаваться другим развлечениям, ходит в музыкальную школу. Да не в класс гитары или, скажем, в класс ударных инструментов. Вася учился играть на трубе.

Наверное, его записали сюда родители. Ну да, а кто же еще? Но в любом случае это уже не важно. Василий занимался второй год. Особых успехов не было. Трубочом он был посредственным, это было давно понятно всем. И только Евгений Петрович, его преподаватель, не терял надежды.

Несмотря на хорошее отношение Евгения Петровича, походы в музыкальную школу Василий воспринимал мучительно и сравнивал их с каторгой. Запал первых дней давно прошел, и мальчишка мучительно ждал начала занятия, втайне надеясь, что по какой-либо причине оно не состоится. Евгений Петрович заболел, выключат свет, отключат газ или упадет метеорит.

Время ожидания начала занятия скрашивали огромные советские журналы карикатур, пачкой лежащие на столе у учителя. Отсюда Василий узнавал об агрессии НАТО в далеком тысяча девятьсот восемьдесят шестом году, происках империализма, финансовых махинациях акул капитализма и так далее и тому подобное. В общем, это было интересно, в отличие от трубы.

Но на этот раз урок состоялся. Евгений Петрович вошел в комнату, тем самым прервав Васино изучение истории карикатур. В руке он держал какую-то раритетного вида дудочку. Вася видел такие в кино про рыцарей.

- Василий, посмотри, что я принес тебе, - обратился к нему преподаватель, - как видишь это обыкновенная дудочка. Обыкновенная внешне, но совсем не простая. Скажу честно, поначалу мне тоже не давалась труба. Но мой учитель подарил мне эту дудочку. И некоторое время, вместо трубы, я учился играть на ней. Это очень помогло поставить дыхание, и вообще, дало возможность почувствовать инструмент. Держи! На ближайшие два месяца она станет твоим инструментом. А потом можешь оставить дудочку себе.

- Спасибо. А как же моя труба?

- А трубу пока оставь тут. Все равно ее тебе выдали здесь, в школе. А дудочку я тебе дарю.

Когда Василий освободился и вышел на улицу, уже стемнело. Поздняя осень все-таки. Поежившись от сырости и холода, мальчик пошел по направлению к дому. Дудочку он запихнул во внутренний карман куртки. Дворами идти было совсем недалеко.

Когда Вася был на полпути к дому, из-за темного угла девятиэтажки вышли темные фигуры и неожиданно быстро окружили его. Почему-то предательски задрожали коленки.

- Эй, Вася, закурить найдется, - голос был нарочито хриплым, но, судя по всему, принадлежал такому же мальчишке, как и сам Вася.

«Откуда они знают мое имя? – подумал Василий. – И почему они гуляют так поздно? Неужели матери не забрали их домой?»

- Чего молчишь, Вася? – продолжил тот же голос. – У тебя деньги есть?

- Нет, - автоматически ответил тот.

И в тот же миг кто-то сильно ударил его в спину. Василий покачнулся и чуть не упал, но в последний момент устоял на ногах.

- А ну, выворачивай карманы!

И чьи-то цепкие руки уже хлопали его по куртке. Теперь уже было не столько больно, сколько обидно.

- Не надо, я сам, - процедил сквозь зубы Вася. И полез за пазуху.

Там он нащупал дудочку и достал ее.

- Что это? – спросили его. – Да ты музыкант! Давай, сыграй что-то нам.

И вокруг все засмеялись.

Дрожащими руками Василий поднес дудочку ко рту и заиграл.

Зеркало.

Уже совсем немолодая женщина зашла в вагон метро, нагло расталкивая пассажиров, хотя тех, в свою очередь, было совсем немного. Больно наступила на ногу и даже не извинилась. «Вот сука! - мелькнуло у Юры в голове, – До чего же неприятное у нее лицо». У него и так не было настроения, а тут еще это бытовое хамство. Женщина стояла совсем рядом, раздражая одним своим видом, не говоря уже о том, что так и норовила опереться на него, будто на стенку. Будь проклят общественный транспорт!

Проехав несколько станций, она вышла. А он проводил ее взглядом. Взглядом, полным ненависти. Тем самым взглядом. Вернее, почти тем самым. Уже сегодня она почувствует себя плохо. Очень плохо. Обострятся хронические болезни. Возможно, ей даже вызовут «скорую». Но она не умрет. Сегодня не умрет. Не хватало ему еще убивать людей прямо в метро. Надо все-таки сдерживать себя.

Это началось с ним довольно давно... Или нет, не так. Этот дар, умение, способность (называйте, как хотите) эта способность появилась у него довольно давно. Хотя, что значит «появилась»? Она была у него всегда. Вот одноклассник чем-то злит Юру, и стоит ему мельком, но со злобой посмотреть на обидчика, как тот спотыкается на ровном месте и падает. Или, уже в институте, сокурсник за кружкой пива сказал что-то нелестное о понравившейся Юре девчонке, и вот уже бокал приятеля опрокинулся сам собой, и тот витиевато матерясь, пытается высушить брюки. А Юра отводит в сторону горящие злобой глаза. Да, это было всегда. Просто потом этот «талант» развился. Развился до таких масштабов, что однажды Юра «сглазил» до смерти. Это произошло после того случая... А, впрочем, об этом не надо.

Разве кто-то может отрицать силу человеческого взгляда? По идее, глаза, это устройство, работающее на прием. Это если по науке. На практике же, все не совсем так. Глаза могут и излучать. И это не только литературное выражение. Разве не чувствовали вы иногда чей-то взгляд своей спиной? Разве не видна в глазах живого существа особенная энергия?

Было во всем этом одно «но». Одно маленькое «но». Однажды Юра поехал с друзьями путешествовать. На машине. И что-то там такое произошло... Что - уже и не вспомнишь. А только разозлился он сильно. Автомобиль ехал по шоссе, а он случайно глянул в правое зеркало заднего вида. Увидел там свое отражение и... глаза. Машину неожиданно занесло. Водитель резко крутанул руль. Они перевернулись и вылетели на обочину. К счастью, никто не пострадал – отделались легким испугом. Но случай этот запомнился ему надолго.

Юра все еще ходил на работу. Но делал это скорее для вида. Из осторожности, что ли. Не хотелось привлекать к себе лишнее внимание. Фильмы про киллеров, засевших на крышах с винтовками и оптическими прицелами, вызывали в нем искренний смех. С реальными киллерами он, конечно, не был знаком. Но презирал их заочно. Он работал иначе.

Сейчас уже не важно, как на него вышел первый заказчик и как Юра получил первое задание и свою первую жертву. Это стало его работой. Только оружие - не винтовка, пистолет или нож, а его собственный взгляд.

Вот и сегодня, как и каждый вторник, он зашел в интернет-кафе, чтобы проверить e-mail. Был заказ: фотографии, маршрут движения на работу и домой, основные места досуга. Все, как обычно. Деньги уже переведены на счет. Чтобы снять их, необходим специальный пароль, который он получит после завершения дела. Посмотрел на фото. Обычный такой буржуа. Пухленький, невысокого роста, белобрысый. Да, ну его, какая ему собственно разница? И вот Юра уже стоит, ожидая свою жертву у ресторана. Ему достаточно несколько секунд прямого взгляда. Через фото, к сожалению, никак. А жаль.

Теперь главное настроиться. Нужно разозлиться. Вспомнить кого-то и разозлиться. Кого? Да вот хотя бы давешнюю тетку в метро. Ее наглость и хамство, плохие духи и блеклое злое лицо. О, общественный транспорт - это неиссякаемый кладезь! Уже по одной этой причине стоит отказаться от покупки автомобиля. Хотя, кто знает, кто знает... Может и в вождении есть свои источники «вдохновения»?

И вот, пора! Бизнесмен выходит. Юра стоит чуть поодаль и со злобой смотрит на него. Тут происходит нечто необычное. Жертва почувствовала взгляд. Маленький человечек резко поворачивается, и Юра встречается с ним глазами. У человечка холодные серые глаза. Как два ледяных зеркала. И эти глаза внимательно и с любопытством смотрят на Юру. Потом человечек улыбается и достает что-то из кармана. Юра невольно переводит взгляд на небольшое зеркальце, окаймленное золотой оправой в виде переплетенных змей. И даже на таком расстоянии видит там свое отражение.

Темнота. Юра проснулся в полной темноте. Он не помнил, что произошло, и как попал домой. Да и дома ли он? Ничего не видно, черт возьми! Тьма кромешная. Юра попытался встать с кровати и нащупать босыми ногами тапочки. Это получилось. Тапочки были на обычном месте. Уже хорошо. Значит все-таки дома. Но надо же включить свет. Что за ерунда!? Даже в окнах нет света. Ни единого лучика. Как будто окна закрыты ставнями. Юра идет туда, где, по его мнению, должен быть выключатель. По дороге больно ударяется ногой о край стола. Матерится и идет дальше, осторожно выставив впереди себя руки. Но это хорошо, по крайней мере, и стол на обычном месте. Юра просто забыл о нем. Вот и выключатель. Щелчок. Второй. Никакой реакции. Неужели что-то со светом? Ладно, идем дальше. А дальше та же ситуация. Щелчок и полная темнота.

В чем дело? Юра ощупывает руками лицо. Вместо глаз пустота и мягкие провалы глазниц. Засовывать туда пальцы почему-то не хочется.

Идол.

После смерти отца Павел еще долго не мог попасть в доставшийся по наследству гараж. Было много других, более неотложных дел. Но вот выдались свободные выходные, и он решил поехать навести порядок, выбросить ненужный хлам и подумать, как найти этому недвижимому имуществу достойное применение. Лично ему гараж был не особенно нужен, свою машину он держал под домом. И ездить на край города в гаражный кооператив не было никакой надобности.

И вот в процессе уборки, среди разного старого хлама и ненужной утвари он нашел его. Небольшая человекоподобная фигурка высотой сантиметров тридцать. Она чем-то напоминала показанные по телевизору барельефы инков или ацтеков. Черного цвета, из непонятного, но очень прочного материала. Поначалу он подумал, что это камень или железо. Но фигурка была слишком легкой. Несоразмерно большая квадратная голова с выпученными круглыми глазами, огромным прямоугольным ртом и чудовищными зубами. Маленькие ручки сложены на груди. Вся исписана какими-то непонятными письменами и чем-то вроде

маленьких рисунков, изображающих сцены кровавого насилия. Откуда она взялась, эта фигурка, было непонятно.

Поразмыслив немного, Павел пришел к выводу, что отец привез ее из командировки на Кубу. Куда он ездил, когда Паша был еще совсем маленьким. Больше ей, вроде бы, взяться было неоткуда. Вряд ли бы отец покупал такую штуку здесь. А чтобы ему дарили нечто подобное, Паша не помнил. Ну да ладно. Вещица была забавная. И Павел решил взять ее домой. Для антуража, так сказать.

Сказано – сделано. По приезду домой, он поставил идола, как он окрестил его про себя, на комод и тут же забыл о нем. Только домашний питомец Павла, немецкая овчарка по кличке Добряк, при виде идола как-то вся сжалась и заскулила, прячась за спину хозяина.

А этой же ночью случилось ужасное и необъяснимое событие. Паша никогда особенно не боялся темноты или одиночества. Разве что в совсем юном возрасте. А тут он проснулся посреди ночи, и ему стало так страшно, так жутко, как никогда в жизни. Казалось, что в каждом темном углу затаился монстр. Да что там, казалось – именно так оно и было! Раздался вой. Протяжный и жалобный, полный страха и безысходности. Это выл Добряк.

Что произошло дальше, Паша не помнил. Видимо, он просто открыл окно и выпрыгнул на улицу – так ему было страшно. Благо, жил он всего на втором этаже. Паша так и просидел до утра на лавочке возле подъезда. И только на рассвете он решился подняться в квартиру. Но ключей, естественно, у него не оказалось. Запасной комплект был у соседа с девятого этажа и, по совместительству, старого товарища Кольки. Они дружили еще с детства, и Паша всегда держал у того запасные ключи на тот случай, если его личный комплект будет утерян.

Колян ничего не спросил, видимо еще просто не проснулся. И, зевая, протянул необходимую связку ключей. Наверно, когда окончательно проснется, подумает, что Пашка просто напился. Но сейчас это было не важно. Важно было то, что Паша увидел, попав в квартиру. Абсолютно весь потолок и все стены в его комнате были забрызганы кровью. Он даже не мог себе представить, что у живого существа может быть столько крови. Разве что у слона. А посреди всего этого кровавого ада лежал Добряк. Грудная клетка его была разворочена, как будто он только что родил монстра из фильма «Чужой». Или ему просто хотели вырвать сердце. Идол, как ни в чем не бывало, стоял на комод. Этим же утром Паша отвез его обратно в гараж.

Прошло несколько лет. Маленький бизнес Паши развился в небольшую, но вполне работоспособную фирму. Появились деньжата. Из Паши или Пашки он превратился в Павла Алексеевича. Даже галстук стал носить, чего раньше за ним не наблюдалось. Женился. Вместе с женой он переехал в новую, более просторную квартиру на двадцатом этаже престижной новостройки.

Пару лет они жили нормально. А потом начались проблемы. Не важно, как так получилось, и кто виноват. Только дело шло к теперь уже неминуемому разводу. И это грозило Павлу Алексеевичу не только моральными, но и вполне материальными проблемами. Не вдаваясь в юридические подробности, можно сказать так, что половину своих денежных и других средств ему пришлось бы отдать жене. Никакого

брачного контракта, который бы утверждал иначе, конечно же, не было. А делиться Паша не хотел совсем. Тем более, что это были им и только им заработанные деньги.

Вот тут он и вспомнил о черном идоле, хранящимся в гараже. План был прост, и Паша тут же приступил к его реализации. Под видом подарка от сотрудников идол был перевезен домой и поставлен на полку. А тем же вечером Павел уже ехал в командировку, оставляя жену дома одну...

- Какой ужас! Поверь, я так тебе сочувствую, – говорила Света, глядя Пашу по руке.

Они сидели в кафе недалеко от его дома. Света была лучшей подругой его жены. И теперь, после ее, жены, скоростижной и загадочной смерти, считала своим долгом всячески поддерживать и успокаивать убитого горем Павла.

- Какая ужасная смерть! – говорила она, заглядывая Павлу в глаза. – А тут еще не одна. В квартире нашли два трупа. Ее и еще какого-то молодого человека. Паша, мне очень жаль, очень.

И большие ее глаза смотрели ласково и настойчиво.

Через год они поженились. На этот раз Паша был умнее. И брачный контракт был составлен так, что в случае развода, каждый оставался при своем. Только в случае смерти одного из супругов, все имущество и деньги доставались другому. Теперь Павел Алексеевич мог не бояться за нажитое добро.

Прошло еще около года. Паша возвращался домой в хорошем настроении. Сегодня у него был день рождения. А тут еще и приятный сюрприз. Света, его новая жена, должна была уехать в командировку. Эту командировку никак нельзя было отложить. Она очень извинялась, что не сможет поздравить его лично. Обещала позвонить. Сказала, что подарок оставит дома. А он был только рад. Паша уже предвкушал, как он пригласит Коляна, и они посидят за бутылочкой коньяку, как в старые добрые времена.

В гостиной, на журнальном столике его ждал подарок – небольшая, завернутая в подарочную бумагу коробочка и открытка. Пробежав глазами открытку, полную банальных излияний в любви и преданности, он сорвал бумагу с коробки и открыл ее. Перед ним стояла небольшая черная фигурка. Сантиметров тридцать высотой. Она напоминала увеличенную копию Индийских демонов, которых он видел в Эрмитаже. Многорукое и многоногое чудовище, застывшее в нелепом танце. С большой головой, огромными круглыми глазами и широко раскрытым ртом, усеянным треугольными зубами. Вся фигурка была изрисована маленьким барельефами с изображением сцен насилия.

Как в старые добрые времена.

Балрог смотрел на снежинки, падающие в багровом свете, исходящем от него самого, и понимал, что он никогда не видел ничего прекраснее. Там, откуда он родом, не было ничего, что могло бы хоть как-то сравниться с такой красотой.

«Да, - подумал балрог, - прав был старый маг, когда говорил, что весь смысл жизни и вся ее красота в мгновениях, которые порой не замечаешь, но эти мгновения стоят больше, чем вечность. Пожалуй, сейчас - то самое мгновение».

Он сидел на крыше огромного дома и любовался снежинками, совсем не обращая внимания на разрушенный им город, из которого власти срочно эвакуировали людей. Путь его был отмечен пожарищами.

«Люди сами виноваты, - рассуждал балрог. – Зачем они так настойчиво рыли в Горе? Ведь он неоднократно предупреждал их, сжигая камни и выпуская дым наружу. А они мало того, что поселились возле ЕГО горы, но еще и принялись ее исследовать. Однажды, совсем недавно, он даже завалил пеплом город надоедливых насекомых. Но они отстроились. Все им мало.

А ведь мы, балроги, уже давно не появлялись на поверхности»

Последний раз это было очень давно по его, майярским, меркам. А по исчислению людей, вообще не понятно, когда. С тех пор многое изменилось, но остались следы, так называемые сибирские траппы. Тогда появление балрогов привело к глобальному изменению климата. Почти все живое на земле погибло.

Дело в том, что с момента зарождения на планете не существовало никого, кроме духов огня. И высшими представителями огненных существ были они – балроги. Но потом появились представители других стихий: воды, воздуха, земли и даже пустоты (впрочем, нет, эти как раз не исчезали никуда). И началась перманентная война, в результате которой Земля из пылающего шара превратилась в то, чем является и по сей день.

На Земле появились растения и животные, а еще позже первые дети Эру – эльфы. Именно они довершили разгром балрогов. И, фактически, заточили духов огня в недрах гор. Правда, время от времени, тем удавалось вырваться на свободу и даже довольно серьезно влиять на ход мировой истории, но это, конечно, было уже не то, что раньше.

Размышления балрога были прерваны каким-то странным стрекочущим звуком. В ночном небе к нему приближалось несколько не виданных им ранее существ. Звук исходил именно от них. Человеческий глаз не смог бы заметить в ночном небе приближающиеся объекты, но балрог видел их ясно. Вдруг возле одного из них блеснула вспышка, и в сторону балрога полетело что-то вроде огромного копья с оперением из огня. Да так быстро, что он едва успел увернуться. А огненное копьё пролетело совсем близко и врезалось в соседнее строение, где наделало много шума и языков пламени.

«Ах, так!» - подумал дух огня. И сделал шаг в темноту у края крыши. Стрекошущие существа потеряли его из виду и вынуждены были спуститься ниже. В этот момент Балрог расправил крылья и стремительно взмыл обратно в небо.

Первую «птичку» он сбил своей огромной лапой. Достаточно было легонько ударить, как она закружилась волчком, и резко теряя высоту, рухнула на крышу одного из домов пониже. В ту же секунду балрог взмахнул огненным бичом и зацепил второе существо, находившееся от него на почтительном расстоянии. Оно вспыхнуло в воздухе и разлетелось на множество частей. Только после этого он плавно приземлился на землю.

Самый обыкновенный скутер, из числа тех, что заполняют город в теплое время года, ехал по опустевшей дороге в сторону небоскребов, возле которых происходила битва Балрога с вертолетами. На скутере сидит самая обыкновенная молодая девушка, которых тоже много на улицах города в любое время года. Однако уже через секунду любой человек заметил бы, что девушка не совсем обыкновенная. Белоснежные волосы развиваются за ее спиной, открывая слишком большие и заостренные сверху уши. Черты лица слишком тонкие, а зрачок глаз - вертикальный, как у кошки. Однако заметить это было некому. И прятаться эльфийке больше было не от кого.

К месту разборок вертолетов и балрога она подъехала как раз тогда, когда победитель приземлился на землю. Девушка остановила свой скутер невдалеке и не скрываясь, двинулась по направлению к чудовищу.

Балрог тоже заметил гостью и спокойно ожидал ее приближения. Эльфийка подошла на расстояние пары десятков шагов и остановилась. Дух огня некоторое время рассматривал ее, а потом почтительно поклонился и заговорил:

- Приветствую, королева. Я узнал тебя.

- И я приветствую тебя, Валараукар. Хотя и не могу сказать, что рада тебя видеть.

- А я, отчего-то, рад. Ностальгия, что ли. Сколько мы не виделись? Две, три Эпохи? Но сути дела это, конечно же, не меняет.

- Да, не меняет, - ответила эльфийка и в руках у нее откуда-то появился сияющий белым светом меч.

- Ну что, как в старые добрые времена? – сказал Балрог, замахиваясь огненным бичом.

- Как в старые добрые времена, - эхом откликнулась красавица и шагнула навстречу языкам пламени.

Карма.

Каждый из них съедал не менее пригоршни чеснока, прежде чем заняться делом. Потом они оборачивались в грубые холщовые саваны, измазанные дегтем, надевали такие же рукавицы, и пропитанные особым раствором повязки на лицо. Только после этого можно было хоронить трупы. Жертвы черного мора выглядели ужасно.

Черные гнилостные язвы на шее, под мышками и в паху. И такие же красно-черные нарывы на губах. Похоронные команды окружали зараженные поселки – нельзя было выпускать ни одного жителя. Кто знает, может, он тоже болен? А если нет, то Бог ему в помощь. Лучше пожертвовать несколькими, дабы спасти многих.

И вот, неся факелы в руках, эти команды входили в села и поселки, собирали мертвых, потом поджигали дома вместе с все еще живой скотиной. А потом наставала очередь трупов. Где-то на окраине поселка вырывалась большая яма – братская могила. Туда и клали трупы, обернутые в те же холщовые, пропитанные дегтем, саваны. Потом могила засыпалась известью, а уж после – землей. И после всего уже ставили большой, в три сажени, черный крест. Черный мор пришел на Русь в четырнадцатом веке. Бубонная чума.

Федор, еще совсем молодой паренек, твердо сжимал в руке коптящий факел, когда услышал шорох и шум приближающихся шагов. И через мгновение из-за поворота тропинки вылетел человек и со всего размаха налетел на него. Федора оставили в дозоре, охранять один из выходов из поселка. Дабы никто не смог сбежать и разнести заразу. В первое мгновение он хотел было кликнуть подмогу, но услышал жалобный шепот.

- Дяденька, дяденька, - говорил человек, по голосу оказавшийся юной девушкой. – Не губите! Отпустите! Не губите!

Он поднес факел к ее лицу, хотя в этом не было никакой необходимости. Конечно же, он узнал ее. Настеньку – царицу его юношеских грез, дочку мельника, живущую в соседнем селе. Она тоже узнала его лицо в неровном свете огня.

- Не губи, Феденька, - обратилась она к нему, поднявшись. Подошла совсем близко, так что даже через повязку он ощутил ее дыхание. – Я все сделаю, что захочешь. Вот и сам можешь проверить, нету на мне отметин дьявольских.

С этими словами она потянула его в кусты возле тропинки, снимая с себя сарафан. Разве разглядишь в темноте пока еще небольшие красноватые пятнышки на шее?

«За что? За что бог так наказал ее?», - в который раз спрашивала Лена у себя, – «За какие такие грехи прошлых жизней?». Она так часто слышала о вирусе иммунодефицита, что это не могло случиться именно с ней. Но случилось. Так в чем ее вина? Лена не вела какой-то особенно распутной жизни. Почему же она должна страдать? Тем более в одиночестве.

Лена нанесла последние штрихи боевой раскраски. Взяла сумочку подходящего цвета и вышла на улицу под внимательные и неодобрительные взгляды старушек на лавочке. Стояло жаркое лето. Короткая юбочка открывала всеобщему обозрению длинные красивые ноги. Бабки зашуршали за ее спиной, вновь ругая молодежь и современные нравы.

Свидание было назначено на выходе из одной из станций метро. Здесь назначало свидание половина города. Поэтому, когда Лена подошла, естественно с опозданием, она увидела целое скопище самцов с разнообразными букетами в

руках. Но своего она узнала без труда. Худой, высокий и сутулый одновременно. Ее поклонник был на голову выше большинства других мужчин, ожидающих своего кусочка счастья. Она знала его очень давно. Еще со школы он терпеливо ухаживал за ней, будто не обращая внимания на других более успешных конкурентов, на ее безразличие и презрительные взгляды свысока. Да, Лена умела, значительно уступая в росте, смотреть на него свысока. Никогда она не отличала его и держала на почтительном расстоянии. Но он был упрям. И вот она решила наградить его за терпение.

После обычно в таких случаях променада по главной улице города с заходом в парк и спуском на набережную они остановились возле пешеходного моста через реку. И в этот момент патовой ситуации в игре «мужчина – женщина» она, как бы признавая свое поражение, сама предложила: «Пойдем ко мне домой».

Легенда о Берсерке.

Эта история произошла в те далекие времена, когда первые дети Мелькора, Высшие Орки, еще не растворились в среде своих более звероподобных братьев по крови. Они были предводителями орд, темными магами и жрецами. Одним словом – элита. Это распространенное заблуждение, что Черный Враг сразу испортил эльфийскую породу. На первый взгляд Высшие Орки совсем не отличались от своих более дружелюбных предков эльфов. Они были также высоки и широкоплечи, у них были заостренные уши и правильные черты лица. Только пальцы Высших Орков заканчивались самыми настоящими звериными когтями, а улыбка открывала две пары острых клыков.

Именно такой орк сидел, укутавшись медвежьими шкурами, на ложе посреди штабного шатра и, не отрываясь, смотрел в пламя небольшого походного очага прямо у своих ног. Шатер, в свою очередь, был расположен в центре огромного лагеря орков, перегораживающего выход из ущелья. Ну, а ущелье было единственным путем в горную долину, служившую домом небольшому народу эльфов. Легенда не сохранила рассказа о том, с помощью каких ухищрений, пыток и обмана орки вычислили ее местоположение, каким образом разрушили шесть волшебных ворот, охраняющих скалистое ущелье, но на момент, когда начинается наш рассказ, не разрушенными оставались только последние, седьмые ворота. Но и им, судя по всему, осталось недолго. Лишь небольшой отряд эльфийских витязей охранял последний бастион их сказочного княжества.

Полог, закрывающий вход в шатер, качнулся в сторону и на пороге появился огромный широкоплечий гоблин. Один из тех, которыми впоследствии будут пугать детей всех без исключения народов Средиземья – длиннорукий, обросший шерстью, с уродливым скуластым лицом. В общем, такой гоблин, какого мы себе очень хорошо представляем.

Он подошел ближе к огню и согнулся в почтительном поклоне. Высший Орк вопросительно посмотрел на вошедшего.

- Великий хан, - обратился тот к сидящему перед огнем орку, - прибыл наш шпион из лагеря эльфов. Прикажете привести?

- Веди, - кивнул Высший, чье полное имя так и осталось неизвестным. До нас дошло только прозвище: Медвежья Шкура.

Гоблин исчез, но уже через минуту вернулся, втолкнув перед собой одетого в доспехи человека.

- На колени перед ханом!

И человек устало опустился на одно колено, а гоблин остался стоять за его спиной.

- Говори, с чем пришел, - обратился к человеку Медвежья Шкура, - как дела у благородного Тургона, Владыки Горных Лесов?

- Я пришел рассказать тебе план их ответного удара, - сказал человек глухим голосом, - но сначала подтверди свою клятву.

- Да, ну? И что они могут мне сделать? У них вовсе не осталось солдат, а те, что остались, или измождены, или подавлены. Впрочем, изволь, - и хан устало махнул рукой, на кончики пальцев которой были надеты золотые наперстки, повторяющие форму когтей. – Говори, я повторяю свое обещание. Скоро вы будете вместе, ты и твоя женщина!

- Тургон готовит план контрудара. Пока стража последних ворот еще может удерживать твое войско, сам князь с отрядом отборных воинов обойдет тебя с тыла и нанесет тебе неожиданный удар.

И как же он выйдет из западни? Орлы Манвэ перенесут благородного князя и его воинов по воздуху? – насмешливо спросил Медвежья Шкура.

- Нет, Тургон проведет свое войско через Серебряный Перевал. Через три дня они будут у тебя за спиной.

- Вот как? Эльфы в холодных горах? Ну что ж, жаль, что я не смогу наблюдать это лично. Это им не вечно зеленые леса.

И орк мечтательно улыбнулся.

- Теперь исполни свое обещание, - обратился к нему человек.

- Ах, да, да. Хотя не могу сказать, что твоя информация очень мне нужна. Но слово хана крепко, как гранит.

- Отдай мне мою женщину! – воскликнул человек.

- Отдать?! Разве я обещал ее тебе отдать? Я обещал, что вы будете вместе. Курак! – позвал хан гоблина, все также стоящего за спиной у человека.

И в тот же миг свистун кривой ятаган и голова человека покатились под ноги Высшему Орку. Тот брезгливо оттолкнул ее носком сапога.

- Прикажи, чтобы ее поместили на одном шесте с головой его женщины. Предательство не может быть оправдано ничем.

Орк встал и в задумчивости прошелся по своему шатру. Курак все еще стоял здесь, чувствуя, что еще не все приказания отданы.

- И вот что, - наконец произнес хан, - Иди, собирай войско. Пойдем встречать гостей.

Поначалу казалось, что это просто. Что все страшные легенды о Серебряном Перевале - это не более чем преувеличение. Конечно, эльфы не такие уж опытные ходоки по горным тропам, но, тем не менее, войско Тургона довольно легко преодолело значительную часть пути. Покинув сосновые леса, они на одном дыхании пересекли продуваемые всеми ветрами луга и добрались до ледяного плато, благодаря которому перевал и был назван Серебряным.

Несмотря на холодный ветер и уже близкую ночь, воодушевленные успехом эльфы решили продолжить путь. Снежное поле перевала казалось не таким уж большим. Казалось, что стоит чуть-чуть поднапрячься, и перевал будет пройден. Глядя вверх, Тургон видел, как снег и лед заканчивается и начинается небо. Значит там – высшая точка перевала.

Войско двинулось вперед, и тут начались неприятности. Нет, им навстречу не вылетели ледяные драконы, не выскочили свирепые чудовища. В горах опасность другого рода. Кажется, что ничего страшного и необычного не происходит. Но вдруг твой товарищ срывается с оказавшейся ненадежной ледяной кромки и летит в пропасть. Или прямо перед тобой с пугающим звоном падает камень размером с лошадиную голову. А вокруг все по-прежнему спокойно и обычно. И от этого становится страшно.

Невыносимый холод проникал сквозь эльфийские плащи и сковывал движения. Великолепные красавцы-кони, чьи неподкованные копыта сточились на острых камнях, теперь скользили по льду, падали, калечили своих хозяев и ломали себе ноги. Воины убивали их со слезами на глазах, понимая, что в ином случае они обрекут коней на мучительную смерть от холода.

Таким образом, к утру, большая часть войска передвигалась пешим ходом. Но на этом злоключения не окончились. Эльфийские рыцари были измождены до предела. Некоторые выбились из сил настолько, что их приходилось нести товарищам.

С восходом солнца температура повысилась незначительно. Князь Тургон перестал чувствовать пальцы на руках. С огромным трудом он сомкнул их на рукояти меча и больше уже не разжимал из опасения, что пальцы перестанут слушаться его настолько, что он не сможет достать меч. Его примеру последовали многие.

Свет солнца не согревал, но отраженный от снега и льда был ярким настолько, что многие войны ослепли. И те же лучи обжигали нежную кожу эльфов. Их

почерневшие пальцы были сомкнуты на рукоятках мечей. Погибших от холода воинов несли на носилках другие, едва держащиеся на ногах витязи.

А ледяное плато, которое в самом начале казалось таким небольшим, все не заканчивалось. Казалось, вот-вот, и за этим холмом начнется спуск. Но нет! Когда отряд взбирался на один холм, их взору открывался следующий. И так один за другим, на бесконечной и однообразной белой равнине.

Ледяное поле только казалось монолитным. А на самом деле, то тут, то там скрытые небольшим слоем снега, в ледяном панцире перевала притаились огромные трещины, по глубине не уступающие многим оврагам. Эльфы проваливались и гибли на дне таких ледяных ущелий. Чтобы это не повторялось, несколько воинов связывались прочной веревкой. Теперь если один начинал проваливаться, остальные могли его удержать. Правда, однажды, таким образом, в ледяную пропасть провалился целый отряд. Сначала упал один. Обувь эльфов не создана для ходьбы по скользкому льду. Упавший воин утащил за собой второго. Веревка стала еще тяжелее, и за вторым последовал третий, и так далее.

К концу третьего дня армия Тургона остановилась на привал. Большинство лошадей погибло, половина воинов и без того небольшого отряда или погибли в ледяных ущельях или умерли от холода. Оставшиеся были истощены до предела еще и тем, что своих погибших товарищей эльфы несли с собой, не желая оставлять тела не погребенными.

Тургон подал знак рукой, требуя внимания. Слезы текли по его лицу и почти сразу замерзали на холодном ветру.

- Братья, - воскликнул он, - Мы не можем нести павших далее! Но не можем и оставить их тела лежать под открытым небом. Мы должны похоронить их прямо здесь.

С этими словами князь достал меч из ножен и ударил им по льду.

- Мы вырубим гробницы во льдах.

Вскоре ледяные гробницы были готовы, тела воинов завернуты в шелковые знамена так, чтобы только лица их были видны. Затем их поместили в гробницы и накрыли прозрачными ледяными плитами.

- Лед завершит начатое нами погребение, - сказал Аэгнор, близкий друг и помощник князя, - тела их будут пребывать во льдах до скончания времен, и холодный свет будет освещать их лица.

- Помянем наших братьев, - глухо, но так, что все услышали, сказал князь.

Тургон провел лезвием клинка по ладони, и алая кровь пролилась на снег.

- Пусть наша кровь сегодня станет вином! – с этими словами он поднес раненую ладонь ко рту.

А потом запел, повернувшись к своему воинству.

Дороги назад давно уже нет,
Но Эльберет подарит нам свет.
Меча рукоять покрепче сожми -
Встань! Или умри!

На протяжении ста тысяч лет,
Песни об этом везде будут петь.
И ты для себя все сам реши -
Иди! Или умри!

И многих друзей уже с нами нет,
Их бледные лбы не согреет рассвет.
Но волю свою в кулак собери -
Сделай! Или умри!

О, Эльберет, ты даришь нам свет,
Но знаю давно один секрет:
Богам за нас наш путь не пройти -
Встань! Иди! Сделай! Или умри!

И эльфы нашли в себе силы встать и идти дальше. А вечером произошел следующий разговор.

- Ты звал меня, мой господин, - обратился Аэгнор к своему другу.

Тургон стоял на краю обрыва и смотрел вниз.

- Да, друг мой, - сказал князь оборачиваясь. – Очевидно, что войско не готово к бою. Хорошо бы нам вообще закончить свой путь. Не говоря уже о битве.

Аэгнор молчал, опустив глаза.

- Я принял решение, - продолжил Тургон, - я возьму своего коня, одного из немногих оставшихся в живых, на мне мифриловый доспех, а мой меч, Гламдринг, стоит целого войска. Я один доскачу до лагеря орков, и будь, что будет.

- Но, мой князь...

- Не надо возражений, я все решил. Твоя задача - взять оставшихся коней, погрузить на них обессиленных и вывести войско вслед за мной.

- Но...

- Я все сказал! Иди, и пусть Валар помогут нам!

Армия орков стояла в полной боевой готовности. Ни о каком неожиданном нападении с тыла и речи быть не могло. Закованные в латы высокие и длиннорукие

орки-воины ждали эльфийскую конницу. Каково же было их удивление, когда вместо воинства они увидели одиноко летящего на них всадника в мифриловых доспехах и с со сверкающим мечом в поднятой руке. Несомненно, зрелище это было прекрасным и даже величественным, и такой меч, как Гламдринг пожнет немалый урожай, но воин-то всего один.

- Ха, ха! – засмеялся во все горло Курак, - От отчаяния у эльфов мозги съехали набекрень. Прикажете лучникам дать залп, мой хан?

- Дурак, - Медвежья Шкура, в отличие от своего помощника, не выглядел довольным.

Он сидел, склонив голову на грудь, и исподлобья смотрел на скачущего к его войску всадника.

- Эльф уже победил, - злобно пробормотал он.

- Как же так, мой хан? Только прикажите, и варги разорвут этого храбреца!

- Дурак ты, Курак, - повторил хан, - так ты ничего и не понял. Тургон уже победил потому, что легенды будут рассказывать о том, как один эльфийский витязь вышел против целой орды орков. Его имя запомнят на века. Он станет героем-мучеником.

- Но кто сохранит эти сказания? Здесь больше нет эльфов!

- Но есть люди в нашем войске. Да и орки обязательно что-то сболтнут. Этого будет вполне достаточно, чтобы послужить основой песен.

- Однако, может быть еще не все потеряно, - пробормотал Медвежья Шкура медленно поднимаясь.

Он расстегнул застежку плаща, и тот соскользнул к его ногам. Снял и отбросил в сторону шлем.

- Помоги мне снять доспех, - бросил хан Кураку.

- Но...

- Быстрее!

И Курак начал судорожно расстегивать застежки на черном, как смоль панцире из чешуи дракона.

Наконец Медвежья Шкура оказался голым по пояс и практически безоружным, оставив только меч в правой руке.

- Я пойду один, - обратился он к Кураку, - и не смей мне помогать. Ни в коем случае! Ни единой стрелой!

- Но, мой хан, эльф все еще очень опасен! Это безумие! У эльфа волшебный меч и мифриловый доспех.

- Ха-ха, в этом все и дело! Я пойду один и без доспеха! Зубами его грызть буду! – ответил хан, и ехидная усмешка обнажила его клыки.

- Пойте! Пойте древнюю песню орков! – крикнул он, повернувшись к застывшим в строю воинам. И проваливаясь в глубокий снег, поспешил навстречу эльфийскому витязю. А вслед ему орки, ударяя рукоятями мечей о панцири и щиты, запели:

Игрушками богов не станем мы!
И жалости к себе не знаем мы!
Врага перед собой ты не жалея -
Убей! Хей-Хей! Хей-Хей!

Пустой желудок мы зальем вином,
Пустое сердце кровью обольем!
Достань свой меч! Скорей, скорей!
Сомнения гони! Хей-Хей! Хей-Хей!

Мечты сбываются.

Однажды уже совсем не маленькому принцу надоело поливать свой розовый сад, общаться со своими датскими сверстниками, забавляться с черепами давно умерших наставников, отдавать указания ничего не умеющим генералам, спасать принцесс и сражаться с ничего ему лично не сделавшим драконом. Тем более, разъезжать на белом коне. Это ему надоело в особенности (втайне он всегда мечтал завести ягуара, да, да - ягуара).

Тогда принц собрался и пошел на берег моря. Он поднялся на высоченный утес. Под ним волны разбивались о камни. Над ним синее небо и бегущие облака. В лицо ему дул свежий ветер, а впереди лежал горизонт. Но что-то пошло не так (так бывает не только в сказках) и принц оступился, сорвался и упал вниз с обрыва.

Принцу повезло. Он не разбился о многочисленные камни, о которые разбивались бестолковые волны. Он упал в воду. И хотя от удара чуть не потерял сознание, принц все же увидел ее. Именно тогда в первый раз он увидел ее. Русалку. Она была ослепительно красива. Так красива что, если бы дух принца не был выбит ударом о воду, его бы непременно захватила эта самая красота.

Итак, русалка была очень хороша, но у нее был самый настоящий рыбий хвост. И начинался он не откуда-то, а именно чуть ниже пупка (так тоже бывает не только в сказках). Правда, именно этот хвост помогал русалке хорошо плавать. Благодаря чему она и смогла спасти принца от окончательного затопления. Русалка доставила его к одному из камней у самого берега. И вот принц сидел на камне и любовался русалкой. А русалка плавала в воде и любовалась принцем на камне.

С тех пор принц каждый день после обеда убегал из замка и приходил на берег моря, где его ждала русалка. Он садился на камень, а она плавала в воде. Они

могли подолгу разговаривать о своей жизни, о природе вещей, о музыке, поэзии и политике, но чего-то им все-таки не хватало. Так прошло два года.

Принц решил действовать. Он был не из тех парней, которые идут на поводу у судьбы. И он решил: во что бы то ни стало исполнить свою мечту – заполучить рыбий хвост, чтобы плавать рядом со своей русалкой.

И тогда, не попрощавшись с любимой, принц отправился в далекие края. Где он только не побывал, где он только не загадывал исполнение своего желания. На самых высоких горных вершинах, в самых глубоких пещерах, он засовывал голову, притрагивался, клал руки, бросал монетки, завязывал ленточки. Он побывал во всех городах. И не только в современных, но и в тех, которые были давно покинуты людьми. Даже в затопленных водой городах он находил места, где можно притронуться, засунуть руку, оставить монетку. Все во имя исполнения желания.

Но мечта не спешила исполняться. И вот отчаявшийся и все еще двуногий принц вернулся к родному берегу моря. Взобрался на родной утес. И, разбежавшись, прыгнул в море.

Но ему опять повезло. Он опять не разбился. Когда, спустя мгновение, принц пришел в себя, он был глубоко под водой. Мужчина (а принц к этому времени превратился в мужчину) решил, что он сейчас утонет. Но не тут-то было! Оказалось, что вместо двух ног у него наконец-то появился рыбий хвост! Счастливый принц всплыл на поверхность и как можно быстрее поплыл к тому камню, где много лет назад он встречался со своей русалкой. О, как он волновался! Что если ее не окажется там? Ведь прошло уже много лет. Она могла забыть о нем. Да и вправе ли он требовать от нее такого терпения – каждый день приплывать к камню и уплывать, так и не дождавшись его?

Но добравшись до заветного места, он увидел ее – свою возлюбленную. Она сидела на валуне, поджав под себя стройные ноги.

На дно.

"Здравствуй, Отшельник, я пришел к тебе, чтобы узнать, как убить Катрарка!"

Нет, не так. Слишком коротко и слишком нагло, что ли. Все же Отшельник старше меня. Я должен обращаться к нему с уважением. Может быть так:

"Здравствуйте господин отшельник, я пришел к вам, чтобы узнать...". Нет, опять не то. Слишком напыщенно. Опять же, какой из него господин? Он же отшельник.

Такие мысли посещали молодого Ратана вечером накануне ночи, на которую он запланировал встречу с отшельником.

Отшельник жил не так далеко. На небольшом острове, как две капли воды похожем на тот, где жил сам Ратан и его племя. Почти все острова располагались на расстоянии прямой видимости друг от друга. Они напоминали выступающие из воды панцири огромных черепах. Хотя, что значит напоминали? Никто из племени

Ратана не видел таких черепах. Даже те, кто был намного старше юноши. Но все откуда-то знали, что такие черепахи существуют. Их называют Тарны и на их спинах живут целые племена. Тарны путешествуют в поисках пищи, а вместе с ними путешествуют и смельчаки на их спинах. Управляют они черепахами или нет, а также что делают, чтобы те не ныряли в воду, Ратану было не ясно. Но сейчас это его не так беспокоило, как вопрос "как попасть к отшельнику?".

Жил то Отшельник не далеко, но так или иначе добираться до него надо было по воде. А своей лодки у Ратана не было - слишком молод. Подойти и попросить он не решался. Еще бы! Что он скажет? "Здравствуйте дядюшка Кер, дайте мне, пожалуйста, лодку. Я хочу поплыть к Отшельнику и узнать у него как убить Катрарка". Кстати, с чего Ратан взял, что Отшельник знает, как убить Катрарка? Тоже не понятно. Но и об этом лучше не думать. Если не знает Отшельник, то не знает никто.

Так вот. Лодки у Ратана не было. Выпускать из спины крылья, как мифические Йорны, Ратан тоже не умел. По желанию выращивать между пальцами рук и ног перепонки, как его друг Торос, тоже. К тому же Торос считался "сыном Катрарка" и морские гады, которыми кишели воды между островами, его не трогали. Вот и приходилось Ратану сидеть в кустах и наблюдать, как дядюшка Кер вытаскивает из воды лодку со снастями и небольшим уловом. А потом ждать, когда тот уйдет, чтобы незаметно, под прикрытием темноты, похитить ее и отправиться на поиски Отшельника. До праздника жертвоприношения оставалось совсем не много времени.

- Здравствуй, Отшельник, я...

- Я знаю, зачем ты пришел, - оборвал Ратана человек, сидящий у огня. - Ты пришел узнать, как убить Катрарка. Я знал, что когда-нибудь придет кто-то вроде тебя. Садись.

Ратан послушно сел возле огня. Отшельник замолчал, а юноша боялся заговорить первым. И вот, в тот момент, когда Ратан устал от ожидания, и хотел было открыть рот, Отшельник заговорил.

- Как ее зовут? - спросил Отшельник.

- Кого? - смутился Ратан.

- Ту, кого ты хочешь спасти от Катрарка. Думаешь, я не понимаю? Я сам был таким много лет назад. До жертвоприношения осталось три дня.

- Ее зовут...

- А, впрочем, не важно, - снова оборвал Ратана отшельник. - Через три дня ее привяжут к жертвенному камню. И пока все племя будет стоять на почтительном отдалении, и молиться духу Катрарка, жрецы начнут свой танец. Они будут кружиться, хлопать в ладоши и завывать, но все это не так важно. Главное, они начнут дуть в раковины Симху. Ты же знаешь о раковинах Симху? В нашей воде и

на берегах островов огромное множество раковин. У всех разные цвета и у каждой свой неповторимый звук. И только у синих раковин Симху всегда один и тот же голос. Голос, который вызывает Катрарка.

Отшельник замолчал. Повисла напряженная тишина.

- Потом все просто, - продолжил Отшельник. Теперь он говорил спокойно и даже как-то буднично. - Из воды выползет Катрарк. Жрецов он, по обыкновению, не тронет. Чудовище протянет свои огромные щупальца к девушке-жертве. Отвяжет ее от камня. Да, да, а ты что думал? Он очень умный и ловкий. Потом засунет ей свои щупальца в места... Ты знаешь, во все места. И когда удовлетворишься, то разорвет ее на части. А в это время жрецы и все племя будут в экстазе. Ибо они будут слышать Голос Катрарка. От него невозможно скрыться. Он будет прямо у них в голове. И когда все будет кончено, никто ничего не вспомнит. И так год за годом.

- Но откуда же ты все это знаешь?! - воскликнул Ратан.

- Я сам видел. Дело в том, что на человека изрядно выпившего крепкого вина, голос Катрарка не действует. А выпил я тогда немало. Так и не найдя в себе смелости бросить вызов Катрарку, я напился и видел, как божество изнасиловало, а потом убило мою невесту.

- Но ты знаешь, как убить Катрарка?!

- Да. Но главная проблема не в том, как убить Катрарка, а в том, как вообще посметь его убить. Голос! Ты забыл о его голосе. Он подчинит тебя своей воле, и ты не посмеешь ничего сделать.

- Как же быть? Неужели мне тоже напиться вина?

- Нет. Это не подходит. Вряд ли пьяный ты будешь представлять угрозу божеству. Тебе необходима точность и быстрота.

- ...?

- Ты должен лишиться вот этого, - с этими словами отшельник протянул свою когтистую руку и указал на голову Ратана.

- Головы?!

- Да нет же, вот их!

И Отшельник ткнул в небольшие рожки, торчащие из висков юноши.

- Лишившись их, - продолжал Отшельник, - ты станешь изгоем. Не таким как все. Ты перестанешь слышать Мир. Слышать воду и камни. Это все равно, что лишиться глаз. Даже больше. Но тогда ты не услышишь и голос Катрарка. Ты согласен?

- Да...

- Хорошо.

Отшельник встал и исчез в своей хижине. Через минуту он вернулся, держа в руках довольной объемный бурдюк с какой-то жидкостью и зазубренный нож.

- На-ка, выпей вот это, - протянул он бурдюк Ратану. - Это облегчит твои страдания.

Два дня прошли как какой-то кошмарный сон. Целый день почти и всю ночь Ратан только то и делал, что собирал определенные раковины и приносил их Отшельнику. А тот варил из них особое масло. Масло это, по плану Отшельника, следовало вылить на воду в том месте, откуда появиться Катрарк. Присутствие масла чудовище не заметит и когда вылезет на остров, покроется пленкой этого самого масла. И тогда Ратану достаточно будет бросить в Катрарка факел. Масло легко воспламеняется и Катрарк сгорит в нем. Но для создания необходимого количества горючей жидкости необходимо огромное количество тех самых моллюсков, сбором которых и занимался Ратан.

А еще все эти дни юноша как будто жил в другом мире. После исчезновения рогов на него навалилась ТИШИНА. Он действительно перестал слышать этот Мир. Ходил как будто в тумане, где и видно только на шаг вперед и слышно с трудом.

И вот однажды, вернувшись к хижине с очередной порцией моллюсков, Ратан не обнаружил Отшельника. Зато обнаружил несколько бурдюков доверху заправленных маслом и аккуратно уложенных подальше от огня. Самого отшельника нигде не было видно.

Ратан прождал несколько часов. Отшельник появился уже глубокой ночью. Нетвердой походкой он подошел к костру и свалился на руки Ратану. Тот даже грешным делом подумал, а не напился ли Отшельник как тогда, много лет назад? Оказалось, нет. Присмотревшись, Ратан увидел, что тело Отшельника покрылось огромными красными язвами. Юноша хорошо знал, что это означает. Отшельник забрался в логово молодых змей Аших. Когда те вырастают до огромных размеров, то способны бросить вызов даже Катрарку. В юном же возрасте уязвимы, и потому ядовиты.

- Вот... - Отшельник протянул Ратану еще один, на этот раз небольшой, бурдюк.
- Держи.

- Что это?

- Это яд. Я собрал его у юных Аших.

- Но зачем?!

- А ты думал, что будет, если Катрарк не сгорит? Что ты будешь делать дальше?

- Не знаю...

- А я знаю. Там, за хижиной ты найдешь несколько копий длиной в пятнадцать локтей. Смажь их наконечники этим ядом. Ты знаешь, как длины щупальца Катрарка. У тебя будет не много шансов, но ты должен воткнуть хотя бы одно копьё туда, где в мягком теле чудовища расположен единственный глаз и пасть. Туда, откуда растут эти самые щупальца. Ты меня понял?

- Да!

Это было последнее слово, услышанное Отшельником в этом мире.

О том, что Катрарк приближается, Ратан понял по внезапно замершим фигурам жрецов, их опустевшим глазам и окаменевшим лицам. Что происходило с остальными жителями поселка, он не видел, но предполагал, что то же самое. Сам он ничего не почувствовал и внутренне отблагодарил отшельника. Все же не зря он, Ратан, лишился своих рогов.

Между тем, Катрарк долго не появлялся на поверхности. Но вот огромная темно-коричневая бесформенная туша обманчиво неуклюже выползла на берег, и двинулась к жертвенному камню.

Это был тот миг, которого так ждал Ратан. Он вернулся на свой остров еще ночью с помощью той же лодки дядюшки Кера, на которой уплыл отсюда. И никем не замеченный, ждал появления живого бога.

Ратан подождал, пока Катрарк прополз чуть дальше от воды и соответственно поближе к жертвенному камню. И хотя все его существо протестовало против приближения этого чудовища к его возлюбленной Арни, логика брала свое. Необходимо отрезать Катрарка от моря. В том же, что тот уже весь в масле, Ратан не сомневался.

Юноша действовал так быстро и решительно, что удивился сам. В тот момент, когда щупальца Катрарка уже тянулись к Арни, Ратан вышел на берег и занял позицию между морем и Катрарком. В руках он держал факел и длинные копья, смазанные ядом молодых Аших. В ту же секунду Ратан метнул факел, а когда Катрарк вспыхнул, ткнул того длинным копьем.

Надо сказать, что это было единственное копьё, достигшее цели. Загоревшись, Катрарк вскинул щупальца. Но погибать мгновенно чудище не собиралось. Следующее копьё угодило в основание одного из извивающихся щупалец. Еще одно Катрарк попросту выдернул из рук Ратана. И тут герою пришел бы конец. Но горящее масло и яд первого копья на удивление быстро сделали свое дело.

У ног Ратана дымилось огромное тело Катрарка. Стоящие недалеко жрецы начинали шевелиться, выходя из-под магического влияния Голоса. Их лица постепенно приобретали осмысленное выражение. В глаза возвращалась мысль. Но, как выяснилось, все это не сулило Ратану ничего хорошего.

Прежде всего, на него опять обрушился весь Мир со всем своим многообразием голосов. Ратан опять начал чувствовать его. И это уже забытое было чувство,

подтолкнуло его к мысли, что наличие или отсутствие рогов тут ни причем. Это просто старое поверье. И каждый может найти в себе силы и перестать подчиняться голосу Катрарка. Надо просто верить в себя. А небольшая хитрость Отшельника просто помогла Ратану сделать это.

Затем на юношу обрушился негодующий голос верховного жреца.

- Что ты наделал?! - кричал тот. - Зачем ты убил нашего повелителя и бога?

- Никакой это не бог. Это просто еще одно морское чудище, каких много в наших водах. Я просто убил его. Развяжите Арни. Она пойдет со мной.

- Безумец! Чего ты добился?! Ты убил Катрарка, но зачем? Он защищал нас от других подобных себе, требуя совсем небольшую плату - одну жизнь в год. Теперь больше погибнет, когда придет новый Катрарк. Он защищал нас от племен соседей. Теперь у них есть свой покровитель, а у нас нет. Что прикажешь нам делать?!

Ратан недоуменно смотрел на жреца и не знал, что тому ответить. По-своему тот был прав. Но неужели они настолько слабы, что им необходимо подчиниться воле животного, пусть даже и огромного? Неужели им не хватит силы самим постоять за себя? Постепенно недоумение стало перерастать в раздражение и злость. "Жалкие...- подумал Ратан. - Они не достойны свободной жизни. - Сейчас я заберу Арни, и мы уйдем искать тех, кто путешествует на черепахах Тарнах. Мы будем жить с ними. Наверняка это сильные и свободные люди".

- Арни идем со мной, - обратился Ратан к девушке.

И тут же увидел, что она тоже смотрит на него с ненавистью и осуждением. "Неужели ей хотелось стать жертвой Катрарка? - спросил у себя Ратан. И тут же ответил: - Да!"

Каким-то новым чутьем он уловил, что девушка была готова к совокуплению. И да, ей этого хотелось.

- Животные! - воскликнул Ратан. - Вы не достойны стать Йорнами в следующей жизни. Я ухожу.

Так кричал Ратан. Вернее, ему казалось, что он так кричал. Но соплеменники не слышали его криков, глядя на него пустыми, стеклянными глазами.

"Я ухожу на дно" - сказал себе Ратан.

И огромный буро-черный клубок щупалец исчез в воде.

Парк.

В одну и ту же реку нельзя войти дважды. Это правда. А жаль – ведь иногда так хочется. Я хотел бы еще раз поступить в институт. Еще раз впервые сдать экзамен, выпить с новыми друзьями прямо здесь, на лавочке в парке. В общем, еще раз

пройти все то, что называется студенческой жизнью. Со всеми ее радостями и горестями. А, может, дело не в институте? А в том, что я просто хочу снова стать молодым? Хотя какой же я старый – мне всего-то тридцать пять лет. И, если разобраться, все это было у меня всего пятнадцать лет назад или около того.

Жаль только, что за это время я так сильно изменился. По виду мне все пятьдесят. И сейчас, наблюдая за студентами, мне чертовски завидно. У них июнь, сессия. Девчонки ходят по парку в мини юбках. Почти все они по-своему хороши. Они дышат молодостью, они полны надежд, у них все впереди. И они не забивают голову страхами и сомнениями. У них нет за спиной груза прошлых лет. Это и есть счастье.

А я сижу в парке на лавочке и наблюдаю за всем этим. За всеми этими еще бледными и не успевшими загореть ножками, но все равно такими притягательными для меня. Как давно у меня не было женщины, год, два? И я завидую их ровесникам. Я тоже хотел бы как они, неспешно катить на одном из этих новомодных велосипедов между корпусами, заглядывая в глубокие декольте и отмечая глазами подтянутые попки.

У нас в городе хороший институт. Политехнический институт. Рядом с ним большой парк. Фактически, весь «Политех» – это большой парк. Весной и летом здесь отдыхает много молодежи. Днем они, в основном, пьют пиво. Это меня и спасает. Вчера, например, несколько ребят прямо в парке на пеньке что-то отмечали. Я подошел к ним и спросил разрешения взять пустые бутылочки. Они были уже навеселе. Оказывается, у них было не только пиво, но и водка. Они пили ее прямо из горлышка и, видимо не подумав, на радостях предложили и мне. Я согласился. Спросил, кто именинник, поздравил его и отпил, как и они, прямо из бутылки. Потом протянул ее следующему. Я видел, как изменились его глаза. Он что-то забормотал и, сославшись на то, что больше не хочет, передал ее другому. Дальше история повторилась. Конечно, им стало противно. И я их в этом не виню. Они хорошие ребята. А кто я? Просто парковый бомж. Я извинился и ушел, даже забыв забрать бутылки.

Так хорошо сидеть на лавочке. Здесь не жарко. Можно покурить так небрежно брошенный кем-то бычок, в котором еще столько табака.

- Ребята, можно взять пустую бутылочку, а?

Почувствуй себя Богом.

- Ну что, нормально? Не давит? – седовласый техник ослабилась, заглядывая в глаза Конраду.

Это была шутка. Пусть и плоская. Скафандр не мог давить в принципе. Все было тщательно продумано. Да и самих глаз Конрада уже не было видно – их скрыло защитное забрало. Титановый панцирь, несколько слоев металлокерамики и кевлара. Старый добрый военный скафандр: «кожа дракона». Правда без активной полевой защиты, но от механических повреждений и всякого рода излучений защищает надежно.

- По сравнению с местными гуманоидами ты можешь чувствовать себя просто богом, – не унимался техник.

- Угу, – Конрад промычал что-то лишь бы не показаться невежливым.

Техник сказал то, что сам Конрад, да и все обитатели станции, знали отлично. Планета Авалон была слабо развитой. Несколько видов гуманоидных рас, населявших ее, в лучшем случае находилось на уровне технического развития аналогичном земному средневековью. Облаченному в «кожу дракона» человеку, их копья и мечи не могли ничего сделать. Это, даже если не брать в расчет то, что и Конрад был вооружен. А этому аборигенам точно нечего было противопоставить.

Задание у Конрада было простое. Ему предстояло на легком скутере облететь несколько точек, где были расположены геологические зонды. Собрать пробы пород, доставить запчасти. Обычная рутинная работа. «Международная космическая компания» (или, попросту «Компания», как ее называли в народе) собиралась наложить лапу на местные полезные ископаемые. И никаких планов по завоеванию и порабощению. А зачем? Кому нужны, или кому могут помешать аборигены? А, ну да, нужны... Антропологам и биологам. Специалистам по инопланетным формам жизни. Кстати Авалон еще был удобен тем, что обладал стабильной, в геологическом смысле, поверхностью, а размер планеты и, следовательно, гравитация были почти аналогичны Земным. Даже атмосфера кислородная. Правда, на поверхности приходится ходить в скафандрах. Мало ли чего. Бактерии, вирусы – пока еще не до конца изучены. В общем, для начала Авалону предстояло стать рудником. А там будет видно.

Конрад сел в скутер и поднялся над станцией. «Интересно, почему техник сказал ему про бога? – размышлял он. – Просто так? Совпадение? Или о его невинных развлечениях догадываются на базе? Вообще-то могут и догадываться. Персонал то небольшой, все на виду. Хотя он аккуратен. Ну, а что если узнают? Чем это ему грозит? На самом деле ничем. Ну да, официально руководство не приветствует насилия над аборигенами. Тем более гуманоидами. Но реально на это закрывают глаза. И не только тут, на Авалоне. А и на многих планетах, входящих в сферу интересов Компании. Люди годами сидят на станциях. Развлекаются, как могут, чтобы не сойти с ума». На этой жизнерадостной ноте Конрад решил закончить думать. Надо было начинать работать.

У него тоже было свое маленькое развлечение. Хобби. И именно такое, о котором говорил этот зануда техник – чувствовать себя Богом. А вы когда-нибудь чувствовали, что такое безграничная власть над жизнью другого существа? Власть карать и миловать? Когда по мановению твоей руки может оборваться чья-то жизнь? Особенно разумная? Нет? А Конрад знал. Местные гуманоиды даже по макушку закованные в латы ничего не могли ему противопоставить. Так что поездка по точкам с зондами была для него всего лишь прикрытием. Хорошим предлогом.

Давно он не испытывал такого удовольствия. Обычная лесная дорога превратилась в место бойни. А он стоял посреди этого кошмара из разорванных на куски тел и прожженных кусков металла, некогда бывших доспехами.

Выследить добычу было довольно легко. Все же аборигены неплохо добывали и обрабатывали металл. На своем уровне конечно. Поэтому недостатка в железных изделиях они не испытывали. А его скутер был снабжен множеством поисковых систем. Так что отследить передвигающуюся колонну закованных в броню низкорослых человечков не составляло особого труда.

И вот он стоит на этой самой дороге, наслаждаясь делом своих рук, большого сознания и штурмового бластера. А из леса неожиданно выходит высокий светловолосый гуманоид. Смешной такой. Острые ушки торчат из-под волос. Блестящая кольчуга, состоящая из изящных колечек. Разве может она уберечь от бластера? Разве может причинить Конраду вред этот жалкий лук, который натянул абориген? Смешно. Скрытое под забралом скафандра лицо Конрада озарила счастливая улыбка. Он демонстративно раскинул руки и ждал выстрела.

Он не мог слышать, как Эльронд из рода бельрингских эльфов, прежде чем спустить стрелу, прошептал заклинание Феанора, придающее стреле с мифриловым наконечником силу молнии. Конрад не успел ничего понять. Грома не было. Стрела прямо в полете превратилась в молнию и ударила в скафандр. Конрад погиб мгновенно. Эльронд же спокойно подошел к телу и носком мягкого кожаного сапога брезгливо пнул обугленное тело несостоявшегося бога.

Самая лучшая броня.

Мама целует Мишу в лоб, последний раз поправляет одеяло, ласково шепчет «спокойной ночи». Свет гаснет, дверь в его комнату закрывается с легким скрипом. И тут начинается самое ужасное. Тени сгущаются в углах комнаты и постепенно тянут свои щупальца к нему. Кто-то скрипит под кроватью. Оживает злой дух, живущий в шкафу. В такое время есть только одна защита, одна надежда – одеяло. Самая лучшая броня. Накрыться с головой, подтянуть колени к груди и затаив дыхание слушать, как злые гоблины ищут тебя в темноте, как сам Демон Старого Комода не может пробить твою защиту.

Но сегодня что-то было не так. Миша чувствовал, что тени сами в ужасе прячутся по углам, а гоблины боятся высовывать свои уродливые морды наружу. В комнате был кто-то еще. Кто-то, кого раньше не было. Наконец Миша осмелился высунуть голову из-под одеяла и оглядеться. Он сразу увидел темную фигуру человека, сидящего на стуле напротив его кровати.

Однако, прежде чем Миша успел испугаться, гость сам обратился к нему.

- Не бойся Миша, я не причиню тебе вреда, – Судя по голосу, ночной гость был как минимум пожилым человеком. А то и стариком.

- Тебе нечего бояться, – Повторил тот, – Я пришел к тебе как друг.

- Ты... Вы кто? – спросил постепенно приходящий в себя Миша.

- Я – волшебник.

- Добрый или злой?

- Хм... Волшебник не может быть добрым или злым. Волшебник он просто волшебник, – ответил незнакомец, но тут же поправил себя, почувствовав испуг ребенка, - Ну, пусть для тебя я буду добрым. Да, я, скорее, добрый волшебник.

- А-а-а, - успокоился Миша, – А зачем вы ко мне пришли?

- Видишь ли, малыш, у меня к тебе деликатная просьба. Мне нужна твоя помощь.

- Чем же я могу помочь волшебнику? – удивился Миша.

- Можешь. У тебя есть одна вещь. Один артефакт, который нужен мне. Даже не мне, а одному хорошему человеку. Принцу.

Слова «артефакт» Миша не понял, но виду решил не подавать.

- А что это за... вещь? – спросил он.

- Понимаешь... это твое одеяло. Твое одеяло самая лучшая броня. Только оно может помочь принцу пройти все препятствия и убить злодея.

- А этот принц, он хороший?

- О да, - и Миша скорее почувствовал, чем увидел, что волшебник улыбнулся, - Принц хороший. Принц очень хороший. А злодей - злой. Так что, малыш, ты сможешь ему? Не злодею, а принцу.

- Да, - с готовностью согласился Миша. Хотя он и с трудом понимал, как теперь он будет прятаться от гоблинов, и кто защитит его от злых духов.

Пришедший герой не на шутку перепугал стража тролля. Каменный тролль даже выронил из рук огромный молот и совершенно по-детски зажмурил глаза. «Вот сейчас меня будут больно убивать» - пронеслось у него в голове. Но ничего не происходило, и тролль все же осмелился приоткрыть один глаз.

Станный герой завернулся в какой-то новый вид брони. Нет, это не был доспех из мифрила или шкуры дракона. Это даже не была шкура оборотня. Тролль не знал, как назвать «это». Нечто большое, нежно голубого цвета. Воин неуклюже кутался в нем и медленно, все время наступая на края этой штуки и спотыкаясь, двигался к нему, к троллю. Поскольку расправа над ним, каменным чурбаном откладывалась, тролль все же решил поднять молот и легонько ткнуть им в принца. В ответ на это из-под странной штуки раздался сдавленный крик. А еще страж услышал приглушенный хруст. Через секунду тролль с меланхоличным выражением морды, опустил молот еще раз. Потом еще...

«Н-да-а-а.. что-то пошло не так. Что-то не сработало», - размышлял волшебник, наблюдая за происходящим в карманный палантир и задумчиво лузгая семечки.

Седловина.

Я сплю и мне снится жесткий снег. Снег в горах - он такой, особенный. Не такой, как снег на равнине. На равнине снег может быть сухим. Знаете? Таким, из которого сколько не лепи, ничего не получится. Может быть мокрым, пушистым и даже желтым. Правда, в горах он тоже может быть желтым. Но в горах снег - это мелко крошеный лед, фирн.

И вот мне снится, что я иду по этому крошеву, тяжело переставляя ноги. «Х-р-р-р! Х-р-р-р!» - скрипят зубцы кошек. Хорошие кошки и ботинки – это очень важно в горах. У меня кошки простенькие, но надежные. С красными дужками. «Когти дракона» как я их ласково называю. Гора - не такая уж и крутая. Но все равно, когда идешь, такое ощущение, что перед тобой - белая стена. Это потому, что голова опущена, и крутить ей особо не хочется. А за спиной, наверное, прекрасный вид. Стоит обернуться, и перед тобой Кавказский хребет.

С каждым шагом становится все труднее дышать. Поначалу едва заметная боль в висках постепенно усиливается. Высота. И тут я увидел ее. Человеческая фигура прямо впереди меня. Кажется, лежит. Не видно ничего кроме контуров, заполненных какой-то особенной, неестественной темнотой. Такое ощущение, что кто-то вырезал материю ножницами по форме человеческого тела, и через этот вырез открывается окно в пустоту. Неожиданно силуэт совершает движение по направлению ко мне. И в этот момент я просыпаюсь.

В палатке душно. Да тут еще Дима надышал чесноком. Вы представляете, как это спать в палатке, когда сосед перед сном съедает одну, а то и две дольки чеснока? Он объяснил, что это очень полезно. Особенно здесь в горах. Наверно он прав. В отношении пищи с вегетарианцами спорить бесполезно. Он готовился, тщательно подбирая рацион и все такое. Ест сухофрукты, орешки, коренья какие-то. Не то, что я: каша гречневая, рис, тушенка.

А насчет головы мне не приснилось. Голова действительно болит. Я даже вроде бы привык к этому ощущению постоянного давления в висках. Теперь это фон моего существования. Мой напарник спит, а я вспоминаю тот вечер в пабе, когда мы обсуждали нашу будущую поездку.

За столом нас было трое. Дима много говорил. Собственно, как и всегда.

- Ты знаешь, - спрашивал он, - что такое отек мозга? А отек легких? Все это из-за недостаточного количества кислорода. Там, наверху. От этого можно умереть.

- Да, да, - рассеянно отвечал я.

А сам смотрел на нее. Ее длинные красивые пальцы держали очередную сигарету. Она курила одну за одной. И это - не тонкие женские сигареты. Она привыкла курить крепкие, «мужские». Что совершенно не вяжется с внешностью хрупкой девушки.

- Отсутствие кислорода может привести к галлюцинациям, - возбужденно продолжал Дима. – Я даже слышал забавную историю. Будто парень ночевал в

палатке. Один. И вот просыпается он и видит, что рядом с ним сидит какой-то дедушка. Присмотрелся, а дедушка-то - не сидит, а чуть-чуть парит в воздухе. Проговорили с ним всю ночь о природе вещей.

...Я смотрел, как она курит, а она не смотрела ни на кого из нас. Делала вид, что ей безразлично. Но по тому, как были сжаты ее губы, я видел, что она недовольна, и волнуется. Только когда Дима сказал про галлюцинации, скупно обронила:

- Теперь понятно, откуда берутся «Снежные люди» и «Черные альпинисты».

Это именно она некоторое время назад познакомила меня с Димой – своим новым парнем. А я предложил ехать на Кавказ. Предложил случайно, к слову. А он возьми и согласись.

Но вот на поверхность палатки падает луч солнца. Пора вставать. Я открываю молнию и высовываю наружу голову. Рассвет на Горе - это очень красиво. Как говорят в сказках: «красоты неопишуемой». Вот я уже вылез полностью и сладко потянувшись, восклицаю:

- Слава Богам! Тор! Тор!

Это я помянул скандинавскую мифологию. И тут же из палатки:

- Эй, не богохульствуй!

Это Дима. Оказывается, он уже проснулся. Я забыл сказать: Дима, кроме того, что он вегетарианец, еще и христианин. Я точно не понял какой – православный, греко-католик или даже мормон, но христианин, это точно. Не дает мне восхвалять истинных богов. А еще он не пьет. В смысле пьет, но только воду или зеленый чай. Тогда, в баре, он, кстати, его и пил.

Уже здесь, на горе, у нас как-то состоялся разговор на эту тему.

- Зачем пить алкоголь? – неожиданно спросил он.

Вопрос, с моей точки зрения, пришел ниоткуда. Я выпить не предлагал.

- Неужели не понятно, что это отупляет? – продолжил он. – Это превращает человека в скотину. А надо сосредоточиться на творчестве. На работе, в конце концов.

- И как, много наработал? – спрашиваю я.

- Достаточно. Ты, конечно, смотришь на меня как на забавного такого зверька. Вот думаешь, мол, выдумал я себе что-то. Правил каких-то. Мяса не есть. Не материться. И живу по ним. Да?

- А это не так? – отвечаю я.

Дима сам не матерился и очень выговаривал мне, если при нем ругался я.

- Так, - отвечает он. – Но на работе я все же кое-чего достиг. Ты бы знал, с какими людьми мне приходилось работать. Вот скажи, ты свое начальство любишь?

- В смысле? Чего его любить то? Я своих близких люблю.

- А я всегда любил свое начальство. По-человечески. И всегда за это мне воздавалось.

«Ну, - думаю я, - Ты фотограф, может у вас без этого нельзя». А сам молчу. Этот разговор начинает меня доставать.

- Вот скажи, какая у тебя цель? В чем для тебя счастье? Неужели напиться? – не понимает он.

«И чего это его пробило поговорить на возвышенные темы? – недоумеваю я».

- На сегодня моя главная цель – взойти на гору. Туда! – указываю рукой в сторону вершины. - Ради этого я сюда приехал, а отступить я не люблю. И хватит болтать. Давай лучше собираться.

А на следующий день мы уже были здесь, на этой высоте.

И вот я смотрю на Гору. Все-таки она (или он) великолепна. Двуглавый властелин. Наковальня Богов! Сколько неосторожных, недооценивших тебя лежит там, в трещинах ледника? А отсюда кажется, что до вершины рукой подать. Думаешь, вот пройти чуть-чуть, и готово!

В хорошую погоду, если присмотреться, можно увидеть вереницы маленьких черных точек. Как муравьи один за другим. Это альпинисты штурмуют Гору. Сначала пологий подъем, потом круче, потом планка траверса и, наконец, седловина. Говорят, седловина – это черта. Там труднее всего. И многие, дойдя до нее, поворачивают обратно.

В порядке акклиматизации, я решил совершить небольшое восхождение до следующей стоянки. Выше - только одиноко торчащая из ледника гряда скал. Некоторые ночуют и там. А потом прямо со скал начинают штурм. Но большинство, как мне кажется, начинают с этого места.

Так вот, вечером, уже через некоторое время после моего возвращения, меня накрыло. По словам Димы, я побледнел, и у меня тряслись губы. По моим собственным ощущениям, я временно превратился в растение. Слабость, головокружение, отсутствие аппетита. Это бывает. До сего момента мы с Димой были вроде как напарники. Логично было бы продолжать в том же духе. Несмотря на то, что общество Димы не доставляло мне особого удовольствия. Но так все же безопаснее, что ли. А на следующий день мы должны были взбираться дальше. Туда, куда я делал вылазку, чтобы заночевать там.

- Слушай Дима, - обратился к нему я. – А давай завтра передохнем. Горная болезнь - это не шутки. Куда нам торопиться-то? Времени у нас достаточно. Взойдем еще, никуда не денемся. А то видишь, у меня слабость. А на следующую стоянку пойдем послезавтра.

- Конечно, - согласился он. – Какой разговор? Отдыхай, не волнуйся.

Проснувшись на следующее утро и прислушавшись к своему самочувствию, я понял, что не все так плохо и кризис миновал. Хотя оставалась слабость, и двигаться особо не хотелось. Пожалуй, все же надо переждать денек. Чтобы наверняка. Но где же мой напарник? А его как раз не было. Хотя вещи лежали тут же.

Спустя какое-то время появился Дима. Был он возбужден и полон энергии, что очень контрастировало с моим состоянием.

- Собирайся быстрее, - сказал он. – Мы едем вверх.

- Подожди, подожди, - говорю я. – Не ты ли на днях говорил о человеколюбии? Я не начальник, но и меня можно немного пожалеть! Мы же вчера договорились.

- Ты что не слышал, что я сказал? Я же не сказал, что мы туда пойдем. Мы – едем! Я договорился о месте в ретраке. Сноубордисты сейчас поедут. Там есть два места и для нас. Ну что, едем? Ты как хочешь, а я еду.

Делать было нечего, и я побрел собирать вещи.

Ретрак – это такой горный трактор. Король-трактор. Если не ошибаюсь, он создан с использованием космических технологий и вроде бы является дальним родственником луноходов. По слухам, стоит около миллиона долларов. Здесь на нем возят лыжников вверх. Туда, куда не доходит канатка.

Мы ехали с шумной ватагой бравирующих бордеров. Но по мере того, как ретрак забирался все выше, их веселие становилось все более вялым. Глядя на попутчиков, я боялся, что мне тоже та же участь ожидает и меня. Вспомнилось, как я первый раз почувствовал высоту.

Это было на одной из станций канатки. Я, как ни в чем не бывало, выскочил из кабинки и бросился к примеченному мной месту, чтобы сделать очередную фотографию горного ландшафта. Пройдя быстрым шагом метров пятьдесят, я опустился на первый попавшийся камень. Опустился потому, что в моих легких не было кислорода.

Когда чудо-трактор остановился, сноубордисты выпали на снег и так и остались сидеть. А между тем погода ухудшалась. Когда мы выезжали, над одной из двух вершин, будто зацепившись, висело небольшое облако, формой напоминающее летающую тарелку. Безобидное на первый взгляд, это облако называется «линзовидным». Набирая силу, оно спускается все ниже и ниже, разрастаясь в диаметре. Оно несет с собой туман и снегопад. Если видите такое облако, надо

прекращать подъем и возвращаться. И вот первые снежинки уже опускались на мою куртку, а ведь еще надо было установить палатку.

- Мне что-то нехорошо, – это говорит Дима. К этому моменту он тоже вылез из ретрака и сидел на снегу рядом со своим рюкзаком. – У меня нет сил.

- Понятно, - сказал я и посмотрел вверх, туда, откуда надвигалась непогода.

Молча, взял вещи пошел ставить палатку.

Я позволил себе опуститься на камень только тогда, когда наше убежище было готово. Хорошо, что успел до начала бури. Теперь мы не промокнем. Подошел Дима.

- Извини, - сказал он, - Я соврал тебе. На самом деле мне не было плохо. Просто я подстраховался. На всякий случай. Все-таки резкий набор высоты. Спасибо что поставил палатку. Сейчас я кое-что подправлю.

С этими словами, он начал обкладывать тент камнями. Что было не лишним, и на что у меня уже не было сил.

На такой высоте даже поход за водой превращается в маленький подвиг. Чтобы набрать воды, надо пройти чуть выше по склону и наполнить бутылку из ручейка, вытекающего прямо из ледника. Сто метров туда, сто метров обратно, а отдышка, будто пробежал кросс. Утром я смотрел на Гору. Возле вершины застыли легкие беленькие перышки.

Такое изящество линий на самом деле говорит о том, что там, наверху, ураганный ветер. И белые перышки - это сдуваемый ветром снег. А тут, на стоянке, погода ясная и солнечная, хотя и прохладно.

В этот день мы все-таки разделились. Дима ушел ночевать на скалы, чтобы завтра штурмовать Гору оттуда. Я остался набираться сил. Решили идти по отдельности.

Тяжело переставляю ноги. «Х-р-р-р! Х-р-р-р!» - скрипят зубцы кошек. Хорошие кошки и ботинки – это очень важно в горах. Шажки маленькие, торопиться нельзя. Чтобы отвлечься от головной боли считаю: «один, два, три, четыре...»

Ночью, когда я вышел было очень холодно. Я никогда не думал, что может быть так холодно! Мороз проникал под куртку, надетую на дополнительную ветровку и два флисовых свитера. Под конец ночи начали замерзать пальцы ног. В какой-то момент я даже испугался, что могу их отморозить.

Ждал рассвета. И дождался. Когда выглянуло солнце, стало нестерпимо жарко. Усилилась головная боль. Дышать становилось все тяжелее, и я стал чаще останавливаться, чтобы передохнуть. Дышал при этом будто пробежал марафон. Но восстановить дыхание не получалось - разряженного воздуха не хватало. При подходе к седловине я уже был на пределе. Хотелось даже не умереть, а просто

остановиться, упасть в снег лицом и перестать быть. Или чтобы меня кто-то подобрал и спустил вниз. Но я не мог позволить себе роскоши потерять сознание.

И вот, уже почти дойдя до седловины, я увидел ее. Человеческая фигура прямо впереди меня. Кажется, лежит. Я подошел ближе и начал различать детали.

- Дима, ты?

- А-а-а-а – прохрипел он, - Это ты? Я тут это... Присел отдохнуть немного. Сейчас встану и пойду дальше. Вот только еще немного посижу, ладно?

- Вставай! Вставай, ну же! Дай руку!

Я с трудом поставил Диму на ноги и забросил его руку себе на шею.

- На вершину? – пробормотал он.

- Идем вниз.

- А как же цель?

- Вершина подождет. Она тут надолго.

Скамья в летнюю ночь.

Зеленая скамья стоит возле пешеходной дорожки прямо посередине большого двора, окруженного панельными домами. Нет, минуточку. Скамья – звучит как-то слишком сурово. Сразу вспоминается выражение: «скамья подсудимых». Пусть это будет не скамья, а скамейка. Обыкновенная окрашенная в грязно зеленый цвет (если вообще цвет может быть грязным) скамейка, каких много во дворах почти любого города постсоветского пространства. Уверен, вы понимаете о какой скамье, простите, скамейке, идет речь.

Сейчас ночь. Поэтому не очень видно, что скамейка зеленая. Правда не так далеко светит уличный фонарь, но истинный (грязный) цвет скамейки не видно. Но мы догадываемся, что она именно такая, как описано выше. Грязно зеленая скамья в летнюю ночь. Кстати, летняя ночь тоже стоит. Стоит над городом.

А на скамейке сидит мужчина того самого среднего возраста, которому приписывают одноименный кризис. Что он тут делает, пока не понятно. Наверно просто сидит, слушает трели цикад (или как там еще описывают летнюю ночь?), вдыхает теплый воздух, насыщенный пряными ароматами лета (как-то так). Рядом с мужчиной расположилась небольшая черная сумочка. Знаете, такие часто носят на своем плече офисные работники? Судя по всему, сумка принадлежит мужчине, иначе сложно было бы поверить, что на одной лавочке могут находиться мужчина и чужая офисная сумочка. Впрочем, в жизни бывает и не такое.

Тут в кармане мужчины звонит мобильный телефон. Он достает его и прикладывает к уху.

- Алло, - говорит мужчина. – Да. Нет. Скоро. Нет, я не курю, ты же знаешь, что я бросил. Нет, и пива не пью. Скоро, скоро буду. Не волнуйся, дорогая.

Трубка еще несколько раз что-то пропищала и затихла. Он спрятал ее обратно в карман. Потянулся к сумочке (теперь стало окончательно ясно, что это его собственность), достал оттуда пачку сигарет и бутылку пива. Закурил сигарету, с жадностью вдохнув горький дым, открыл пиво и сделал долгий глоток. Все-таки он был честным мужчиной.

А в тоже время чуть дальше в тени застыла чья-то фигура и внимательно наблюдала за ним.

Наконец мужчина допил пиво. Поставил пустую бутылку на землю возле скамейки. Достал пачку жевательных резинок и положил в рот две подушечки. Встал, и активно работая челюстями, направился к одному из домов, стоявшему по периметру двора.

В тот же мгновение фигура в тени шевельнулась, и сделала было движение по направлению к скамейке. Но слишком поздно. Место ушедшего мужчины занял взволнованный молодой человек. Он тоже как раз говорил по мобильному, только более эмоционально.

- Да! Нет! Я просто очень хочу тебя видеть! Неважно. Да, прямо сейчас! Я очень тебя прошу. Я уже здесь, рядом с твоим домом. Что?! Еще на работе? Почему?! Я все равно буду тебя ждать. Да, прямо здесь.

Но на скамейке юноша удержался не долго. Он вскочил, но двинулся не в сторону одной из многоэтажек, а по дорожке в том же направлении, откуда пришел. А, следовательно, в сторону ближайшей станции метрополитена.

Немая фигура в темноте опять пришла в движение, и уже было сделала шаг по направлению к скамейке, как ее, скамейку, снова заняли. Это были два парня, которые пришли по дороге с той стороны, куда только что бросился предыдущий оратор. А именно, от метро. Они уверенно держали в руках по бутылке пива и явно были навеселе (скорее всего, возвращаются с какой-то вечеринки). Они продолжали уже начатый разговор.

- Нет, ты видел, ты видел?! – восклицал первый собеседник.

- Видел, что? – спрашивал второй.

- Как она заигрывала со мной? Мне буквально приходилось уворачиваться.

- Да?

- Да. Но ты же меня знаешь. И хотя мне очень хотелось... Но я – нет!

- Почему?

- Из уважения к тебе! Ведь я знаю, что ты чувствовал бы.
- Спасибо. Ты настоящий друг.
- Но ты же видел?
- Да.
- Если бы ты знал, чего мне стоило сдержаться. Но я из уважения к тебе...
- Да. Спасибо.
- Но ты видел?! Эх, если бы не уважение к тебе...

В этот момент пиво в обеих бутылках синхронно закончилось, и собеседники с сожалением вздохнув, были вынуждены поставить их на землю, туда, где уже стояла бутылка, ранее принадлежавшая мужчине среднего возраста.

Видимо это и послужило сигналом и одновременно последней каплей для фигуры в тени. Она (или он) решительно двинулась по направлению к скамейке. И выйдя на освещённую дорожку, превратилась в фигуру не молодой и кое-как одетой женщины.

Скелет.

Очередной «круглый стол» был очень круглым, но очень скучным. А чего собственно вы хотели? Все эти презентации, конференции, «круглые» и не очень столы давно превратились для него в нечто единообразное и занудное. Говорили практически всегда одно и то же. Он с легкостью, до нюансов в голосе, предсказывал очередного докладчика. Какое в принципе неинтересное времяпровождение – все эти бизнес ритуалы.

Даже фуршеты уже не радовали. Все подмывало напиться до крика, брызг слюной и что-то отмотить. Но нельзя, Федор, надо держаться. За свое лицо. И он опять улыбался, жал руку, аплодировал. И на этот раз все было бы как всегда, если бы не...

Если бы не она.

Он заметил ее не сразу. Да и вряд ли бы обратил внимание, не упали ее папка на пол, и он, автоматически, как галантный кавалер, не поднял бы и не подал ее хозяйке. И тут, как в фильмах, их глаза встретились. В ее глазах он увидел удивление, сменившееся веселыми искорками. И, наконец, узнал. Она.

Как же давно они не виделись. Первый, второй курс? Он тогда еще ходил с длинным хаером, а кисти рук были увешаны цветастыми фенечками. И неизменная практически в любую погоду, любимая джинсовая куртка. Да, давненько. Поначалу, разговор не вязался. «Как ты?», «Как сама?» и все в таком духе. Но потом как-то разговорились. Так, что не заметили окончания этого самого «стола».

Ну, а потом был бар, рок-н-рол, много пива и самбуки. И вот они у нее дома в просторной квартире дореволюционной постройки. Она ушла на кухню что-то приготовить. А Федор уже довольно пьяный направился в поисках туалета. В длинном коридоре, пожалуй, можно было кататься на велосипеде. Но уборная не была обозначена явно. Отчаявшись, Федор потянул за ручку первой попавшейся двери.

Открыл и тут же закрыл. Это оказалось не дверь туалета, а дверца огромного, как небольшая комната, шкафа. Федор такие видел только по телевизору. Вернее, не успел до конца закрыть. Что-то привлекло его внимание так, что, невзирая на возможность попасть в глупое положение, Федор снова открыл дверцу и осторожно шагнул внутрь.

Как он и предполагал, здесь даже имелся свой собственный выключатель. И вот в свете лампочки, среди кучи каких-то коробок, старой обуви и другого хлама он увидел его. Скелет. На черепе еще сохранились многочисленные волосы. Он, скелет, даже был в одежде. Синяя джинсовая куртка с протертым карманом справа. Темные джинсы и даже фенечки возле кистей. Все было целым, хотя и изрядно не новым. «Неужели он так и сгнил в одежде?» - мелькнула первая мысль. А через секунду, присмотревшись... «Стоп! Что это? Эта куртка... Я ее уже где-то видел»

А еще через минуту он тихонько оделся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Снежный ангел.

Подъем на плато оказался довольно тяжелым. Еще издали глядя на него, я что-то такое предчувствовал. Идти пришлось практически прямо вверх. Никаких траверсов. Вся тропа была засыпана снегом. Только края с обеих сторон были отмечены черными камнями. Снег был старый и обманчиво твердый. Но на поверку выходило, что можно провалиться по колено, а то и по пояс. Один такой случай заставил меня не на шутку испугаться. Неожиданно для самого себя я вспомнил рассказы про провалившихся в присыпанные снегом ледяные трещины альпинистов и, хотя это были совсем не те горы, и здесь совсем не было тысячелетних ледников, эта фантазия подстегнула меня и заставила карабкаться куда быстрее. Таким образом, я почти догнал Аню, которая была значительно легче, в снег не проваливалась и таким образом вышла на плато первой.

Попробуйте представить себе момент, когда, не жалея сил ты, словно первооткрыватель, идешь в гору и, взобравшись, рассчитываешь увидеть перед собой гладкое, засыпанное снегом поле, по которому не ступала нога человека. По крайней мере, в этом году. И вы будете первыми! А тут нас ожидало разочарование. Прямо перед собой мы увидели явные следы пребывания человека. Наверно что-то похожее мог бы испытать Колумб, если бы приплыл в Новый Свет и застал там факторию португальцев.

Прямо перед нами на снегу был характерный рисунок так называемого «снежного ангела». Так часто поступают дети – они падают спиной в снег, а потом елозят туда-

сюда ногами и руками. Когда они встают, на снегу остается характерный отпечаток, похожий на крылья. Ну, думаю, вы знаете. Так было и сейчас. Складывалось впечатление, что кто-то с размаху плюхнулся в снег, а потом перебирал невообразимо длинными ручищами. Свидетелем нашего разочарования был только ворон, паривший над обрывом практически вровень с головами.

Через минуту мы заметили кое-какую странность. Дело в том, что следы человека вели только от узора на снегу. Будто кто-то начал свой путь от этого самого «ангела».

- А как он сюда попал? – задала вертевшийся на языке вопрос Аня. – По воздуху что ли?

- Может следы засыпало снегом? – ответил я.

- Не похоже. Тогда бы все засыпало. Да и видно, что снега давно не выпадало.

- Ну, не знаю. Да мало ли. Идем дальше.

Но тут выяснилась еще одна занимательная деталь. След, идущий от снежного ангела, был следом довольно больших, примерно сорок пятого – сорок шестого размера, и абсолютно босых ног. Аня весело хихикнула, а я только покрутил пальцем у виска: каких только оригиналов не встретишь в самом неожиданном месте. Закаляется он тут, понимаешь.

Но нам действительно следовало спешить. Пройдя немного по следу, мы свернули, чтобы взобраться на вершину, которая собственно и была целью нашего путешествия. Вершина эта как бы венчала плато. А след босых ног огибал ее и забирал чуть влево.

Покорив вершину, мы с Аней вернулись на плато и вновь наткнулись на те же следы. В этот раз нам было по пути. Владелец босых ног видимо тоже следовал по засыпанной сейчас снегом тропе, которая вела через все плато на другую его сторону. Туда, где возле обрыва должна была начинаться тропа на спуск.

То, что самой тропы не видно – не беда. Плато не было чем-то непроходимым. Оно состояло из небольших холмиков и торчащих то тут, то там из снега скал. Идти здесь было совершенно не сложно. И, фактически, мы двигались в единственно возможном направлении. Как, собственно, и хозяин следов. Правда, следы все больше петляли, будто их владелец искал что-то. Иногда выбирался на заснеженные холмы, когда в этом не было совершенно никакой необходимости и значительно более целесообразно было бы их обойти. Но для нас главная трудность была впереди. Важно было не только пересечь плато, но и найти засыпанную снегом тропу на спуск.

Наконец, когда солнце уже начало клониться к горизонту, плато было успешно преодолено, и след вывел нас на край обрыва. Где совершенно неожиданно прерывался. Никакой тропы не было видно. Босые ноги просто остановились на краю пропасти. И все. Не было видно, чтобы они повернули назад или пошли вдоль края.

- Может тропа начинается тут? – неуверенно спросила Аня.

- Да что-то не похоже, - ответил я, с опаской подступая к самому краю и заглядывая вниз, - Я не вижу следов по склону. Да и здесь слишком круто. Надо идти дальше.

И мы пошли. Тропа обнаружилась за следующей скалой. Ошибки быть не могло. Начало спуска было отмечено небольшой каменной пирамидой, явно созданной человеком.

- Что это у тебя? – спросил я Аню.

Я только что заметил, что за ободок Аниной шапки воткнуто иссиня черное, будто вороново, перо. Раньше у нее такого не было.

- Что? А, это... Это я возле обрыва подобрала. Там, где заканчивались следы, – ответила она.

Старье.

- А это что такое?

Я указал рукой на очередной понравившийся мне экспонат.

- Это такая палка специальная. Ну, вроде оружия, – старьевщик был рад мне.

Судя по всему, его лавка не пользовалась большой популярностью. Наверно он любил все эти предметы, многим из которых было по несколько тысяч лет.

– Если бросить ее оземь, - продолжал он, - она превращается в змею. А потом обратно. Но только при прикосновении хозяйской руки.

Я вежливо кивал.

Это же надо, до чего только не доходила фантазия у богов прошлого? Как говорится: «Голь на выдумку хитра». Но старьевщику я, понятное дело, этого не говорил. Время у меня еще было. И это время надо было как-то убить. Вот я и оказался в этой лавке. Приобретать я, конечно, ничего не собирался. Да и зачем мне этот хлам?

- А вот, вот, поглядите, молодой господин, – хозяин лавки продолжал, видимо ободренный моим показным любопытством. Или тем, что его, по крайней мере, слушают. – Вот, извольте посмотреть: «Молот Тора».

- Если кинуть, возвращается сам, – заговорщицки прошептал он мне на самое ухо.

«Тоже мне тайна!» - подумал я.

А он все не унимался:

- Из оружия еще могу предложить «лук Одиссея», а? Отдам недорого.

Я промолчал. Минуту я смотрел на какой-то веночек из колючек. Многие из которых были в какой-то красной жидкости. Что удивительно, свежей. Такое ощущение, будто только что покрасили.

Мне уже надо было идти. Я вежливо попрощался и вышел из лавки. За спиной услышал тихое недовольное бурчание старьевщика: молодежь, мол, не та нынче, уткнулись в свои железки. И все в таком духе. «Да, старик, не та – мысленно парировал я. – Ни к чему нам сейчас за мечи хвататься и молнии рассылать направо и налево».

Когда я присел на лавочку, до нужного времени оставалось всего несколько минут. Как раз должно было хватить на то, чтобы открыть «ноут» и загрузить консоль. Не теряя времени, я так и сделал. В правом блоке были видны курсы основных валют, индексы ведущих бирж, цена за баррель. Проверил канал связи – все нормально. В центральном блоке я выбрал карту Ирака. «Копья и стрелы? – подумал я со злорадством. – Мечи и молнии? Смешно! Вот он мой главный артефакт»

Несколько движений курсора и очередной террорист-смертник уже едет на грузовике под завязку набитом взрывчаткой.

Страна слепых собак.

Так получилось, что в тот день нам обоим необходимо было покинуть дом. Я, как всегда, отправился на работу. У Ленки тоже обнаружились какие-то срочные дела. Бывает. Возник извечный для молодых родителей вопрос: «На кого оставить свое чадо?». Мои родители на даче. Ленкины, вообще в другом городе. Что делать?

Как это зачастую бывает, решение было найдено быстро, но не самым удачным образом. Жена предложила покараулить Михаила нашей соседке снизу Валентине Григорьевне. «Старой сучке» как ласково называл ее я. Но выхода другого не было. И скрепя сердце, я закрыл глаза на то, что Валентина будет целый день влиять на неокрепший разум нашего детеныша, хозяйничать на нашей кухне, сидеть на моем диване и пердеть на моем унитазе. C'est La Vie. И почему жена прониклась к ней таким доверием?

Зайдя к нам, Валентина почему-то решила избежать непосредственного общения со мной. Или, по крайней мере, свести его к минимуму. Поэтому она сразу удалилась в комнату, где Лена начала инструктировать ее на предмет поведения в случае ее, Валентины, внезапного возгорания, поражения шаровой молнией, отвратительного поведения Михаила и других неблагоприятных происшествий. Я же смог спокойно позавтракать и беспрепятственно выйти в коридор, дабы одеться и отправиться на работу. Здесь то и наткнулся на меня Арчи.

Арчи - это наш пес. Лет двенадцать назад он был вполне жизнерадостным щенком ризеншнауцера. Черным, в меру лохматым и очень добрым. Но это было давно. Арчи постарел. Стал хуже видеть. А потом и вовсе ослеп. Что не мешало ему вполне сносно ориентироваться, полагаясь на слух, чутье, доскональное знание квартиры и еще на черт знает какие собачьи чувства. Никаких особых неудобств его слепота не приносила. Мы даже выпускали его самостоятельно гулять во двор, откуда он всегда с успехом возвращался. Дворик то у нас маленький. Видимо и его Арчи изучил досконально. А псом он, по-прежнему, остался добрым. И, конечно, мы все его очень любили. В том числе и Миша.

Ладонью я отодвинул морду Арчи от своей ноги и легонько подтолкнув, направил его на кухню в сторону миски с едой. Затем оделся и вышел. Оказавшись на улице, я испытал облегчение, какое можешь испытывать, только покидая родной дом. «Ну, все, - сказал сам себе. – Теперь настраиваемся на режим «работа»». И тут наши глаза встретились. Нет, не мои и прекрасной незнакомки. А мои и огромного, размером с небольшого льва, кавказца. Собаки, естественно.

И хотя пес находился довольно далеко от меня, во взгляде его чувствовался недобрый интерес. Я уже встречал эту собаку. Кавказец, вместе со своими хозяевами, жил в противоположном доме. Обычно его выгуливала очень крупная женщина. «Чемпионка по толканию ядра», как ласково называл ее я. Но, несмотря на внушительные габариты, было отчетливо понятно, что даже она не удержит этого пса. Тем более, что характер у того был скверный. Он никогда не лаял на людей. Просто внимательно смотрел им в глаза, а потом бросался. Тихо и без всякого предупреждения. Так однажды произошло со мной. Когда я первый раз проходил мимо этой пары и не ожидал ничего особенного, собака-лев бросился на меня. Спасло то, что я инстинктивно отпрыгнул метра на три. Как? Для меня это загадка. Но это было. И с тех пор я избегаю встречаться с этим песиком. И без зазрения совести обхожу его как можно более дальними путями. Вот и сейчас, увидев его прямо по курсу, я попросту перешел на другую сторону дороги. Думаете это трусость? Думайте, что хотите.

Вечером, вернувшись домой, я увидел следующую картину. Жена чуть не плачет, Валентина виновато смотрит в пол. Михаил суров и по-мужски сдержан, но чувствуется, что тоже на грани срыва.

- Что случилось? – спрашиваю я.

- Идем, я тебе все объясню, - с этими словами Лена берет меня за руку и уводит на кухню.

- Понимаешь, - объясняет она, - Валентина Григорьевна выпустила Арчи на улицу погулять...

- Ну, и что?

- Арчи до сих пор не вернулся.

- А давно выпустила?

- Еще утром. Говорит, мол, вы же всегда так делаете - вот и я выпустила.

- Ясно, - не выдерживаю я. – Все в жизни не просто так. Одно дело мы – другое эта ведьма. Уверен, что она подсознательно именно этого и хотела.

- Ну, перестань. Что теперь-то делать? Возможно, Арчи сбила машина. Или произошло еще что-то. Да бог знает, что. Надо как-то объяснить Мише, что Арчи больше не придет.

- Надо.

- Вот и объясни, пожалуйста. Вы же у меня оба суровые мужчины.

Лена улыбается. Пытается шуткой скрыть неловкость ситуации. Но я и сам понимаю – объяснить малому надо.

- Вы хоть его искали? – пытаюсь оттянуть беседу.

Цепляюсь за любой шанс, но уже понимаю, что беседы не избежать.

- Искали, искали. Я, как только вернулась, весь район обошла. Звала его. Все бесполезно.

- Ладно, зови Мишу, – говорю я.

А сам думаю: «Что же ему сказать?». Правду? Не уверен. Не знаю. Не хочется. Тем временем Лена привела Михаила. Я усадил его на колени и говорю:

- Знаешь, я должен сказать тебе одну вещь. Но ты должен воспринять ее спокойно. Хорошо? Ты ведь мужчина?

Молча кивает.

- Понимаешь, Арчи больше не придет.

- Почему?

- Ты ведь знаешь, что последнее время он стал совсем плохо видеть? Вот он и решил, что не хочет никому мешать.

- Он нам не мешал.

- Ну, мы это знали. Но он гордый и обузой быть не хотел. И потому отправился в специальное место: «Страну слепых собак».

- А ему там будет хорошо?

- Да, конечно! Это место именно для таких собак, как Арчи.

Уследить за детьми бывает тяжело. Особенно когда они подрастают и могут передвигаться самостоятельно, а не в коляске. Ну, а про то, что будет, когда Миша вырастет и пересядет на велосипед, я стараюсь не думать. Вот и сейчас, вроде бы еще секунду назад я держал Михаила за руку. Но стоило отпустить, отвлечься, на мгновение наклониться к окошечку киоска, как – бац! Оглядываешься, а его нигде нет. Сразу подкатывает мерзкая паника. И голос жены в голове: «Иди! Ищи, где хочешь, но без ребенка не возвращайся!». Как мать в детстве, когда что-то потеряешь во дворе.

Но шутки в сторону! Миша действительно куда-то запропастился. Я делаю три шага и, к своему облегчению, вижу Михаила. Сердце радостно подпрыгивает в груди, но тут же тревожно замирает. На расстоянии пары шагов от ребенка стоит огромный кавказец-волкодав. Тот самый. Но что это с собакой? Пес не похож на самого себя. Он мог бы в секунду разорвать Мишу на части. Но вместо этого топчется на месте, поджав хвост. Испуганно смотрит на моего малого. А затем поспешно ретируется. Что это? Неужели собака испугалась ребенка? Но мне некогда рассуждать на эту тему. Я хватаю Михаила за руку и увожу прочь, даже не выписав необходимый в таких случаях шлепок по мягкому месту.

- Папа, а из страны слепых собак возвращаются? – неожиданно спрашивает он.

- Нет, а что?

- А вот Арчи вернулся и защитил меня от злой собаки.

- Этого не может быть. Арчи умер, - говорю я и тут же останавливаю себя.

Ведь я сам придумал эту легенду.

- Нет, папа, - говорит Миша, - Арчи не умер. Он в стране слепых собак.

Тестовое задание.

Офис сразу показался Ренату каким-то лоховским. Расположен где-то в пригороде, отдельно стоящее неприметное здание, скорее напоминающее бункер. Такой современный евро-бункер. Аккуратненький и ухоженный. Наверно так мог бы выглядеть командный пункт какого-нибудь командира вермахта, если бы этот самый вермахт дожил бы до эпохи всеобщей политкорректности. Но такие тонкие ассоциации, конечно, не приходили в голову молодому человеку. Ясно было одно – это не исторический центр и даже никакой не офисный. Да и вообще не центр.

Внутреннее убранство еще больше убедило Рената в том, что он зря тратит свое время. Все было как-то слишком лаконично. Минимализм. Но опять же такие слова не пришли ему в голову. «Бедненько», - так подумал он.

Охраны нигде не было видно. Совсем не длинноногая и не блондинка провела его в кабинет того самого руководителя, с которым ему предстояло встретиться. «Лощара», - четко охарактеризовал его Ренат, как только сделал шаг в открытую дверь кабинета.

И, хотя этот самый кабинет был довольно большим, обставлен он был точно также убого, как и все виденное им ранее пространство этого, с позволения сказать, офиса. В понимании Рената офис уважаемого бизнесмена должен быть обставлен богато. Богато – это значит, что мебель должна быть из дорогих пород дерева. Такой темно бордовой и блестеть. Еще она должна быть украшена золотыми вензелями в стиле барокко. Кресла и стулья должны быть обиты кожей или чем-то красным, вроде бархата. В кабинете могут висеть картины в массивных рамах с вензелями. Все то же барокко. А на столе - ручки с золотыми перьями, которыми, в лучшем случае, ставят только подписи. Сам же уважаемый бизнесмен должен быть не молод, в теле, обернут в дорогой костюм и украшен массивными печатками.

То, что увидел парень, было прямой противоположностью всего вышеизложенного. Про мебель мы уже сказали – ее практически не было. На столе кроме очень тонкого ноутбука не было ничего. На стенах висели огромные картины, что-то вроде гравюр. Но все какая-то ерунда, как показалось Ренату: человек в круге с четырьмя руками и четырьмя ногами, какой-то треугольник с глазом, а также змея, кусающая сама себя за хвост. И каждая из этих картин во всю стену. В завершении всего – сам бизнесмен.

Сначала Ренат даже не понял, что это он. Молодой человек подумал, что это очередной секретарь. В общем, кто-то из прислуги. Бизнесмен этот, на первый взгляд, показался Ренату немногим старше его самого. Это потом он разглядел, что это все-таки не совсем так. Виной всему было отсутствие брюшка и пиджака. На нем были обыкновенные джинсы и футболка, на которой был изображен тираннозавр – большая голова с раскрытой зубастой пастью и маленькими передними лапками. На голову и лапки указывали две стрелки, тянущиеся от надписи: «Работать нужно не руками, а головой!». От слова «руками» стрелка тянулась к лапам монстра, а от слова «головой» к зубастой пасти, соответственно.

«Ишак!», - мелькнуло в голове у Рената. В довершении картины хозяин кабинета вышел из-за стола и, дружелюбно улыбаясь, пожал Ренату руку.

- Меня зовут Олег Иванович, - представился он. – Или просто – Олег.

Конечно, все эти слова про барокко и тираннозавра не были оформлены в голове у Рената именно так, как тут было описано. Оно могло бы быть так, будь молодой человек чуть более образован. Ну не знаю, пусть бы он лучше учился в школе! Нет, Ренат не думал именно так. За исключением слов про ишака и лошару – это все приведено дословно. Зато Ренат уже в школе был чемпионом страны по вольной борьбе.

Тут надо сказать пару слов про нашего чемпиона и про то, зачем он очутился в такой необычной для себя обстановке. Конечно, он был уже не так молод, как в те времена, когда выигрывал соревнования. Собственно, ему уже было под тридцать. И с большим спортом Ренат давно завязал. Зато ему открылись новые перспективы охранного бизнеса. И теперь парень был достаточно известен в некоторых кругах.

Он начинал с отжима бабла у недаленовидных посетителей ночных супермаркетов, желающих нашару поживиться вкусными чипсами с паприкой.

Затем последовали рейдерские захваты полуправильных автостоянок. А дальше Ренат рванул в большую политику, участвуя в организации охраны митингов одной известной партии. В том числе и работая провокатором и усмирителем несогласных.

Но все это он, конечно, делал не один. У Рената открылись недюжинные организаторские способности. Оказалось, что он может довольно успешно сколачивать группы из таких же бывших спортсменов, как и сам. Причем сколачивать – не фигура речи. Иногда приходилось действовать жестко. Ведь тут как в волчьей стае – надо уметь показывать зубы подчиненным.

Но Ренат не хотел останавливаться на достигнутом – он жаждал большего. И вот знакомый тренер по дзюдо подкинул ему новое направление в развитии бизнеса. С его слов выходило, что некий бизнесмен недавно сколотил состояние и теперь набирает надежных парней в собственную охранную структуру. И этому дельцу нужен человек, который сможет организовать всю эту структуру. Со всеми вытекающими. Мол, не просто охрана офиса, но и всякие деликатные задания. Слежка, прессинг, расследования.

- Ну, сам понимаешь, - закончил дзюдоист. – Тебе будет, где заработать.

Ренат ухватился и вот теперь он тут.

- Я просматриваю ваши рекомендации, - прокомментировал свои действия бизнесмен.

Теперь, когда они оба сели за стол, он уткнулся в монитор ноутбука. Естественно, Ренат находился с другой стороны стола и не мог видеть то, что так внимательно изучал его собеседник.

- Ага, - лаконично ответил он.

А сам подумал: «Какие еще рекомендации? Может тот самый тренер что-то рассказал про меня?».

- Я вижу, что у вас, Ренат, есть достаточно большой опыт работы, - наконец оторвался от монитора его собеседник. – Не буду сейчас вам рассказывать нюансы будущей работы. Я думаю, вы лучше меня понимаете задачи, стоящие перед персоналом охранной структуры?

- Угу, - согласился Ренат.

- Скажу сразу: последнее время дела моей фирмы идут хорошо, и я задумался о создании собственной службы безопасности, - продолжал Олег. – Но в этом деле я полный профан. Я знаю только задачи, которые хотел бы возложить на свою службу безопасности, но не совсем хорошо представляю, как их достигнуть. Для этого мне и нужны такие люди, как вы. Не обязательно, что именно вы станете начальником всей службы моей личной безопасности. Но, вполне возможно, чем-то вроде офицера. Или даже начальником отдельного подразделения. Но прежде, чем это произойдет, вам необходимо выполнить тестовое задание.

- Какое? – оживился Ренат.

- Может быть немного необычное и даже где-то деликатное..., - замялся бизнесмен.

- Понимаете, Ренат, - продолжил он. – Когда я учился в школе, то был довольно слабым, а главное, нерешительным. Меня, скажем так, доставал один парень.

- Понимаю, - ухмыльнулся Ренат так, как будто он полностью понимает и поддерживает в этом деле того неизвестного ему парня.

- Так вот, я бы хотел, чтобы вы нашли этого человека. Мой секретарь выдаст вам всю информацию о школе, в которой я учился, и о том, что я помню об этом человеке. Это немного, так как я даже фамилию помню смутно. Ваша задача найти его и показать мне фото объекта. Чтобы я убедился, что это он.

- А потом?

- А потом я захочу, чтобы он пожалел о содеянном.

На какую-то долю секунды голос Олега изменился. В нем прорезался металл. Но только на мгновение. Затем голос бизнесмена снова стал спокойным и жизнерадостным.

- Конечно, Ваши усилия будут оплачены. Секретарь выдаст вам десять тысяч условных единиц. Срок – пять дней. В течении этого времени нужно отчитаться. Вы беретесь?

- Да, - коротко кивнул бывший чемпион.

И уже выходя от секретаря с деньгами в кармане, с благодарностью вспомнил Олега: «Терпила!». Конечно Ренат и не собирался выполнять это задание. Десять тысяч! Что этот лошара сможет ему сделать? Если бы он был серьезным дельцом... А, так... Короче, день удался.

А через шесть дней в этом же офисе можно было наблюдать аналогичную сцену. Только место Рената занял какой-то другой исполнитель. И вид у него был довольно пугающим с точки зрения обычного обывателя. Вареники борцовских ушей и плоский сломанный нос. При этом озорные и любознательные живые глаза, как у ребенка. Опасного ребенка.

- Так вот... Тестовое задание, - продолжил Олег Иванович. – Необходимо найти и наказать одного парня. Он, скажем так, проходил у нас собеседование и не отчитался о порученном ему деле и выданной сумме. Возьметесь?

- Да, - улыбнулся человек.

- Всю информацию получите у секретаря, - пожал ему руку бизнесмен.

Торговец мечтой.

Жизнь без мечты, это как очень красивая женщина, но без изюминки. Вот смотришь – вроде бы все в ней хорошо. И личико миловидное и фигура хороша, а что-то не так. Чего-то не хватает. И наоборот, бывает не все в девушке идеально, но есть в ней что-то такое, отчего мужчины так и вьются вокруг. Ну, точно мухи вокруг... кхм... Ладно. Правда еще бывают некрасивые женщины, да еще и без изюминок. И жизни такие же. Но это сейчас не важно.

Не важно, потому что, какая бы она, жизнь, не была – хорошая или плохая, без мечты образуется вакуум. Пустота. И летят потом в эту пустоту сигареты, наркотики, женщины, бутылки с дорогим, и не очень, алкоголем. Да мало ли что еще! Но пустоту ничто не может заполнить.

Он проснулся утром, как обычно. В своем огромном дорогом обставленном доме. В привычной кровати и с тем самым привычным чувством пустоты. Сапожник без сапог. Глава крупнейшей корпорации по торговле мечтами, у которого нет мечты. Он ее продал. Вернее, не совсем он, а его родители. Такое было время – тяжелое.

Все произошло очень буднично. Он отлично помнил тот день. Мама ведет его за руку по гулким коридорам какого-то огромного здания, а ее, в свою очередь, ведет какой-то незнакомый ему мужчина. Пункт их назначения – одна из комнат, где ему на голову надевают какой-то шлем, просят посидеть спокойно. Легкое гудение, щелчок и все... Ничего вроде бы не произошло. А мечты уже нет. Была - и нет ее вовсе. Зато теперь есть что кушать. А мечта была особенная – не чета другим.

В то время уже существовало множество компаний по торговле мечтами. В одну из таких и привела его мать. Чтобы продать что-то неосязаемое, нематериальное, что и так могло не сбыться, и прокормить семью. Наверно у самой уже не было что продавать. Тут надо заметить, что в основном использовались детские мечты. Почему – не понятно.

С помощью специального аппарата забирают «материал», чтобы впоследствии перекачать его покупателю. Обычный бизнес: если что-то надо продать, это надо где-то взять.

А уже значительно позже, став главой собственной корпорации по торговле мечтами, захватившей огромную долю рынка и подмявшей большую часть маленьких компаний, он искал ее. Искал свою мечту. Вернее, такую же. Специальная служба следила за новыми поступлениями. Отчеты поступали каждое утро, но нет. Все мимо. Такой мечты, какая была у него в детстве, больше не было ни у кого. По крайней мере среди тех, кто выставлял их на продажу.

После необходимого утреннего моциона Торговец мечтами сел за компьютер. Пробежал глазами очередной отчет. Его мечты среди новых поступлений, конечно, не было. Открыл новостной сайт. В глаза сразу бросилась реклама сигарет Richmond. Пробежал по заголовкам. Один привлек его внимание: «Земля будет экспортировать мечты». Статья повествовала о том, что с ближайшими разумными соседями, планетой Альмах, было заключено торговое соглашение о поставках

земных мечтаний. А взамен - импорт альмахских снов. Бизнесмену была вдвойне интересна эта статья – ему хотелось знать, что пишут о его сделке? Впрочем, текст не содержал ни обвинений, ни сколько-нибудь значимых комментариев. Скупая и скучная деловая сводка.

А пустота давила. Не давала покоя. Затягивала в себя. Надо было что-то срочно предпринять. Все равно что. Выпить, заняться спортом или куда-то бежать, ехать, все равно куда. Он выбрал последнее. И вот город крутит его в своих сумасшедших объятьях суеты. Он движется как во сне. И тут... стоп кадр... Все замирает, а он сидит один на детской качели и чуть-чуть отталкивается от земли ногой, обутой в дорогую лакированную туфлю. Сколько времени он так... словно маятник? Откуда в суперсовременном мегаполисе такое архаичное средство проведения детского досуга? Сейчас дети играют с помощью разнообразных гаджетов, а если и используют карусели, то полностью автоматизированные, с дополнительными системами безопасности.

- Дяденька, что с вами? Вам плохо?

Кто здесь?! А-а-а... Это всего лишь какой-то ребенок. Торговец перестал раскачиваться. Перед ним стоял мальчик лет пяти и участливо заглядывал ему в глаза.

- Скажи малыш, - и он наклонил лицо к своему неожиданному собеседнику. – А у тебя есть мечта?

Через пол часа они стояли втроем перед входом в один из его центров. Такие заведения были предназначены для «абсорбции материала». Иными словами, одно из тех мест, где можно продать мечту. Он и маленький мальчик со своей мамой. Торговец пообещал женщине баснословную сумму за мечту ее малыша. Это была несомненная удача, и упускать ее нельзя. Ее семья, судя по всему, нуждалась в деньгах. Сие было видно по одежде женщины. Кого она ему напоминает? А-а-а-а... пустое! Сейчас это совершенно не важно.

И тут, как выстрел! Что это? Холодное жало внутри тебя: страх, сомнение, совесть? Странно, он так долго ждал этого мгновения, а тут заколебался. Имеет ли он право лишать ребенка мечты? Торговец все еще размышляет, а они продолжают идти по гулким коридорам центра абсорбции.

- Ну, как вам триальная версия настоящего альмахского сна?

Говоривший был обыкновенным человеком, а никаким не инопланетянином в оболочке аборигена. Просто он представлял интересы неземной стороны. Стороны поставщиков снов.

- Ничего, так... действительно, что называется, мечты сбываются во сне, – ответил торговец. – А что это там было с сигаретами Richmond? Неужели реклама?

- Да, да, вы совершенно правы. Это реклама. Версия то триальная. Кстати, реклама во время сна - это еще один повод подумать о дополнительном заработке, не так ли?

- Возможно... Тогда и вам в свою очередь стоит подумать о том, как рекламировать товары в мечтах, а? Представляете – мечта покурить Richmond? Такие мечты надо раздавать бесплатно.

И оба человека засмеялись.

- Кстати... - вернулся к разговору представитель инопланетян, – вы знаете одну немаловажную особенность альмахских снов?

- Я весь во внимании.

- Дело в том, что это не просто сны, где сбываются мечты, и где вы можете творить практически все, что захотите. Альмахские сны могут влиять на реальность. Причинно следственные связи и все такое... Признаться, я догадываюсь зачем им наши мечты. Наши мечты плюс их сны. Так можно... Да, все что хочешь можно.

- Вот как?

- Да, да... На Альмахе некоторые разновидности снов используют как оружие. Например, вам снится, что враг умер. Просыпаетесь, и оказывается, что он действительно умер... прошлой ночью.

- Хм...

Торговец опустил глаза и внезапно вспомнил пустой гулкий коридор и такое знакомое женское лицо.

Туда, где живут Люди.

Кевин поднялся сразу, едва первый луч зари окрасил край неба в розовый свет. Честно говоря, он так волновался, что всю ночь не мог сомкнуть глаз. И, чтобы не собираться утром, вчера вечером он ложился спать, не снимая одежды. Стараясь не шуметь, Кевин откинул край одеяла и встал. Закинул за спину уже готовый вещевой мешок, ночью служивший подушкой, и взял в руки арбалет. Потом подумал и прихватил второй. Лион наверняка свой не возьмет. Надо будет все-таки заставить его пользоваться оружием. Ишь, принципиальный выискался.

Кевин осторожно вышел из-под навеса, и, крадучись, направился прочь из поселка. Проходя мимо навеса, где жила семья Маришки, он обернулся в необъяснимой надежде увидеть что-то в кромешной темноте. На что он надеялся? Что она что-то почувствует и выглянет, чтобы хотя бы взглядом проводить его в долгий и опасный путь? Естественно, ничего подобного Кевин не увидел и, тихонько вздохнув, продолжил движение.

Если он не успеет, если их авантюра, их с Лионом миссия закончится провалом, а так, скорее всего и будет, Маришка, как и большинство девушек до нее, станет новой женой старины Роя. Вождя Роя.

До чего дошло! Рой вместе со своими прихвостнями уже заправлял всем в деревне. Началось с того, что громила Роя, бывшего выше любого мужчины в деревне как минимум на голову, избрали вождем. Уж, какими посулами или угрозами он этого добился, теперь неважно. Только вскоре после своего избрания он объявил всеобщий сбор продуктов. Якобы для справедливого их распределения. А на деле теперь Рой решал, кому есть, а кому голодать. Очень быстро стало выгодно ходить у него в друзьях. Именно на эту «рать» опирался он, когда ввел новую традицию. Теперь все девушки, достигшие совершеннолетия, становились его женами. А уже когда они надоедали ему, Рой отдавал их своим сторонникам.

«Так бы и вlepил ему стрелу в лоб,» - скрипел зубами Кевин. Да только не решался. Преступная дрожь в коленках. Вон их сколько! Ну, убьет он Роя? И что дальше? А потом его самого прикончат за убийство вождя. Но сейчас не время для грустных мыслей. Сейчас много других забот. Нужно идти дальше. Туда, где возле огромного валуна у Дороги, назначена встреча с Лионом.

К условленному месту Кевин прибыл первым. Но уже через несколько минут послышался звук приближающихся шагов, и в неярком утреннем свете из кустов появилась хрупкая фигура, без всякого сомнения принадлежащая Лиону. Друзья обнялись, и Лион, заметив второй арбалет, кивнул в его сторону:

- Это еще зачем? Ты же знаешь, я этим пользоваться не хочу и не умею.

- Да ладно тебе, - отмахнулся Кевин, - мало ли. В дороге приходится.

Тут, пожалуй, надо сказать пару слов о Лионе. В сравнении с широкоплечим крепышом Кевином, отличающимся довольно мужественным, если не сказать, массивным подбородком и небольшим, но вполне заметным костяным гребнем, выступающем на его макушке, Лион был слабым и болезненным. Его несколько увеличенные острые уши торчали в разные стороны, придавая его худой фигуре комический вид. Лион придерживался заветов своего отца, известного в деревне чудака, и, как многие считали, колдуна. Он никогда не ел мяса и не притрагивался к оружию. Отец же Лиона был настоящей знаменитостью. Грег кроме того, что не ел мяса, и, насколько известно, не убил ни одного животного, делал еще много необычных вещей. Например, он приручил небольших рогатых животных, на которых раньше только охотились. Их молоко он использовал в пищу. Мастерил необычные инструменты, с помощью которых издавал мелодичные звуки. И даже мылся почти каждый день. А однажды Грег принес домой из лесу небольшого щенка дикой собаки. Выходил его. И через некоторое время щенок превратился в огромного сторожевого пса. Этот пес и послужил косвенной причиной смерти Грега.

Однажды собака насмерть загрызла хитрого Боба. И, несмотря на то, что Боб был известным всей деревне воришкой, да и смерть свою он нашел прямо на пороге Греговской хижины, тем не менее, это послужило формальным поводом, для того, чтобы Рой обвинил постоянно критикующего его чудака в преднамеренном убийстве. Приговор был вынесен и приведен в исполнение. И хотя все понимали,

что пес просто защищал имущество своего хозяина от вора, никто в деревне не подал голос в защиту Грега. Кроме, конечно, его сына Лиона.

И вот теперь Лион понимал, что не за горами то время, когда Рой доберется и до него. А это, в свою очередь, подтолкнуло друзей совершить давно задуманное путешествие. Путешествие по Дороге.

Дело в том, что совсем недалеко от поселка проходила старая, испокон веков существовавшая, так называемая, Дорога Людей. Вообще-то вокруг и в самой деревне было довольно много артефактов, ранее принадлежащих Людям. Так, например, если взобраться на большой холм, недалеко от деревни, то с его вершины были видны огромные каменные горы, чем-то похожие на ульи. По преданиям, до Великой Катастрофы они служили Людям жилищем. Также в каждой семье были разноцветные посудины из мягкого и, одновременно, достаточно прочного материала. Эти посудины не портились и не ломались, и переходили от родителей к детям из поколения в поколение. Кроме того, по лесам вокруг деревни валялось огромное количество странных вещей, назначение которых для жителей деревни оставалось неизвестным.

Но все-таки самым главным артефактом была Дорога. Легенды гласили, что Люди могли летать, им служили огромные железные монстры, они могли зажигать и гасить звезды. Но это все легенды. А дорога - вот она! Шершавая и твердая лента, она была твердой, но текла будто река. И никогда не останавливалась. Текла не слишком быстро, ровно настолько, чтобы на нее можно было встать, а дальше она несла тебя сама. Но куда? Этого в деревне никто не знал. Большинство считало дорогу заколдованным местом, и традиция не посещать ее, была такой же частью ритуала, как и нежелание возводить стены и большие строения (считалось, что именно большие стены погребли под собой Людей во время Великой Катастрофы). Только чудак Грег осмеливался ступить на Дорогу. Да и он не путешествовал по ней слишком далеко.

И вот теперь Кевин и Лион решили отправиться в путешествие по Дороге. Туда, где, как они считали, живут Люди. Чего они ждали от этого путешествия? Возможно того, что Люди решат все их проблемы, накажут Роя или что-то в этом роде. Конечно, немного наивно, но что им оставалось делать? Дни Лиона были сочтены, терять ему было нечего. Да и Кевину давно надоел сложившийся порядок вещей. Честно говоря, он более всего надеялся, что у Людей он сможет разжиться каким-то особенным, очень эффективным оружием. Тогда-то он покажет всем этим ничтожествам, кто в доме хозяин. В общем, возвращаться с пустыми руками друзьям было нельзя.

Первое время они шли по дороге, которая, в свою очередь, несла их сквозь лес. Получалось, что они как бы идут с удвоенной скоростью. Но вскоре они устали. Сказывалась бессонная ночь. Да и зачем идти, если дорога несет тебя сама? Кевин лег прямо на дорожное полотно, положил под голову свой мешок и приготовился вздремнуть. Лион сел рядом, поджав под себя ноги, и достал из-за пазухи какой-то завернутый в кожу предмет. А уже через секунду он каким-то странным образом раскрыл его и принялся водить по нему пальцем, бормоча при этом какие-то непонятные слова.

- Что это ты делаешь? – спросил его Кевин.

- Читаю книгу, - ответил Лион.

- Что, что? Читаешь? Что значит «читаешь»?

- Вот смотри, - сказал Лион и протянул Кевину прямоугольный предмет.

Кевин заглянул в него и не увидел ничего интересного. Предмет был наполнен тонкими листами, изрисованными какими-то каракулями.

- Отец научил меня читать. Он говорил, - пояснил Лион, - Что Люди умели читать. Раньше у них было много таких вот книг. Но после катастрофы почти ничего не осталось. Мой отец собирал обрывки по всему лесу. И создал из них книгу, дополнив ее своими мыслями. Книгу эту он назвал «Как стать человеком». Вот эта книга.

- А кто научил его... ну, рисовать эти рисунки?

- Его научил отец, а того в свою очередь отец отца.

- А-а-а, понятно. Ну и как стать Человеком?

- Понимаешь, - ответил Лион, - во-первых, мой отец считал, что Люди когда-то вышли из Эдема. Это такой лес, где они жили мирно и ни в чем не нуждались, но у них не было ничего, что делало их могущественными. И теперь, после катастрофы, они туда вернулись. Также Грег считал, что даже мы можем стать Людьюми. Надо только убить сидящего глубоко в себе злого, подлого, хитрого, ленивого, глупого и трусливого зверя.

- Зверь?! Во мне?! – всполошился Кевин.

- Ты не понял! – попытался успокоить его Лион. – Не в прямом смысле, а в переносном. Он, этот зверь, ты и есть. Это часть тебя.

- А-а-а, тогда хорошо, - успокоился Кевин, хотя на самом деле он не до конца понял своего друга. – Так как его убить?

- Мой отец говорил, - продолжил Лион, - что для этого достаточно хотя бы придерживаться следующих правил: тратить время только на самые важные вещи, никогда не жалеть себя. Жалость к себе - это оправдание бездействия, трусости и лени, брать все от каждого мгновения жизни. Это значит, что не надо жить ни вчерашним, ни завтрашним днем. Каждый день нужно делать все, что только можно и никогда не откладывать на завтра. И всегда помнить о цели, понимать то, ради чего ты что-либо делаешь.

- Как-то так... – вздохнул Лион, и, увидев, что Кевин не отвечает, но о чем-то напряженно думает, снова уткнулся в книгу. – Здесь, правда, много непонятного. Я говорил тебе, что Грег вставлял сюда обрывки текстов, которые нашел после Великой Катастрофы. Я не все могу разобрать. Вот, например, здесь написано: «Только здесь и сейчас в нашем магазине второй руки самые дешевые марсианские кибер-имплантаты.» Что такое «магазин», «вторая рука» и другие слова, значения

которых я не понимаю? Мне кажется, что речь здесь идет все о том же - что все надо делать здесь и сейчас. И много еще чего-то в таком же роде.

Ну, а тем временем, дорога приближала путешественников все ближе и к ближе к развалинам города. И вот уже она несет друзей прямо между исполинских сооружений. Гигантские здания смотрят на них своими пустыми окнами. И жуть сковывает сердца. Здесь слишком тихо. Пугающе тихо. Будто ты очутился на огромном кладбище. Что-то неестественное есть во всем этом.

Кевин обратил внимание на многочисленные проемы. Похоже, они служили Людям входом в эти огромные башни. Судя по размеру этих проемов, люди были примерно такого же роста, как и они с Лионом.

Но проходит некоторое время, и ничего не происходит. Да, пустые улицы производят на них гнетущее впечатление, но постепенно любопытство берет свое. Первым не выдерживает Лион.

- Пойдем, - говорит он своему другу, - пойдем, посмотрим, что здесь и как.

- Страшновато как-то, - отвечает ему Кевин.

- Да ладно тебе. Здесь, судя по всему, никого нет. Давай осмотрим окрестности. Интересно же. Может быть, найдем какие-то следы Людей. А дорога она никуда не денется. Она уже много лет ползет в этом направлении.

- Ладно, - уступает Кевин. – Идем, прогуляемся.

Друзья дождались момента, когда дорога поднесла их прямо к какой-то лесенке. А затем, взобравшись по ней, очутились на довольно обширной каменной площадке заваленной различным мусором: осколками стекла, камнями и железными прутьями. Они еще толком не успели оглядеться, как в дальнем конце площадки что-то зашевелилось.

Один из старых, покрытых грязью и пылью ящиков замигал какими-то огнями и быстро направился к ним, передвигаясь с помощью небольших, расположенных по бокам корпуса колес.

Кевин уже поднял арбалет и приготовился стрельнуть в непонятное существо, хотя сам, в то же время, был до предела напуган. Но ящик опередил его. Он неожиданно заговорил на понятном, хотя и немного странно звучащем языке.

- Добрый день! Добро пожаловать к нам в город! О, у нас так давно не было гостей. Как прикажете к вам обращаться, молодые люди? Господа? Товарищи? А может быть, камрады?

- Люди? Мы не люди! – Запротестовал Лион. А Кевин опустил арбалет, временно передумав стрелять. - А ты кто такой!?

- Позвольте представиться, - ответил им ящик, - меня зовут Сэм Уг. Самообучающийся электронный механизм, универсальный гид. Можете называть меня просто – Сэм. Или любым другим удобным для вас именем.

- А вы простите, туристы? Дело в том, что я довольно давно не имел возможности встречать туристов. А ведь это моя прямая обязанность – принимать путешественников, показывать им город, проводить экскурсии. Мне кажется, в министерстве туризма про нас давно забыли. А вы случайно не из министерства туризма? – обратился к ним ящик Сэм.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что кроме квадратного корпуса и колес, Сэм состоит из чего-то вроде рук, торчащих из верхней части его «туловища» и плоского монитора, (правда друзья не знали, что это монитор) на котором светилось приветливое, но абстрактное человеческое лицо.

- Ты что-то вроде хозяина этих мест? – попытался разобраться в сказанном Лион.

- Не совсем. Я, как уже сказал, гид, проводник. Так вы не из министерства туризма?

- Нет.

- Жаль, жаль. А то понимаете, наверно у нас тут затеяли ремонт. Возможно, наш город решили превратить в большой урбанистический парк.

С этими словами Сэм сделал широкий жест псевдорукой. Как бы, показывая гостям окружающий ландшафт. Надо сказать, что Сэм довольно много жестикулировал, подкрепляя таким образом, свою речь. Это, с одной стороны выглядело довольно странно и смешно, а с другой - располагало к нему.

- Но чем закончилось, я так и не понял, - продолжил он. – Произошел большой взрыв. Исчезли все люди. Остался один я, так как в момент взрыва как раз заехал сменить солнечные батареи. Вот именно благодаря ним я до сих пор и работаю. С тех пор я никого не видел. Хорошо бы получить новые инструкции. А вы точно не из министерства туризма? Нет? Ах, простите, я уже спрашивал. Но что же я все болтаю?! Позвольте предложить вам мои услуги гида!

- Проводник, говоришь? – спросил робота Кевин. – И Людей в городе нет?

- Нет.

- Ну, тогда отведи нас в самое интересное место.

- О, да, конечно! – Сэм оживился и замахал руками. – Я отведу вас на набережную. Вы увидите море. Прошу за мной.

С этими словами он развернулся и поехал на своих колесиках прочь от площадки.

Пройдя буквально несколько кварталов среди руин, Лион заметил на одной черной, будто обгоревшей, стене дома силуэт человека. Потом еще и еще.

- Что это такое? – спросил он у Сэма, указывая на стену рукой. – Это сделали Люди?

- К сожалению, точно не скажу, – ответил тот. – Раньше их не было. Они появились после той реконструкции, о которой я говорил. Мне кажется это граффити.

- Что, что?

- Это такой вид искусства, – пояснил Сэм. – Современного. Рисунки на стенах зданий.

- А-а-а-а.

Дальше шли молча. До тех пор, пока Кевин не увидел среди огромных зданий какой-то просвет. Вокруг них, будто горы, возвышались полуразрушенные, но все еще огромные строения. А там, вдалеке, было огромное пустое место.

- Что там? – спросил он. – Идем, посмотрим.

Они вышли на край гигантского котлована, в свою очередь размещенного посреди огромной выжженной площади, проход к которой был завален осколками камня. Дно котлована покрывала корка полупрозрачного и гладкого на вид материала, похожего на стекло.

- Здесь был центральный парк, – тихо сказал Сэм.

Путешественники молча стояли на краю ямы. Отчего-то было грустно и страшно. Казалось, если бы у монитора была возможность лить слезы, Сэм бы заплакал.

- Ладно, идем отсюда, – махнул рукой Кевин. – Где там твое море? Показывай.

Они вернулись и продолжили предложенный роботом путь. Пройдя еще немного, увидели впереди что-то вроде длинной стены с ведущими на нее лестницами.

- Это дамба, – пояснил проводник. – Нам необходимо взобраться туда.

Он указал рукой в сторону свободного пространства наверху стены. Поехал вперед и с помощью особым образом вращающихся колес, довольно ловко взобрался по лестнице.

- Вот, – он махнул рукой, указывая взобравшимся следом друзьям на простор, лежащий по другую сторону стены, – здесь открывается прекрасный вид на...

И замолчал. Перед ними лежала огромная, кое-где поросшая кустарником равнина.

Постепенно подавленное состояние, оставшееся после посещения вымершего города, отходило на задний план, уступая место банальной усталости. Близилась

ночь, и оба друга смертельно хотели спать. Дорога, куда они вернулись сразу же после посещения городских достопримечательностей, продолжала нести их в одном ей ведомом направлении.

- Ладно, - ответил Кевин на незаданный вопрос, - ложись ты первым, а я покараулю.

- Спасибо, - ответил Лион и тут же заснул, смешно свернувшись калачиком.

Кевин еще некоторое время устало таращил глаза в темноту. Но не выдержал и не заметил, как уснул. Проснулся он от ощущения какого-то мягкого и теплого прикосновения. Будто крыло неведомой волшебной птицы слегка коснулось его щеки. Он открыл глаза и увидел, что это была никакая не птица, а первый луч зарождающейся зари. Лион уже не спал. Он сидел тут же и беззвучно шевелил губами, глядя на освещенные огнем края гор.

- Смотри, как красиво, - протянул он руку в направлении рассвета, когда увидел, что Кевин открыл глаза.

По мере того, как всходило солнце, друзьям открывалась прекрасная картина. Огромный сад, расположенный на горных уступах. Белые цветы на деревьях, а между стволов видны были маленькие уютные домики с изящными крышами.

- Смотри, - повторил Лион, - здесь наверно живут Люди. Да, да – не может быть сомнений!

Они приближались все ближе и ближе к встающей прямо по курсу гряде. Но среди деревьев нельзя было различить хоть какого-то движения. Необъяснимая тревога кольнула сердце внимательно вглядывающегося в пейзаж Кевина. Что-то неуловимо знакомое было в этих горах. А Дорога продолжала свой путь. И вот они уже у самых отрогов. Потом Дорога завела их в какое-то ущелье, пересекающее горы. Они проехали его, но так и не увидели признаков жизни. Черная лента вывела друзей на холмистую равнину, расположенную за грядой. Еще какое-то время они продолжали вглядываться в пейзаж по обеим сторонам Дороги.

Но вот появился такой знакомый лес. Долина. Дело в том, что жители деревни никогда не заходили за эту горную цепь, считая эти места проклятыми. Лион уже, кажется, все понял. Восторженное ожидание сменилось на его лице детской растерянностью. Потом он обхватил голову руками и сел на дорожное полотно. Так он и просидел, раскачиваясь из стороны в сторону, пока они не подъехали к тому самому месту и тому самому камню, откуда началось их путешествие.

А тут их уже ждали. Целая компания во главе со стариной Роем.

- О-о-о, кто к нам пожаловал?! – протянул он с гадкой усмешкой, когда друзья сошли с дороги.

- А вот этого молодого человека, - Рой указал на Лиона пальцем, - я давно дожидаюсь. Иди-ка сюда. Нам найдется, о чем потолковать с сыном колдуна.

В этот момент Кевин, не задумываясь, поднял арбалет и выстрелил. Стрела попала Рою прямо в лоб. В звенящей тишине он завалился на спину и больше никогда не поднимался. В то же самое время Кевин стоял, зажмурил глаза. Он понимал, что сейчас приспешники Роя просто напроосто разорвут его на части, и ничто не сможет им помешать. Но прошла секунда, другая, а ничего не происходило. Кевин открыл глаза и посмотрел на свиту бывшего вождя. Никто из них не двинулся с места, а взгляды их были устремлены куда-то за его спину. Кевин оглянулся и увидел Лиона, державшего в руках заряженный арбалет.

- Кажется, я кое-что понял о том, где живут Люди, - сказал он Кевину, не опуская нацеленного на толпу арбалета.

Хроника одного дня.

Нет. По оживленной дороге идти нельзя. Это было понятно с самого начала. Одинаково смешил мимоходом услышанный разговор двух старушек о ценах на коммунальные услуги и мужик, с чувством собственного достоинства вылезавший из гелентвагена. Да и сам черный кубик «гелента» казался смешным. Остро чувствовалось, что все это не то. Надо скорее уходить. Но куда?

Прохожие как-то странно оглядываются на него и его спутника. Может быть людей смущает их разговор? Надо куда-то свернуть. Например, в парк. Просто посидеть на скамейке и спокойно поговорить. Но вот «посидеть» - это под вопросом. Чего только стоило то, как они только что посидели в кинотеатре. Да. Он смеялся во весь голос прямо во время самой душевной и слезливой сцены. Смеялся громко, на весь зал. И еще громко комментировал это своему спутнику. Немудрено, что все оборачивались. Боже, какая все это чушь! Все эти лицемерные сценки. Ну, замочили главного героя. Неужели непонятно, как все это смешно и натянуто? А важно совсем другое. И, кажется, только теперь он понял - что. Почти понял.

Вот слева парк – нам туда. Они нашли лавочку в самом дальнем конце. Теперь можно спокойно посидеть и поговорить. Как много он раньше не видел, как много не понимал! Вот, например, дерево, трава, асфальтная дорожка. Как много скрыто в таких, казалось бы, обычных вещах! Если присмотреться, кора дерева оживает и сплетается в замысловатые фигуры странных существ.

- Что это? – спрашивает он у своего спутника.

- Как что? А ты не знал? Во всем живет много существей. Например, в дереве. Знаешь сколько там маленьких духов? Ты, главное, не бойся.

И он не боялся. Он мог понимать все. Думать одновременно о разных вещах и на разных уровнях. Да и сам разговор... Сам разговор со стороны мог показаться странным. Наверно потому и оборачивались прохожие. Для них необычно, когда люди общаются отдельными словами. Да, для прохожих это необыкновенно, но не для них. Они могли понимать друг друга через слово. На опережение. Стоило начать фразу, как он, другой, понимал и говорил конец уже следующей. Для стороннего наблюдателя этот разговор мог выглядеть примерно так:

- Что...?

- ... не знал? Во всем... дереве... духов... не бойся.

Все. Посидели (целых пять минут), пора идти. А так много всего сказано. Ты будто поднялся над всем бредущем человеческим стадом. И можешь видеть далеко вперед, назад и в стороны. Пойдем в центр – куда же еще? Главное, не встретить никого знакомого. Сейчас они могут только помешать. Эти глупые и скучные лица, задающие пустые вопросы. Какие вопросы, когда ты уже почти все понял. И остался один главный и единственный вопрос, который так и вертится на языке. И какое счастье, что есть человек, которому можно его задать. Этот человек был с тобой всегда, просто ты его, почему-то, не замечал. Так что это за вопрос? А... да, вот. Ой! Смотри, какой памятник! Неподвижный в обычное время, сейчас он как трансформер. Такое ощущение, что он крутит головой и провожает нас взглядом.

- Да, так вот... Я все же спрошу.

Ладно, потом. Устал. Возьмем пива и поедем домой. Начинала наваливаться тяжесть. За этот день столько пройдено – почти весь город. Надо идти домой отдохнуть. Он знал, что завтра будет спать весь день. Собеседник куда-то исчез. Но сейчас не до него. Начинает отпускать.

Целитель.

Я люблю людей. Нет, вы не подумайте, это не шутка. Я действительно люблю людей. Но не так, как любят людей людоеды, или, как мог бы любить вампир – как домашний скот, который смотрит на вас коровьими глазами, но который все равно ты зарежешь, когда придет его время. Я действительно их люблю. Пусть они и не всегда этого заслуживают.

Сегодня днем ко мне привезли очередного посетителя. Пациента. Я лечу людей. Не всех. Только когда надежды уже нет. Я не выращиваю отрубленных рук и ног, не навожу порчу и не лечу от гайморита и триппера. Ко мне приходят, когда край. Когда уже все. Люди находят меня сами. Я не даю рекламы в газетах и не выступаю с сеансами на телевидении.

Моя работа требует много энергии. И у меня есть способ ее восполнять. Иначе я очень быстро выдохнусь. Я знаю это также хорошо, как то, что для того, чтобы существовать, надо есть. Белки, жиры, углеводы и всякие витамины.

Потому, что когда я лечу, я черпаю из той жизненной энергии то, что есть у меня и вливаю ее в больного. Просто у меня её много, и я умею ее восполнять. Умею ею пользоваться. Однажды я слышал легенду о чистых духом целителях, которые получали энергию от тех, кого вылечили. Вроде как в награду за доброе дело. Это, как если колдун наводит порчу, то берет на себя грех – удар кармы. Который потом обращает в следующий грех. В следующую порчу. И так до тех пор, пока не остановится или пока не лопнет запас его прочности. И тогда ему конец. А это, то же самое, только наоборот. Делаешь добро и добро получаешь. Но, по-моему, это сказка. Во всяком случае, со мной не так. Может, я недостаточно чист?

Я не всегда беру деньги с моих больных или с тех, кто их приводит. Обычно мне достаточно одного взгляда, чтобы понять, когда можно взять и сколько. Я просто это чувствую. Но если беру, то столько, чтобы для данного конкретного человека, это было много. Почти все. Именно такова цена за последнюю надежду. Много, но не все до последней нитки. Так много, сколько не жалко отдать за жизнь любимого человека. У меня не торгуются.

Так вот, сегодня ко мне привезли мальчика. У него был рак крови. Он был уже практически мертв. Я не стал брать денег с его родителей. А отдал ему силы сполна. Хотя сегодня такой день. День, когда раз в лунный цикл я должен пополнить энергию. Это как если к тебе в канун зарплаты пришел друг одолжить денег. И ты выгрел ему все. А у тебя осталось ровно столько, чтобы доехать до работы и получить эту самую зарплату. Со мной тоже самое. Я сразу попросил их побыстрее уйти, не обращая внимания на клятвенные благодарные обещания и слезы.

Выждав полчаса, после того как за ними закрылась калитка моего загородного дома, я набрал номер одного моего поставщика. Я обращаюсь к нему в крайних случаях. У него не сильно качественный продукт. Вернее, не совсем тот, что мне подходит. Но плачу я щедро. Так что он не жалуется. Я сел в свой «Мерседес» и выехал. Да, да. Ничто человеческое мне не чуждо, а в средствах я не стеснен.

Поставщик Володя вел меня по не слишком чистым и холодным коридорам, что-то недовольно бурча себе под нос. Мол, все слишком срочно и время неудобное. Я его не слушал. Он завел меня в небольшую комнатку и велел подождать здесь. Через пятнадцать минут он вернулся, волоча за собой тележку, накрытую белой простыней. Володя сказал, что вернется через час, и вышел, закрыв дверь на ключ.

Я отдернул простыню. От этого ритуала я не испытываю ни капельки удовольствия. Но уже давно научился не испытывать отвращения. Просто мне это необходимо. Я пополняю энергию, только и всего. Чтобы делать добро людям. Ведь на самом деле, я люблю людей.

Я наклонился и впился зубами в край развороченной грудной решетки лежащего передо мной трупа.

Я - волшебник.

Конечно, Катерина частенько опаздывала на пять десять минут и без какой-либо видимой причины. Но сегодня все было не так как обычно. Она опоздала потому, что ей обязательно нужно было поговорить с мужем Витей. А для разговора была своя, более чем весомая причина. На самом деле, разговор можно было отложить до вечера. Но Катерина была девушкой решительной и не любила, как это сейчас модно говорить, пролонгировать задачи.

И вот она опаздывает, вихрем забегают в кабинет, садится на рабочее место, отточенным движением включает компьютер носком туфли. Несколько мгновений молитв ай-ти богам, чтобы компьютер быстрее загрузился и не завис, а пока надо сделать озабоченно-умное выражение на смазливой мордашке. Это на случай, если

истеричный начальник отдела решит проверить, чем занимаются подчиненные в девять пятнадцать утра.

Но, вроде бы на этот раз обошлось. Компьютер загрузился, начальник не явился. Катерина спокойно открыла 1С и все, что нужно для работы. Теперь можно было проверить и личную почту. Там-то ее и ожидало письмо.

Письмо было от друга ее мужа, некоего Артема. Артем писал следующее.

«Здравствуй, Катя, - говорилось в письме. – Я должен открыть тебе маленький секрет. Практически, тайну. Ты только не смейся и постарайся воспринять эту информацию серьезно. Дело в том, что я – волшебник!»

Но обо всем по порядку. Я давно начал замечать за собой некоторую «паранормальность». Так, стоило мне чего-то искренне пожелать, и оно непременно сбывалось. С некоторыми оговорками, конечно. Исполнялись исключительно мелкие, прозаичные желания. Это раз. А во-вторых, желания эти не должны быть осознанными. Например, пожелать себе повышения зарплаты или Курникову на ночь у меня никак не получалось. Зато, бывало, заходишь в метро, а впереди идет студентка и активно крутит симпатичными бедрами. И как только на краю моего сознания вспыхивает импульс, еще не оформившееся в слова желание шлепнуть ее по попке, ни с того ни с сего, срабатывает турникет, и два рычага хлопают ее вместо меня. Или какой-то хам толкает меня в толпе, и тут же падает споткнувшись. А ведь я еще не успел как следует разозлиться.

Естественно, я всегда хотел научиться контролировать эти способности. Но как можно контролировать бессознательное? Не буду сейчас описывать тебе скучные подробности. Скажу только, что я максимально старался отключать рациональную часть мышления и максимально поддаваться предварительно выстроенным эмоциям. Подключиться к потоку Силы, так сказать. Приходилось бороться с мозгом. И тут на помощь приходили старые добрые друзья – пиво, шишки и американские книги по маркетингу.

И у меня начало получаться! Мне кажется, большинство людей живут по схеме: эмоции – мысли – поступки. У меня же схема усложнилась и приобрела примерно следующий вид: эмоции – мысли – эмоции – волшебство.

Но уже на первых порах познания искусства магии я задумывался, а для какой цели может послужить столь необычный инструмент? Неужели для удовлетворения моих эгоистичных потребностей? «Конечно, нет!» - сам себе ответил я. А если честно, то мне просто так и не удавалось выбить у высших сил что-то для себя. Видимо таков закон равновесия. Я получил силу, но не мог использовать ее на свое благо. Волей-неволей, я был вынужден использовать ее на благо других людей.

Ты, наверно знаешь нашего общего друга Женю. Не помню, застала ли ты это время или нет, но был период в его жизни, когда он пил. То есть выпивал, то он всегда. А в этот период он не просто выпивал, а именно Пил. Причем я не оговорился, Пил с большой буквы «П». Казалось бы, что мне за дело? Ну, пьет человек и пусть пьет.

Но дело в том, что, когда Женя пил, это сказывалось и на окружающих. А больше всего на мне. Во-первых, у него была привычка звонить мне по утрам после крупной пьянки. Часиков в шесть семь воскресного утра. Он еще пьян. И ему требовалось немедленно излить душу. И, что интересно, отказы не принимались. Так как Женя звонил, уже находясь у дверей моего подъезда. А если я все-таки отказывал ему, то переставал считаться другом. До следующего воскресного утра.

А во-вторых, он постоянно объявлял родственникам, что пьет не с кем-нибудь, а именно со мной. Естественно это было не так, но его жена и мать смотрели на меня очень недоброжелательно.

Так что сама понимаешь, я просто был вынужден делать добро.

Я захотел, чтобы он бросил пить. Захотел искренне и самозабвенно. Чудо свершилось. Однако я немного переборщил. Дело в том, что я хотел, чтобы он бросил сильно Пить, но при этом мог позволить себе бутылочку другую пива. А вышло так, что Женя бросил пить совсем. То есть полностью. Он завязал и теперь не берет в рот ни капли спиртного.

К чему это я? А к тому, что, зная, как вы хотите ребенка, я пожелал, чтобы он у вас появился. И не надо думать пошлости. Только чистая магия. Это будет Ваш ребенок, а не какого-то там святого духа. Так что тебе имеет смысл провести тест на беременность. Уверен, что он будет положительным.

Не надо благодарить. Я всего лишь орудие Космоса.

А сейчас я хочу еще раз использовать данную мне волшебную силу. Желаю, чтобы ты улыбнулась!»

Тот самый утренний разговор с мужем был как раз о том, что она ожидает ребенка. И как всякая женщина, Катя немного волновалась, сообщая об этом своему мужчине. Проведенный утром тест дал положительный результат. Впрочем, ее страхи оказались напрасными. Витя воспринял эту новость весьма положительно. Ведь они действительно давно хотели ребенка.

«Вот юморист, - подумала Катерина, заканчивая чтение письма, - Наверно Витя уже рассказал ему, и Артем решил пошутить». Погруженная в свое счастье, девушка даже не обратила внимания на то, что письмо Артема было датировано вчерашним числом. Да так ли это и важно, ведь такие вещи тоже можно подтасовать, верно?

Она улыбалась.